

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
16 (79)

Ю.Я. ПЕРЕПЕЛКИН

ЧАСТНАЯ
СОБСТВЕННОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
ЕГИПТЯН
СТАРОГО ЦАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1 9 6 6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
16 (79)

Ю.Я. ПЕРЕПЕЛКИН
ЧАСТНАЯ
СОБСТВЕННОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕГИПТЯН
СТАРОГО ЦАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Старое царство в Египте, оставившее каменные громады пирамид и отстоящее от наших дней на четыре—четыре с половиною тысячелетия, представляет в его хозяйственной жизни древнейшую пору, доступную разностороннему изучению.

В этой книге, служащей как бы вступлением к большому исследованию о производственных отношениях Старого царства, внимание сосредоточено на одном вопросе: представлении о частной собственности, существовавшем в этом древнейшем государстве. Вряд ли нужно доказывать, что подобная работа может быть полезной для понимания источников такой глубокой древности.

В основу изысканий, изложенных в данной работе, легли надписи почти неизменно времени V—VI царских домов — на скалах, в жилищах, в храмах, главным же образом в гробницах больших и малых должностных лиц, хотя отправною точкою, как это ни странно, служат заклинания внутри пирамид фараонов. Если наскальные надписи дают нам несколько любопытных званий, а развалины жилищ — содержательные обозначения их самих и их обитателей, то остатки храмовых стен и плит сохранили важные для наших целей правительственные указы, сведения о государственном словоупотреблении. Бесконечно богаче нужными нам данными гробницы частных лиц. Здесь имеются как надписи о самих сооружениях, так и звания их владельцев, их жизнеописания, завещания, распоряжения о поминальной службе. Но всего чаще исследуемые обозначения бывают заключены в пояснениях к изображениям на гробничных стенах, где представлены родня и слуги умершего, доставка ему продовольственных приношений и гробничной обстановки, а также производство того и другого на селе и в мастерских.

Непосредственным предметом нашего изучения явились представления, кроющиеся за выражением д.т в его общественно осмысленном употреблении. В таком своем применении слово д.т (условно произносимое нами как «джет») получало в науке самые различные толкования, подробно же оно не было обследовано, хотя им и пестрят староегипетские памятники.

После краткого обзора этого вопроса в науке рассмотрено словоупотребление пирамидных надписей, которое послужит отправной точкой для дальнейших изысканий, основанных преимущественно на надписях частных гробниц. Эти изыскания направлены сперва на употребление слова д.т вне особо употребительного сочетания «дом д.т» — для определения людей, животных, селений, зданий, заведений, а затем как прямого обозначения тех или иных лиц. То же выполнено в отношении устойчивого сочетания «дом д.т», обозначающего обычно хозяйство частного лица; изучено это сочетание и как определение к названиям существ и пред-

метов и как обозначение отдельных людей. Под конец мы обобщим произведенные изыскания в виде нескольких заключительных выводов.

Будем надеяться, что в итоге представится возможным понять слово д.т в его общественно осмысленном употреблении повсеместно как «плоть». Отнесением к чьей-либо «плоти» выражалась как личная принадлежность к обладателю «плоти» в силу родства или службы, так и принадлежность к нему как владельцу. При этом в обоих случаях принадлежность к чьей-либо «плоти» четко противопоставлялась как отношению частного порядка принадлежности государству. Частное противопоставлялось государственному, но в пределах самого частного к частной «плоти» могли относиться как всякого рода движимость и недвижимость, так и лица, никакими невольниками явно не бывшие. Перед нами своеобразное соединение в одном обозначении, на наш взгляд, разных понятий. И эту особенность староегипетского словоупотребления необходимо постоянно иметь в виду при определении рода и степени принадлежности кого-либо или чего-либо, отнесенного к чьей-либо «плоти».

Своеобразный способ выражения принадлежности путем отнесения к «плоти» хозяина не был единственным способом обозначения собственности в Старом царстве. Однако другие способы обозначения не только реже встречаются в надписях, но и не заключают противопоставления собственности как частной — собственности государственной. Эти иные обозначения найдут свое место в другом (подготавливаемом к изданию) исследовании пишущего эти строки — о производственных отношениях Старого царства.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глава 1. ПОЛОЖЕНИЕ ВОПРОСА

Среди слов, употребительных в староегипетских надписях для выражения общественных отношений, одно из самых обычных слово д.т (d.t). Чаще всего оно стоит в тесном сочетании со словом пр «дом», образуя с ним одно целое выражение: пр д.т «дом д.т» или пр н(й) д.т «дом, что от д.т».

Количественно сочетание с «домом» превышает все прочие случаи общественно осмысленного д.т, вместе взятые, хотя и эти последние очень многочисленны. Но как ни часто встречается в надписях слово д.т, одно или в сочетании с «домом», оно до сих пор не было обследовано подробно и понимается разными лицами по-разному, в зависимости от более или менее случайных впечатлений. В итоге наметилось три толкования, из которых второе убедительнее первого, а третье убедительнее второго.

Первое и самое давнее толкование, не утратившее приверженцев поныне, отождествляет загадочное д.т с однозвучным по согласному составу словом д.т «вечность» и соответственно понимает «дом д.т» как «дом вечности» в смысле гробницы или вечного, переходящего по наследству владения. С этим переводом, однако, плохо вяжется то, что д.т дается в качестве определения таким совсем не вечным существам, как заупокойные жрецы, управители, работники, и вдобавок само снабжается притяжательными местоимениями. Только сильно напрыгая воображение, можно вложить какое-нибудь содержание в такие обозначения, как «писцы вечности его» или «властели вечности его», приложенные к писцам, ведущим учет в мастерских вельможи, или к управителям, доставляющим ему поступления с подведомственных им владений. Да и само распространенное выражение «дом вечности его» выглядит не менее странно.

Поэтому неудивительно, что возоблагодало толкование д.т как «выделенное имя» — в первую очередь на помин души. Это — второе — толкование является ныне господствующим и находит себе видимую поддержку, с одной стороны, в написании д.т с сопроводительным знаком земли, заимствованным, как думают, отсюда и в написании слова «вечность»; с другой стороны, в возможности, вместе с К. Зете,¹ произнести д.т «выделенное имя» как «нечто отказанное» от глагола вд «приказывать = передавать».

¹ K. Sethe. Das Zahlwort «fünf». Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, 62. Band, Leipzig, 1927, S. 61, Anm. 1.

Однако и второе толкование наталкивается на непреодолимые трудности, убедительно выраженные недавно Б. Грдзелофом.¹ Отбытие покойника из дома на кладбище оказывается «выходом из дома д.т на запад добрый». Областной князь, повествуя о своем благодетельном управлении, говорит о себе: «Отмеривал (я) ячмень верховый из дома (моего) д.т голодному, которого находил (я) в области этой»; «Что до человека всякого, которого находил в области этой (с) зерновой ссудой другого за ним, я был тем, кто возмещал ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома (моего) д.т». Другой сановник, рассказывая о том, как в молодости он состоял при своем брате, говорит: «Считал (я) для него вещи в доме д.т его (в) продолжение 20 лет». «Дом д.т» может быть здесь повсюду только жилым домом или домом-хозяйством живого лица, а никак не заупокойным владением. Основываясь на таком словоупотреблении, Б. Грдзелоф умозаключает, что «дом д.т» означало «частный дом», а «д.т» — «частную недвижимость». Производя д.т вместе с К. Зате от вд «приказывать», Б. Грдзелоф понимает д.т как «присужденное» (раз навсегда), как частную собственность, притом, ввиду определителя земли за словом, как собственность земельную. Он ссылается при этом на два любопытных вд — со знаком земли позади, как у д.т, но с двусогласным знаком вд спереди, как у глагола «приказывать», — содержащихся в древнем труднопонимаемом жизнеописании Мтн. Однако и третье толкование имеет свои неудобства, заметные уже у самого Б. Грдзелофа. Выражение «дети его, что от д.т», построенное в точности так, как другие обороты с д.т, Б. Грдзелофу приходится переводить как «его дети земельного владения» (*ses enfants du domaine*), поскольку д.т почитается за частную земельную собственность, но, конечно, толковать о действительных детях умершего (см. UAR 229) как «о детях его, что от недвижимости» можно только с большими усилиями воображения.

Для частного случая, когда д.т употребляется не как определение, а как прямое обозначение именно подчиненных людей, В. В. Струве² было предложено понимание д.т как «тело» = «раб», в духе греческого слова, имеющего оба значения, но, так как это понимание никак не было связано с прочими случаями общественно осмысленного д.т, его нельзя считать четвертым толкованием этого выражения в целом.

То же можно сказать об объяснении звания д.т Абд эль-Мохсен Бакиром. Ссылаясь на словарь, по которому нй-д.т такого-то значит «что от тела» такого-то и может означать «собственный» такого-то,³ Абд эль-Мохсен Бакир считает, что обозначение людей как д.т или нй-д.т происходит от слова д.т «тело», откуда и значение «собственный». По мнению ученого, звание д.т обозначало «тело» в человеческом образе, т. е. людей как вещи, а звание нй-д.т.ф, известное Абд эль-Мохсен Бакиру по надписям Среднего царства, значило «принадлежащий к его телу», иначе — «его собственный человек», и обозначало чью-то вещь в человеческом образе, т. е. раба.⁴

Толкование д.т в смысле «собственности» встречается в переводах египетских надписей и в случае других употреблений этого слова, помимо званий, однако без надлежащего обоснования.

¹ B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire. Annales du Service des antiquités de l'Égypte, tome 42, Le Caire, 1943, pp. 45—49.

² В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. ИГАИМК, вып. 77, М.—Л., 1934, стр. 67.

³ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, 5. Band. Leipzig, 1931, S. 50a.

⁴ Abd el-Mohsen Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt. Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte, cahier № 18, Le Caire, 1952, pp. 35—38.

При явном расхождении ученых во мнениях остается только изучить вопрос сполна и сначала, — с учетом, по мере возможности, всей совокупности данных и доискиваясь основных значений слова. С них последовательно будет и начать изучение, а проследить их развитие удобно будет по надписям, пользующимся д.т в самых различных смыслах, — по заупокойным заклинаниям, начертанным внутри пирамид последнего царя V царского дома, Унноса, и четырех царей VI царского дома: Атоте, Ми-рэ Пйопе I, Ме-не-рэ Менте-суфа I и Нефр-ке-рэ Пйопе II.

Глава 2. СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПИРАМИД

Помимо д.т «змея» и д.т «вечность», в пирамидных надписях содержится множество д.т, обнаруживающих, однако, настолько тесное родство между собою по смыслу, что их нельзя не считать последовательными ступенями развития одного и того же слова. Большинство этих д.т правильно соединены в словаре в единое слово, но развитие значений от природного до общественного там не показано, и это надо будет сделать здесь.

Коренное значение этого д.т, несомненно, чисто природное — «плоть», даже с оттенком «туловище», в отличие от конечностей: «Возлетел он, возлетел он (разночтения: «Возлетел, возлетел Ме-не-рэ», «Возлетел Нефр-ке-рэ, возлетел Нефр-ке-рэ») из руки вашей, люди, как птицы: изъял он (разночтения: «Ме-не-рэ», «Нефр-ке-рэ») руки свои из рук ваших как сокол (разночтения: «гусь»), взял он (разночтения: «взял он себе», «взял Нефр-ке-рэ») *плоть* свою из руки вашей как ястреб» (АР II 312—313).

«Одета *плоть* твоя («ты» = мертвый царь), приходишь ты к ним (= «братьям твоим богам») (АР I 128).

«О, Нефр-ке-рэ этот! Одета *плоть* твоя, приходишь ты ко (мне)» (АР II 516).

Но несомненно д.т значит также «плоть» вообще, тело в целом, без особого оттенка «туловище»:

«*Плоть* твоя («ты» = Усире) — *плоть* Унноса (или: «Нефр-ке-рэ») этого, *мясо* твое — *мясо* Унноса (или: «Нефр-ке-рэ») этого, *кости* твои — *кости* Унноса этого» (АР I 111).

«*Плоть* твоя — Пйопе этот, бог... *Плоть* ваша — Пйопе, боги» (АР II 262).

«Услышь его, слово это, Рэ, которое сказывает тебе Ме-не-рэ (разночтения: «сказываемое тебе», «которое Ми-рэ сказывает тебе»). *Плоть* твоя — Ме-не-рэ (или: Пйопе, Ми-рэ), Рэ: (да) животворишь ты (разночтение: «оживотвори») *плоть* твою в нем (разночтение: «в Пйопе», «[в] Ми-рэ»), Рэ» (АР II 298—299).

В последних примерах «плоть» близка уже к понятию «самости»: царь — *плоть* от *плоти* своего бога, от собственной того *плоти*, часть его *самости*. Не менее заметен оттенок «самости» в употребительном выражении: «быть властну в *плоти* своей» = владеть своим телом, придя в себя:

«(Как) пробуждается Усире, (как) просыпается бог изнемогший, (как) встает бог, (как) становится властным бог в *плоти* своей, — (так)

пробуждается Нефр-ке-рэ этот, (так) просыпается бог изнемогший, (так) встает бог, (так) становится властным бог в *плоти* своей» (АР II 510).

«Поднимись с утверждения (?) твоего (=с того, на чем ты утверждался?)! Восходишь ты на небо. Рождает тебя небо, как (созвездие) Орион. Властен ты в *плоти* твоей. Защищаешь ты себя от руки противника твоего» (АР II 515; «ты» = Нефр-ке-рэ).

«О, Пйопе (или: «Нефр-ке-рэ») этот! Встань (и да) сядешь ты на кресло Усире! Мясо твое (в) целом — Агум, лицо твое — (лик) шакал(а). Полагаешь (т. е. обращаешь) ты уста твои к Рэ. Побивает он зло по сказанному тобою, жалует он слово твое.

«Встань ты! Не кончишься ты, не погибнешь ты. Живет Пйопе этот. Охватывает мать твоя Нэ тебя, соединяется она с тобою. Берет Кэб руку твою, пришедшего в мире к отцам твоим. Властен ты в *плоти* твоей. Одета *плоть* твоя. Выходишь ты как Хор, что в Тэ (на стыке неба и преисподней на востоке), предстоящий не знающим гибели (т. е. незаходящим звездам)» (АР II 225—226).

«(Как) разверсты обе горы, (и) объявляется бог (и) властен бог в *плоти* своей, — (так) разверсты обе горы, (и) объявляется Нефр-ке-рэ этот (и) властен Нефр-ке-рэ этот в *плоти* своей» (АР II 502).

«(Если) плохо Усире, (то) плохо (и) Нефр-ке-рэ этому, плохо тельцу двух девятков (богов).

«(Если) разрешен бог (и) властен бог в *плоти* своей, (то) разрешен (и) Нефр-ке-рэ этот (и) властен Нефр-ке-рэ этот в *плоти* своей» (АР II 513).

«Умощение, умощение!... (Как) пребываешь ты спереди Хора (разночтение: «на Хоре»), (так) помещено ты спереди Нефр-ке-рэ (или: «Унноса»). Усладило ты ему тобою, ублажаешь ты его тобою. Даешь ты быть властну ему в *плоти* своей, влагаешь ты ужас (перед) ним в очи блаженных всех, что будут смотреть на него, всякого, кто услышит имя его тоже» (АР I 29—30).

«Властен ты (=Уннос или Нефр-ке-рэ) в *плоти* твоей, нет того, что на ноге твоей (=уз?)» (АР I 121).

Сюда же, наверно, относится и изречение, напоминающее второе и третье из вышеприведенных, но с разрушенным «быть властным»:

«О, Нефр-ке-рэ этот! Встань! Прийди в мире ты к Рэ, посланец (??) бога большого! Да уходишь ты в небо, (да) выходишь наружу из небосклона. Направляет тебя Кэб, выказавшегося душою как [бог, внушительного как бог, властн]ого в *плоти* твоей, — бог как будто бы то, душа как будто бы то, предстоятель живых, власть как будто бы то, предстоятель блаженных» (АР II 510—511).

(Разрушенное «быть властну» восстанавливается почти с достоверностью, особенно ввиду созвучного и по смыслу родственного слова «власть» в конце).

Значение «самости» уже отчетливо присуще «плоти» в следующем заклинании:

«О, Нефр-ке-рэ (или «Ме-не-рэ», «Пйопе») этот! Даны тебе уста твои (разночтение: «Даны тебе жизнь, счастье (?) всяческие навечно, тебе (1) уста (?) твои (?)») Рэ. Ты говоришь, *плоть* твоя (т. е. сам ты). Принял ты образ бога. Большой ты в (нем?) у богов, предстоятелей пруда» (АР I 417—418).

Естественно, слово «плоть» с таким явственным привкусом «самости» могло прилагаться к частям тела для определения их как «собственных».

При принесении жертвы, отождествленной с «очами Хора», приносящий заверяет мертвого царя, приравненного Усире:

«О, Нефр-ке-рэ этот! Я — сын твой, я — Хор. Пришел (я), доставил (я) тебе очи Хора, что от *плоти* его (т. е. очи Хора самого, очи Хора собственных)» (АР I 38).

Поднося жертву молоком, царя заверяют:

«Вот, головка (т. е. сосок), что от груди Хора, что от *плоти* его (т. е. груди Хора самого, груди Хора собственной). Возьми себе в уста твои — молока крынка» (АР I 21).

Подобные утверждения делаются не только о жертвах, отождествляемых с частями тела, но и непосредственно о частях тела как таковых:

«Сказывание слов со стороны Нэ: Атоте, дала (я) тебе сестру твою Эсе: охватывает она тебя, дает она тебе сердце твое, что от *плоти* твоей (т. е. сердце, принадлежащее самому тебе, сердце твое собственное)».

«Сказывание слов со стороны Нэ: Атоте, дала (я) тебе сестру твою Небт-хо: охватывает она тебя, дает она тебе сердце твое, что от *плоти* твоей» (АР I 2).

Не менее естественным было употребление оборота «что от *плоти* такого-то» для указания прямого родства, когда хотели подчеркнуть, что тот-то является родным — *собственным* сыном того-то:

«Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе Уннос. Возвел ты (к себе) его, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от *плоти* твоей, навечно» (АР I 89—90).

«Атум, возвел ты Унноса этого, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от *плоти* твоей, навечно» (АР I 122).

Из определения «что от *плоти* такого-то», употребленного для выражения телесной принадлежности той или иной части тела или того или иного лица тому-то, развивается словоупотребление более отвлеченного порядка — для передачи непосредственной принадлежности в более отрешенном смысле. Двойник мыслился тесно связанным с человеком, но частью его тела он не был и даже представлялся существующим вне его. Тем не менее и к двойнику прилагается то же определение принадлежности:

«Принимает его Хор (или: «Принимает Хор Нефр-ке-рэ — жив он вечно!») на два пальца своих, очищает он Унноса этого в пруде шакала, отрешает он (от нечистоты) двойника Унноса этого в пруде того, что в Тэ (т. е. на стыке востока неба и преисподней), обметает он мясо двойника Унноса этого, что от *плоти* его (т. е. двойника Унноса самого, двойника Унносова собственного)...

«(Когда) светлеют обе земли (т. е. Египет), открывает он лицо богов (т. е. открывает идола), доставляет он двойника (по-египетски «двойник» и «пища» одинаково «ко») Унноса этого (или: «Нефр-ке-рэ»), что от *плоти* его, во двор большой» (АР I 193—194).

Таким образом, действительная принадлежность чего-либо или кого-либо тому или иному лицу может быть выражена путем приурочения или отнесения к его *плоти*, к его самости даже тогда, когда относимое не является непосредственно частью ее по местонахождению или происхождению. Правда, двойник является составной частью или, точнее, сопричастником человеческого существа, но в пирамидах содержатся и такие изречения, где отнесение к «плоти» такого-то лица выражает собственность его на вещи, не входящие в состав человеческого тела или человека в расширенном смысле. В связи с жертвоприношением мертвому царю говорится:

«Рэ! (Когда) утрениешь ты (т. е. рано поднимаешься) в небе, утрениешь ты (т. е. рано поднимаешься) для Унноса, владыки (т. е.

владельца) вещи всякой. (Как) тем, что от *плоти* твоей, (является) вещь всякая (т. е. как тебе самому принадлежит все), (так) тем, что от двойника Унноса, (является) вещь всякая (т. е. так двойнику Унноса принадлежит все), (так) тем, что от *плоти* его, (является) вещь всякая (т. е. так и ему самому принадлежит все)» (АР I 24).

Здесь, следовательно, выражение «что от *плоти* такого-то» приложено к «вещам всяким» и в их числе к приносимым жертвенным дарам.

Полноты ради произведенного обзора следует упомянуть еще о своеобразном двойственном д.т д.т, употребительном в пирамидах всегда с предшествующим обоим предлогом «н»: н д.т д.т «на д.т д.т». Надо думать, что от простого н д.т «на вечность» распространенное выражение отличалось большей торжественностью или выразительностью. Обыкновенно им заканчиваются или целые заклинания, или более или менее самостоятельные их разделы, или особо сильные утверждения.

н д.т д.т в конце цельных заклинаний находится: АР I 62—63, 419, 471, 507; АР II 384.

н д.т д.т в конце разделов находится: АР II 370 (следует самостоятельное заупокойное пожелание: «(Да) умиротворится (и) даст царь, (да) умиротворится (и) даст Кэб» и т. д.), 371 (в конце только что упомянутого заупокойного пожелания), 373 (следует новое обращение: «О, Атум!» и т. д.), 375 (следует новое обращение: «О, Хор!» и т. д.), 378 два примера, 379, 380 два примера, 381, 382 два примера, 383, 384 (последние десять примеров — одинаково построенные краткие заклинания, каждое на имя особого египетского божества; по сути дела, таким же кратким заклинанием, только замыкающим цепь предшествующих десяти, является упомянутое выше в качестве концовки цельного заклинания — АР II 384).

н д.т д.т в подчеркнуто сильных утверждениях содержится: АР I 433 («Умойся, (и да) умоется двойник твой (и да) сядет двойник твой (и да) ест он хлеб с тобою *незыблемо на д.т д.т*»); АР II 244—245 («Поднимись, блаженный этот, Пйопе этот! Сядь (и да) кушаешь ты (и да) сядет двойник твой (и) ест он хлеб с тобою *незыблемо на д.т д.т*»).

Возможно, что сильное утверждение имелось в виду и в тех нескольких случаях, где нет таких явных его признаков, как предпосланное «незыблемо»: АР II 369 («Умиротворяются боги все вещью всякою, сказываемую Нефр-ке-рэ этим, добро ему от которой *на д.т д.т*»), 373—374 («О, Атум! Помести нхнх твое на Нефр-ке-рэ этого (и) на пирамиду его эту, работу эту Нефр-ке-рэ, (и да) сохранишь ты (от того), чтобы объявилась вещь какая-либо против него злая *в д.т д.т*, подобно тому как ты поместил нхнх твое на Шов (и) Тфэне»), 377 («О, девятка богов большая, что в Оне! (Да) дадите вы быть крепким Нефр-ке-рэ, (да) дадите вы быть крепкой пирамиде этой Нефр-ке-рэ, работе его этой *на д.т д.т*, как крепко имя Атума, что впереди девятки богов большой!»).

Что первое из двух д.т не значит «вечность» и н д.т д.т в целом не будет «на вечность вечности» — вроде «на веки веков» или «на веки вечные», — доказывает правописание. Первое д.т в подавляющем большинстве случаев (АР I 419 дважды, 433, 471, 507 два раза; АР II 369, 370; 371 два раза, 373, 374, 375 два раза, 377, 378 три раза, 379, 380 три раза, 381, 382 три раза, 383 два раза, 384 четыре раза) написано двумя буквенными знаками: змеею д и хлебом т, притом как в пирамиде Ми-рэ Пйоле I, так и в пирамидах его преемников — Ме-

не-рэ Менте-суфа I и Нефр-ке-рэ Пйопе II. В пирамиде фараона Атоте встречается раз написание тремя знаками: змею, хлебом, черточкой (АР I 63), и такое же правописание засвидетельствовано раз в пирамиде Ми-рэ (АР II 245). В пирамидах Ме-не-рэ и Нефр-ке-рэ, в каждой по разу, встречается написание одними змею и черточкой, без хлеба (АР I 419, 433). Напротив, второе д.т-во всех перечисленных случаях написано неизменно змею, хлебом, землею или — в пяти местах в пирамиде Нефр-ке-рэ — змею, хлебом, водою (буквенным знаком для звука «н») (эти случаи: АР II 369, 370, 371, 381, 384 два раза). Следовательно, второе д.т написано всегда тремя знаками: змею д, хлебом т и длинным «лежащим» знаком — землею или водою н. Глядя на резкое и постоянное различие в правописании первого и второго д.т, невольно думается, что за этим кроется различие и по значению. Второе д.т пишется так, как пирамиды обыкновенно пишут слово «вечность» (АР I и II повсеместно). Только три раза в них «вечность» написана змею д, хлебом т и черточкой (АР II 471 два раза, 503), да и то, возможно, в двух (если не во всех трех) случаях это произошло под впечатлением от правописания двойственного д.т д.т, именно его первого члена. Там, где в конце заклинания Ме-не-рэ и Нефр-ке-рэ ставят одно н д.т «на вечность» в необыкновенном написании, Ми-рэ дает н д.т д.т (первые два исключения — АР II 471). Третье исключение (АР II 503) содержится в заклинании, известном только в списке Нефр-ке-рэ; но поскольку это н д.т замыкает заклинание, как то охотно делает двойственное н д.т д.т и делают оба первых исключения, которым у Ми-рэ достоверно отвечает н д.т д.т, — и как раз Нефр-ке-рэ повинен в одном из этих исключений, — вполне возможно, что в другом списке на месте третьего исключения оказалось бы н д.т д.т. Но если правописание второго члена двойственного д.т д.т говорит в пользу чтения «вечность», правописание первого члена не менее решительно сближает его со словом «плоть». Последнее в пирамидах пишется обыкновенно двумя буквенными знаками — змею д и хлебом т (АР I 2 два раза, 21, 24 два раза, 29 два раза, 38, 89, 111 два раза, 121 два раза, 122 два раза, 128 три раза, 194, 232, 418, 490; АР II 212 четыре раза, 226 два раза, 262 два раза, 299 два раза, 313 три раза, 502, 510 два раза, 511, 513 два раза, 515, 516), — совершенно так же, как пишется обычно первый член двойственного д.т д.т. Далее, совсем как в этом первом д.т, в слове «плоть» иногда добавляют к двум буквенным знакам черточку (АР I 111 два раза, 372 два или три раза, 418, 490; АР II 112 два раза, 155, 219, 226 два раза, 262 два раза, 299 два раза, 412) или, опуская хлеб т, ограничиваются змею и черточкой (АР I 128 два раза, 194, 502). Только раз слово «плоть» написано в пирамидах как «вечность»: змею, хлебом и длинным «лежащим» знаком — в данном случае волнистой водой (АР I 194). Насколько для «плоти» отличительным было правописание без этого длинного «лежащего» знака, а для «вечности», наоборот, с ним, наглядно показывают те заклинания, где «плоть» и «вечность» употреблены рядом. В выражении «сын твой это, что от плоти твоей на вечность» пирамида Уннос дважды пишет «плоть» змею и хлебом, а «вечность» змею, хлебом, землей (АР I 89, 122).

Таким образом, трудно понять н д.т д.т пирамид иначе, как «на плоть вечности», т. е. «на самость вечности», «на самоё вечность», «на саму вечность». Словарь приводит это выражение под словом д.т «плоть» (в самом конце) и, следовательно, усматривает здесь как-то это слово, только как — из перевода «ewig, ewiglich» уловить невоз-

можно.¹ Если толкование н д.т д.т как «на плоть вечности» правильно, то было бы засвидетельствовано весьма отвлеченное употребление «плоти» в смысле «самости» вечности, которое хорошо бы дополняло приведенные выше случаи расширенного толкования «плоти» и тем самым не было бы лишено некоторого значения для последующих выкладок.

Для этих последних, однако, куда существеннее те наблюдения над правописанием, которые были сделаны в ходе обсуждения двойственного д.т д.т. Если принятым правописанием слова «плоть» было написание без длинного «лежащего» знака — земли или волнистой воды, — свойственного «вечности», т. е. змеєю и хлебом, реже змеєю, хлебом и черточкой, изредка змеєю и черточкой, то нашлось все-таки и одно исключение, где змеєю, хлебом и волнистой водой написано не слово «вечность», а слово «плоть», притом в связи совершенно недвусмысленной: «Обметает он (=Хор) мясо двойника Унноса этого, что от плоти его» (АР I 194; ср. в том же заклинании дальше: «Доставляет он двойника Унноса этого, что от плоти его, во двор большой», — с «плотью», написанной по-обычному, змеєю и хлебом; у Нефр-ке-рэ в последнем месте (первое разрушено): «доставляет он двойника Нефр-ке-рэ, что от плоти его ---», с написанием «плоти» змеєю и черточкой (АР I 194); полный перевод этого отрывка см. выше, в конце примеров различных употреблений слова «плоть»).

Глава 3. ВНЕШНЕЕ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ Д.Т ПИРАМИД И ПРОЧИХ НАДПИСЕЙ

Совсем как в пирамидах, наряду со словом «вечность», только куда чаще, чем в них, и уже явно в общественном осмыслении встречаются в частных гробницах разные д.т, поддающиеся тому же единообразному истолкованию, что и пирамидные их тезки. Изредка такое д.т попадает и вне гробниц и их обстановки, в надписях, так или иначе связанных с частными лицами: на жилищах служащих поминального храма царницы, в царском указе в пользу сановника, увековеченном в городском храме.

Бросаются в глаза два существенных внешних отличия этих д.т от д.т пирамидных.

Первое отличие касается правописания. Большинство частногробничных д.т написано в точности как слово «вечность»: змеєю, хлебом, землей или — значительно реже, хотя в общем достаточно часто — змеєю, хлебом, волнистой водой. Наряду с таким правописанием, и притом только немногим реже, встречается написание, точь в точь совпадающее с обычным в пирамидах для слова «плоть», — одними змеєю и хлебом. Другое, много более редкое правописание пирамид для «плоти», — змея, хлеб и черточка — изредка попадает и в частных гробницах. Третье, очень редкое написание «плоти» в пирамидах — змеєю и черточкой — в частных гробницах, насколько знаю, не имеет себе соответствия, хотя в них (тоже совсем редко), если только точны издания, попадают написание одной змеей (М XXIV, начало IV ц. д.; DAA II XLIII a). Сходство, впрочем, идет еще дальше: как в пирамидах, так и

¹ А. Ерман, Н. Грапов. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, 5. Band. Leipzig, 1931, S. 506.

в частных гробницах правописание змея, хлеб и черточка ограничено VI царским домом. Подобно тому как оно неоднократно встречается в пирамидах Уср-ке-рэ, Ми-рэ, Ме-не-рэ и Нефр-ке-рэ и ни разу среди многочисленных д.т в пирамиде Унноса, так оно налицо в гробницах Мрр.в-к' (MM II CXLIX = CL = GAR XXXVII), Пйпй-^снх Среднего (RTM IV IX два раза), Ибй (RTDG I VII) и ни разу не попадалось мне в более ранних гробницах (вышеупомянутое пирамидное правописание для «плоти» — змея с черточкой — тоже ограничено VI царским домом: пирамидами Уср-ке-рэ и Нефр-ке-рэ). Таким образом, странное, под углом зрения пирамидного правописания «плоти», написание с длинным «лежачим» знаком в известной степени уравнивается в частных надписях вполне «плотски» написанными д.т. Впрочем, как было отмечено в конце раздела о «словоупотреблении пирамид», в последних — именно в пирамиде Унноса — имеется все-таки один случай написания «плоти» с длинным «лежачим» знаком. Хотя это единичное исключение и через несколько слов в тождественном обороте «плоть» написана по-обычному, оно, может быть, все-таки не лишено значения, так как речь идет о «плоти» не в прямом смысле, а о «плоти-самости», отнесением к которой только выражено, что речь идет о *собственном* двойнике.

Второе внешнее отличие частногробничных д.т от пирамидных состоит в ином их взаимоотношении с притяжательными местоимениями, когда эти д.т употреблены как определения. В пирамидах в таких случаях д.т всегда имеет за собою притяжательное местоимение: «очи Хора, что от плоти его» (AP I 38), «головка (т. е. сосок) груди Хора, что от плоти его» (AP I 24), «сердце твое, что от плоти твоей» (AP I 2 два раза), «мясо двойника Унноса этого, что от плоти его» (AP I 194), «двойник Унноса этого, что от плоти его» (AP I 194), «сын твой это, что от плоти твоей навечно» (AP I 90, 122). В частногробничных же надписях очень многие д.т явно лишены притяжательных местоимений. Так, особенно частые «дом д.т» и «брат д.т» в подавляющем большинстве случаев обходятся без них, что, впрочем, не мешает существовать наряду с подобными сочетаниями и таким, как «дом д.т его», «дом, что от д.т его», «брат его, что от д.т его». По правде говоря, впечатление, что частногробничные д.т охотно обходятся без притяжательных местоимений, создается именно этими двумя сочетаниями, «дом д.т» и «брат д.т», по причине их большой употребительности, в особенности первого из них, которым дословно испещрены гробничные стены. Но эта частота как раз и показывает, что оба сочетания, и в первую очередь «дом д.т», — застывшие, устойчивые выражения, в силу своей употребительности и привычности возможно краткие. Тем большего внимания заслуживает то, что даже «дом д.т» несколько раз имеет за вторым своим членом притяжательное местоимение, причем обычно тогда д.т написано как «плоть» в пирамидах.

С написанием д.т змеею и хлебом:

пр д.т.ф «дом д.т его» — гробницы 'х.т(й)-хтп (MAE 430), Хв.в-вх (ASAE XII 140), Мрр.в-к' (MM I XLI = GAR XCVI);

пр н(й) д.т.ф «дом, что от д.т его» — гробницы Йтти три раза (D XVI, XVII, XVIII), Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^снх (UAR 217), Пйпй-^снх Среднего (RTM IV XII).

С написанием д.т змеею, хлебом, землею:

пр д.т.ф «дом д.т его» — гробница Сндм-йб (UAR 65 = DAA LXXVI c).

Список мог бы еще несколько возрасти за счет надписей, где хозяин «дома д.т» говорит о себе в 1-м лице, но, поскольку притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа в них вообще как

слабая согласная (.й) письменно не выражено, эти надписи лишены доказательности в ту или иную сторону.

Соответственно несоизмеримо большей редкости сочетания «брат д.т», нежели «дом д.т», «брат д.т» с притяжательным местоимением после последнего слова встретился мне только дважды, но оба раза с написанием д.т в духе пирамидной «плоти»: сн-ф н(й) д.т.ф «брат его, что от плоти его», с написанием д.т змеею и хлебом — гробница Х^с.ф-р^с-снх (DAA II IX); с написанием д.т одной змеею — гробница 'х-мрв.т-нй-св.т (GAR LXIX).

Итак, даже у устойчивых сочетаний «дом д.т» и «брат д.т», вообще, как показывают надписи, не нуждающихся в определении д.т притяжательными местоимениями, бывают написания, где такое местоимение все-таки налицо. Но достаточно только отвлечься от этих двух выражений, которыми пестрят надписи, но которые, тем не менее, только два частных случая употребления д.т, чтобы сразу же убедиться, что в действительности скорее наличие притяжательного местоимения является правилом, а отсутствие его — исключением. При этом снова оказывается, что там, где местоимение выписано, в большинстве случаев налицо написание д.т по способу «плоти» в пирамидах, а там, где местоимения нет или оно не выражено в письме, — в случае 1-го лица единственного числа, — преобладает написание по способу «вечности». Существенно, однако, также, что написание по образцу «плоти» встречается и тогда, когда местоимение не выписано, а написание наподобие «вечности» — тогда, когда местоимение определено налицо. Нижеследующая сводка наглядно пояснит эти соотношения и одновременно покажет многообразие сочетаний д.т как определения с различными словами, из которых обсуждавшиеся только что «дом» и «брат», в сводку не включенные, составляют только два частных случая. Очень жаль, что надписи, говорящие в 1-м лице от имени хозяина д.т, за невыраженностью в письме соответствующего притяжательного местоимения, не могут быть использованы в полной мере; в сводке их данные выделены особо.

А) Д.т с выписанным притяжательным местоимением

а) Д.т написано змеею и хлебом

I) Гробница Мрр.в-к' в Саккара, VI царский дом: 1—3) «рабы двойниковы (т. е. заупокойные жрецы), что от д.т его» (MM I LXXXVIII; MM II CVIA, CXX); 4) «властели (т. е. управители), что от д.т его» (MM I XXIII).

II) Гробница снх-м^с-хр в Саккара, VI царский дом: 5—10) «рабы двойниковы, что от д.т его» (RTS II XLIV, XLV два раза, LIV, LVIII—LIX, LX—LXI).

III) Гробница Йбй в Дэр-эль-Гебрави, VI царский дом: 11) «писцы, что от д.т его» (RTDG I XIII); 12) «поля (или нечто вроде того), что от д.т его» (RTDG II VI).

IV) Гробница Мрй.й в Хагарсе: 13) «быки, мелкий скот, ослы, что от д.т его» (A XII).

V) Гробница Йх^й в Саккара: 14—15) «рабы двойниковы, что от д.т его» (МКСI XIV, XXXI).

VI) Гробница Твтв в Саккара: 16) «рабы двойниковы его, что от д.т его» (TPC I 155).

VII) Гробница Хнв, Бйв и Ппй в Саккара: 17—19) «раб двойника, что от д.т его» (TPCP II 100 три раза).

VIII) Жилища служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн, жены Пйопе II: 20—21) «жилище, что от д.т его» (UAR 273 = PO 22 два раза).

б) Д.т написано змеею, хлебом, землею

I) Гробница Н(й)-м^с.т-р^с в Гизе: 1—2) «гробница эта, (что от) д.т ее» (EG II 205 = LXXXVIII 2 два раза).

II) Указ царя Хора «божественного душами» на имя Шм'й на стене храма Мина в Кебто (Коптосе): 3) «челядь, что от д.т твоего» (UAR 303); 4) «двор двойников (т. е. заупокойная часовня), что от д.т твоего» (UAR 302); 5) «двор двойников верхний, что от д.т твоего» (UAR 302); 6) «двор двойников ---, что от д.т твоего» (UAR 302); 7) «---, что от д.т твоего» (UAR 303).

в) Д.т написано змеею, хлебом, волнистой водой

I) Гробница Пхн-в(й)-к' в Саккара: 1) «городцы, что от что от (ит нт; ср. странное нв.вт тн н(й).вт пр д.т MAE 248) д.т его» (DAA II XLVI).

II) Жилища служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн в Саккара: 2) «жилище, что от д.т его» (UAR 274).

III) Обломок плиты из Эбота (Абидоса): 3) «рабы божьи (т. е. жрецы), рабы двойниковы (т. е. заупокойные жрецы), что от д.т их» (UAR 280).

Б) Д.т с возможным, но не выписанным притяжательным местоимением 1-го лица единственного числа

а) Д.т написано змеею и хлебом

I) Гробница М^срв(?) в Гизе, VI царский дом: 1) «рабы двойниковы (т. е. заупокойные жрецы), что от д.т его» (CFSDMRC III + 25 = UAR 256).

б) Д.т написано змеею, хлебом, черточкой

I) Гробница Йбй в Дэр-эль-Гебрави, VI царский дом: 1) «челядь, что от д.т» (RTDG I VII).

в) Д.т написано змеею, хлебом, землею

I) Гробница неизвестного лица в Гизе, IV царский дом: 1—4) «раб двойника всякий д.т» (UAR 12—13 = DARMK I 113 = XXVIII четыре раза); 5) «рабы двойниковы д.т» (UAR 13 = DARMK I 113 = XXVIII); 6) «рабы двойниковы эти д.т» (UAR 11 = DARMK I 112 = XXVIII); 7) «городцы, что от д.т» (UAR 15 = DARMK I 113 = XXVIII); 8—10) «гробница д.т» (UAR 12—15 = DARMK I 113 = XXVIII четыре раза).

II) Гробница Хтп-н(й)-птх в Гизе, V—VI царский дом: 11) «гробница эта, что от д.т» (UAR 187 = DAA LXXII б).

III) Гробница Мрр.в-к' в Саккара, VI царский дом: 12) «гробница эта д.т» (MM II CCXII A = CCXIII B = UAR 88).

IV) Гробница Йбй в Дэр-эль-Гебрави, VI царский дом: 13) «посредством упряжек (быков), посредством челяди, что от д.т» (RTDG I XXIII = UAR 144).

V) Гробница Н(й)-м^с.т-р^с в Гизе: 14) «гробница эта д.т» (EG II 213 = LXXXI 2); 15) «гробница, что от д.т» (EG II вкладка около 220).

VI) Гробница Рмнв-к' в Гизе: 16) «гробница эта, что от д.т» (EG II 173 = LXI 2).

VII) Гробница Пн-мр.в в Гизе, конец V—VI царский дом: 17) «гробница д.т» (ASAE XLII 39).

VIII) Ложная дверь Йт-х²х²(?): 18—19) «купленники (т. е. невольники?), что от д.т» (ММОА II 785 = SPE I два раза).

г) Д.т написано змеею, хлебом, волнистою водою

I) Гробница Н(й)-к(?)^{-снх} около Техне: 1) «дети д.т» (UAR 25).

II) Гробница Мрий-р^с-нфр около Эдфу: 2) «достояние д.т» (UAR 255 = ASAE XVII 136).

д) Д.т написано змеею, хлебом, не то землю, не то водою

I) Гробница Мх-в(й)-²х.т(й) в Гизе: 1) «гробница эта, что от д.т» (MIO I 328); «раб двойника [всякий] д.т» (там же).

В) Д.т определенно без какого-либо притяжательного местоимения

а) Д.т написано змеею, хлебом, землю

I) Гробница Хтп-см'т в Гизе: 1) «дитя его д.т» (DAA II XXIII).

II) Гробница Спм-нфр в Саккара: 2) «городцы (и) дворы двойников, что от д.т» (MAE 398).

III) Гробница Нфр.с-рс в Гизе: 3) «раб двойников д.т» (G IX 65).

IV) Гробница Мр.в-к' в Гизе: 4) «гробница д.т» (G IX 78).

V) Гробничная притолока Й^ст-йб: 5) «жена д.т» (DARMK I 200 = XLII).

б) Д.т написано змеею, хлебом, волнистою водою

I) Гробница Д^св в Дэр-эль-Гебрави: 1) «(рабочий) отряд, что от д.т» (RTDG II VII).

II) Гробница Тп-м^{-снх} в Саккара: 1) «раб двойников д.т» (MAE 200 = DARMK I 89 = XX); 3) «дочь д.т» (там же).

III) Ложная дверь Мдв-нфр: 4) «дети его, что от д.т» (UAR 229 = EUIEA XIX 218 два раза).

Итак, различие между пирамидным д.т «плоть» и загадочным д.т частногробничных надписей как в отношении правописания, так и по отношению к притяжательным местоимениям существует вполне определено; но хотя и значительное, оно все-таки не безусловно: пусть пирамидная «плоть» только в виде исключения может встретиться с длинным «лежащим» знаком на конце, — такое исключение тем не менее может иметь место; обратно, распространенное в частных гробницах написание с таким знаком уравнивается частым же в них опущением его; свойственное пирамидной «плоти» притяжательное местоимение, несмотря на всю способность частногробничных д.т обходиться без него, после них все-таки очень часто выписано, причем в таких случаях сходство с пирамидами охотно выдерживается до конца и наличию притяжательного местоимения соответствует написание в духе пирамидной «плоти» — без какого-либо длинного «лежащего» знака. Невольно поэтому приходит на ум, не одно ли и то же «плоть» пирамид и странное д.т частных гробниц и нельзя ли последнее растолковать по образцу первой?

ПРОСТОЕ Д.Т

Глава 1. Д.Т В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

а. Определения к обозначениям родства

Начнем с выражений, наиболее близких к пирамидному словоупотреблению: с обозначений родства. В пирамидах читается:

«Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе Уннос. Возвел ты его, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от плоти твоей (н(й) д.т.к), навечно» (АР I 89—90);

«Атум, возвел ты Унноса этого, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от плоти твоей (н(й) д.т.к), навечно» (АР I 122).

И вот оказывается, что загадочное д.т частных гробниц встречается точь-в-точь в таком же обороте. В гробнице Х^с.ф-р^с-нх в Гизе позади хозяина изображен «брат его, что от д.т его, друг дома большого (придворный чин) Йтти» (DAA II IX). В гробнице ʔх-мрв.т-нй-св.т перед ним был представлен «брат его, что от д.т его, управитель дома . . .к» (GAR LXIX). Строение этих выражений в точности пирамидное. Пирамиды: з^с.к . . . н(й) д.т.к «сын твой . . . , что от плоти твоей». Частные гробницы: св.ф н(й) д.т.ф «брат его, что от д.т его».

В обоих случаях состав и порядок слов тождественны: степень родства с притяжательным местоимением+прилагательное принадлежности+д.т с притяжательным местоимением. Тождественно и правописание: пирамида Унноса и гробница Х^с.ф-р^с-нх пишут д.т одинаково — змею и хлебом, у ʔх-мрв.т-нй-св.т хлеб опущен, но все равно написание по способу «плоти», а не «вечности» — без земли или воды. Трудно, даже невозможно удержаться от заключения, что «брат его, что от д.т его» — не что иное, как самое простое «брат его, что от *плоти* его», т. е. брат его родной.

Сочетание «брата» и д.т часто встречается в гробницах подданных V царского дома, но, кроме двух приведенных, я не могу назвать иных примеров полного совпадения по строению и правописанию с пирамидными выражениями. Два раза попадает еще написание д.т по способу «плоти» — змею и хлебом (дверца К²-м-хз.т, UAR 207; гробница Пн-мр.в, ASAE XLII 39), несколько раз — притяжательное местоимение после «брата» (гробницы Н(й)-м^с.т-р^с певца, EG II LXXXVIII; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVI; Мр.в-к², G IX у 80=XI C; Вт^с(?), DARMK I 167; плита Н(й)-к².в-лтх, UAR 227; в первом случае «брат ее д.т», в остальных «брат его д.т»), но никогда больше мне не попадалось притяжательное местоимение после д.т. В скрытом виде местоимение могло присутствовать там, где, как в гробницах Тнтй (UAR 164) или Пн-мр.в (ASAE XLII 39), надписи были составлены в 1-м лице от имени хозяина д.т; здесь местоимение могло быть как за «братом», так и за д.т или за каждым из них одновременно, но именно потому, что оно не выписано, тут невоз-

можно никакое суждение. Не случайность, быть может, что те пять примеров, где местоимение после д.т проставлено, принадлежат к числу наиболее ранних. Обычный облик данного выражения в гробницах того времени носит уже все признаки устоявшегося, привычного и потому возможно краткого сочетания. Это — простое сн д.т «брат д.т» безо всякого указания, чей брат (гробницы Птх-хти градоначальника, TP XXXI два раза, XXXII два раза, XXXIV, XXXV пять раз, XXXVI, XXXVIII четыре раза; Птх-хти придворного, MAE 315; ʔх.т(й)-хти, MPAS II XXXIII; Схм-к², SM I VII два раза; З³т.в, DAAE XXVII б=AIMB I 29; Тнтй, DAA II XXX, XXXI; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVII; ср. также GAR LIV из гробницы неизвестного лица). Насколько «брат д.т» стало, по меньшей мере в письме, неподвижным сочетанием, видно особенно хорошо на примере столичной (саккараской) гробницы Нтр-вср, именуемой его жену не сн.т д.т «сестра д.т», а сн д.т, как если бы она была «братом д.т» (MAE 166 = SM I XXIV)! В кратком «брат д.т» д.т написано почти всегда по способу «вечности», и такое написание бывает и там, где надпись говорит от имени хозяина д.т в 1-м лице, в письме не выраженном (гробница Тнтй, UAR 164). Единственные известные мне исключения — это уже уноминавшиеся дверца К²-м-хз.т (UAR 207) и гробница Пн-мр.в (ASAE XLII 39, речь в 1-м лице), где д.т написано одними змею и хлебом. Написание д.т по способу «вечности» в кратком «брат д.т» имеет две разновидности: широко распространенную, с длинным «лежащим» знаком в виде земли, и более редкую, с этим знаком в виде волнистой воды. Первая разновидность представлена в гробницах Птх-хти придворного (MAE 315), ʔх.т(й)-хти (MPA II XXXIII), Схм-к² (SM I VII два раза), З³т.в (DAAE XXVII б=AIMB I 29), Тнтй (DAA II XXX, XXXI), Пх.н-к².в-к² (DAA II XLVI), ср. также GAR LIV из гробницы неизвестного лица; она налицо и в гробнице Тнтй в надписи в 1-м лице (UAR 164). Вторая разновидность облюбована гробницею Птх-хти градоначальника, в которой только она одна и встречается в данном выражении, притом не менее пятнадцати раз (TP XXXI два раза, XXXII два раза, XXXIV, XXXV пять раз, XXXVI, XXXVIII четыре раза); помимо Птх-хти, она встречалась мне в «брате д.т» только раз в одной из саккараских же гробниц — у Пх.н-к².в-к² (DAA II XLVII).

Несмотря на отличное правописание и отсутствие притяжательного местоимения, краткое сн д.т «брат д.т» никак нельзя оторвать от подробного сн.ф н(й) д.т.ф «брат его, что от д.т его» и никак нельзя предположить, что в первом выражении д.т обозначало нечто совсем иное, чем во втором. Помимо прямого сходства обоих оборотов, против подобного предположения говорило бы наличие посредствующих, промежуточных разновидностей, образующих как бы переход от полного к краткому в отношении как словесного состава, так и правописания. Я имею в виду уже упомянутые пять случаев с притяжательным местоимением после одного «брата» и видимым опущением «что от»: сн.ф д.т «брат его д.т», сн.с д.т «брат ее д.т» (гробницы Н(й)-м²с.т р^с певца, EG II LXXVIII; Пх-н-к². в-к², DAA II XLVI; Мр.в-к², G IX около 80=XI C; Вт²(?), DARMK I 167; плита Н(й)-к².в-птх, UAR 227) и написания д.т в сн д.т «брат д.т» одними змею и хлебом (дверца К²-м-хз.т, UAR 207; гробница Пн-мр.в, ASAE XLII 39). Наконец, сами изображения говорят в пользу тождества полного и краткого выражений по вещественному их смыслу. «Брат его, что от д.т его» на гробнице ʔх-мрв.т-нй-св.т (GAR LXIX) стоит такой же маленький перед хозяином ее, как и те «братья д.т», которые в других гробницах стоят (гробницы Птх-хти градоначальника, TP XXXI два раза, XXXII, XXXIV, XXXVIII; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVI; ср. GAR LIV из гробницы неизвестного

лица) и сидят (гробницы Птх-хтп градоначальника, TP XXXV пять раз; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVII) перед владельцами усыпальниц, идут к сановнику в составе шестий (гробницы Птх-хтп градоначальника, TP XXXVIII два раза; ²х.т(й)-хтп, MPAS II XXXIII; Схм-к², SMI VII два раза; Мр.в-к², СІХ вкладка у 80 = XI C) или сопровождают его (гробница Твтй, DAA II XXXI). «Брат его, что от д.т его» на гробнице ²х-мрв.т-нй-св.т носит звание «управителя дома», и то же звание стоит и при некоторых из только что перечисленных изображений «братьев д.т»: «брат д.т, управитель дома, старшина деревообделочного заведения Твтй (?)» (гробница Птх-хтп градоначальника, TP XXXV), «управитель житницы, брат д.т, управитель дома К²п» (там же, TP XXXI два раза). Но если «брат д.т» неотделим от «брата его, что от д.т его», — а это выражение, по сходству его с пирамидными, нельзя понять иначе, как «брат его, что от плоти его», — придется и первое выражение перевести как «брат (от) плоти».

Такое толкование, однако, в корне противоречит принятым в науке, так как считается, что наименование «брат от д.т» отнюдь не указывает на родство. Если под д.т разумеют именование, выделенное на помин души, в «брате д.т» приходится видеть лицо, причастное к заупокойной службе,¹ или соучастника в пользовании гробницей и ее угодьями. Если д.т обозначает частную недвижимость, «брат д.т» оказывается совладельцем ее, — скажем, владеет частью ее на условиях несения с нее жреческой службы при гробнице собственника.² Нельзя сказать, чтобы эти толкования не находили известной поддержки в источниках. Так, важный сановник Твтй увековечил над входом в свою гробницу следующее распоряжение (UAR 163—165):

«(Что) до возглашения (т. е. заупокойной жертвы), которому даст исходить для (меня) царь из дома: ячменя, полбы, одежды, (то) это жена (моя), что (относится) до вещи царицы, Тп-м-нфр.т—та, что будет давать исходить для (меня) возглашению (т. е. заупокойной жертве) из (того). Суцая в чести этой (т. е. она) у (меня).

«(Что) же до второй (т. е. одной сот?), что из пашни [2] сот (сот пашни, греческая *дроура* = свыше 2700 кв. м, 2 сот пашни = около 5500 кв. м), [что для (того) возглашения (т. е. заупокойной жертвы)], что для матери (моей), той, что (относится) до вещи царицы, Ббй, (то) она (т. е. вторая сот) для жены (моей), той, что (относится) до вещи царицы, Тп-м-нфр.т. Она та, что будет возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) с (нее, т. е. с этой сот) для (меня) с матерью (моей), той, что (относится) до вещи царицы, Ббй.

«Это я истребовавший то для (меня) у царя, сообразно (?) бытию (моему) в чести. Это я сын ее старший, наследник ее. Это я погребший ее на том, что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя).

«Раб двойника (т. е. заупокойный жрец) Нфр-хр — пашни [3?], ячменя 3 меры.

«Раб двойника Йвфй — пашни 3, ячменя 3 меры.

«Раб двойника Свб — пашни [3], ячменя 3 меры.

«Раб двойника Пр-сн — пашни [3], ячменя 3(?) меры.

«Будет исходить (т. е. поступать?) им из того, что под (т. е. доли) Тп-м-нфр.т. Сотворено то, что под нею, рабам двойника этим из (расчета?) сот (?) малая... царя(?).

¹ A. E r m a n, H. G r a p o w. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, 4. Band, Leipzig, 1930, S. 152; 5. Band, Leipzig, S. 510.

² B. G r d s e l o f f. Deux inscriptions juridiques de l' Ancien empire. Annales du Service des antiquités de l' Égypte, tome 42, Le Caire, 1943, pp. 45—49.

«Если не будут они сидеть (т. е. обитать) во дворе двойника соответствующем, который у жены моей, [той, что (относится) до вещи царевой, Тп-]м-нфр.т, (то) будет возвращено в место, что жены (моей) Тп-м-нфр.т.

«(Что) до возглашения (т. е. заупокойной жертвы), что для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй: ячменя (и) полбы, что из житницы, одежды, что из дома белого (т. е. казны), (то) это брат *д.т.*, раб двойника (т. е. заупокойный жрец) К²-м-нфр.т тот, кто будет возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) из (того) для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй с самим (мною).

«(Что) до второй, что из пашни 2 сот этих (т. е. второй из этих 2 сот пашни; сот, как сказано, свыше 2700 кв. м), что для (того) возглашения (т. е. заупокойной жертвы), что для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй, (то) она (т. е. вторая сот) для брата *д.т.*, раба двойника К²-м-нфр.т. Он тот, кто будет возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) с (нее) для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй с самим (мною) вечно».

Вместо «брат *д.т.*» можно было бы читать при желании «брат *д.т.* (моего)», «брат (мой) (от) *д.т.*», «брат (мой) (от) *д.т.* (моего)», поскольку притяжательного местоимения 1-го лица надпись не выписывает, но при таком избытке возможностей предпочтительней более простая передача. «Брат *д.т.*» в этом завещании является заупокойным жрецом и за отведенный ему надел пахотной земли обязан править поминки по завещателю и его матери.

В сходное положение ставит другого «брата *д.т.*», тоже заупокойного жреца, завещание, начертанное в гробнице Пн-мр.в (ASAE XLII 39):

«Чиститель (т. е. обмыватель) царя, раб бога (т. е. жрец) Мен-ке-рэ (мертвого царя IV царского дома), управитель рабов двойника (т. е. заупокойных жрецов) Пн-мр.в сказывающий:

«Что до брата *д.т.*, раба двойника (т. е. заупокойного жреца) Нфр-хти с детьми его, что от отца (и) матери, они рабы двойника (т. е. заупокойные жрецы) *д.т.* (моего) в гробнице *д.т.* (моего), что (на месте.) что под богом, (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя) «Небосклон(ный) житель?» Шуфе (Хеопс)»; будут доставлять они (мне) передачу (жертвенную, т. е. приношения, переходящие по использованию от более высокопоставленного лица к менее высокопоставленному), что от государя (моего) верховного судьи, правителя Сшм-нфр.

«(Что) д[о] пашни 1 х² (мера, равная $\frac{1}{3}$ сот? 1 сот = свыше 2700 кв. м), данного (мною) [ему] с детьми его этими, не даю (я) быть властными людям каким-либо в нем с детьми его этими. Не даю (я) быть властну сыну (моему) какому-либо в (том) с детьми (моими) какими-либо.

«(Приписка, сделанная более мелким почерком:) Да(но?) е(му?) па(ш)ни 5 т² (?) (мера, равная $\frac{1}{30}$ сот?) в возглашение (т. е. заупокойную жертву), что для той, что (относится) до вещи царевой, Мр.т-йт.с (жены завещателя (ASAE XLII 63), очевидно умершей по начертании основной части завещания¹⁾). Выражение, переведенное здесь кратко «брат *д.т.*», поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, могло бы быть передано и с этим местоимением по одному из способов, указанных в связи с предыдущей надписью. Итак, и в этом завещании «брат *д.т.*» оказывается одновременно заупокойным жрецом и, получив от завещателя должный земельный надел,

¹ Там же, стр. 42, 63.

обязан зато доставлять тому из соседней гробницы одного из верховных сановников («везирей») V царского дома милостиво передаваемые завещателю жертвы, по миновании там в них надобности.

С земельным наделом связан «брат д.т» и в надписи на гробничных дверях царского зодчего К²-м-хз.т (UAR 207). Надпись была начертана им на помин души собственной, отца и братьев, но из всех поименованных в ней братьев только одному Хти-к² посвящена особая заметка, в которой он именуется «брат д.т» и указывается полученный им надел пахотной земли. Такое внимание к Хти-к² объясняется самим памятником. Соорудитель говорит: «Сотворил (я) это для отца (моего), для братьев (моих) из любви (к) возгашению (т. е. желая, чтобы приносилась заупокойная жертва) для них со (мною) из достояния (моего)». Править эту заупокойную службу и был, очевидно, определен Хти-к². Потому он один из всех братьев был изображен на дверях перед хозяином гробницы, притом малого размера, следовательно в подчиненном положении, и один назван в связи с земельным наделом, выделенным, надо думать, в обеспечение поминальной службы:

«Брат д.т (или «Брат, что от д.т»), управитель строителей Хти-к² — дано ему в (области дерева) н^{ср.т} (т. е. в XX—XXI верхнеегипетской области) (селении) Грг.т-хм-дф² пашни 2 сот (т. е. около 5500 кв. м пахотной земли)».

При этом размеры надела в точности те же, что у пашни, выделенной на помин души в первом завещании.

Изображения на стенах гробниц наглядно показывают «братьев д.т» за поминальными занятиями. В числе других лиц они несут хозяину гробницы всевозможные приношения (гробница Птх-хти градоначальника, TP XXXVI, XXXVIII четыре раза; ²х.т(й)-хти, MPAS II XXXIII), причем раз сопроводительная надпись прямо называет несущих заупокойными жрецами — «рабами двойника» (первый из перечисленных примеров); иногда, также в сообществе с другими, «брат д.т» подносит умершему бедро жертвенного быка (гробница Мр.в-к², G IX, вкладка у 80=XI C). В гробнице градоначальника Птх-хти «брат д.т» по имени Всх-к² дважды представлен подносящим ему птицу и оба раза при этом назван жрецом-заклинателем — «тем, что со списком различных жертв»; что таковым Всх-к² был не где-нибудь на стороне, а в гробнице Птх-хти, доказывает то, что на одном из изображений Всх-к² приносит жертву хозяину в жреческом наряде (TP XXXIV, XXXVIII; жреческий наряд на первом изображении). На ложной двери Хв.ф-в(й)-нх «братья д.т» идут с приношениями особо от «рабов двойника» (HGN I LXV b).

Следует ли, однако, из всех этих надписей и изображений, что «братом д.т» мог стать всякий, кому землевладелец выделит участок земли и кто за это подрядится править по нем поминки? Достаточно ли было для «брата д.т» быть условным совладельцем собственника недвижимости безотносительно к какому-либо родству, или все-таки «брату д.т» надо было быть подлинным братом? Б. Грдзелоф, особенно подробно обосновавший представление об условности такого «братства», считает все же, поскольку в данном сочетании употребляется не иное какое, а именно слово «брат», что первоначально действительно «братьями д.т» были родные братья.¹ Можно ли, однако, утверждать, что потом дело изменилось?

Начнем с переведенных выше надписей. В первом завещании попечение о заупокойной службе по завещателе возлагается в основном

¹ Там же, стр. 48.

на двух лиц: на его жену и на «брата д.т». Положение их явно отлично от положения заупокойных жрецов — «рабов двойника». Последние тоже названы в завещании, но только как второстепенные лица, обеспечиваемые из надела супруги. «Брат д.т» не чета им и в другом отношении. «Рабы двойника», буде они выселятся из «двора двойника», лишаются своего обеспечения, и последнее возвращается в ведение жены, так что пользование вещественными благами завещателя обусловлено для заупокойных жрецов жильством при гробнице. Никакого такого условия не поставлено «брату д.т», как не поставлено его и вдове умершего. «Брат д.т» хотя и назван «рабом двойника» и, подобно прочим заупокойным жрецам, обеспечен завещателем, тем не менее приравнен не к ним, а к вдове, и потому очень похоже на то, что он тоже был родственником, иными словами — не нареченным только, а подлинным братом.

Из второго завещания нельзя ничего вычитать касательно родственных связей «брата д.т» с завещателем, но нет там и ничего, что противоречило бы их допущению. Зато в надписях на дверце «брат д.т», наделенный пашнею, — достоверно один из братьев хозяина гробницы.

Если обратимся теперь к изображениям, то сразу заметим, что «братья д.т» охотно изображаются в обществе несомненных родственников умершего. На гробнице ³х-мрв-т-нй-св-т ее хозяину предстоит вверху «брат его, что от д.т его», являющийся одновременно и «управителем дома», а пониже, один над другим, сановнику представляют его подчиненных трое мужчин, из которых к каждому приписано лишь «брат его» с последующим именем (GAR LXIX). На изображении в гробнице Пх.н-к².в-к² (DAA II XLVII) «брат д.т» сидит перед вельможей в обществе его жены и сына, и в той же гробнице Пх.н-к².в-к² он изображен перед этим вельможей вместе с двумя его сыновьями (DAA II XLVI). В гробнице Мр.в-к² «брат д.т» направляется к умершему следом за его двумя сыновьями, как они, с жертвенной бычьей ногою в руках (G IX вкладка у 80=XI C); наоборот, в гробнице Птх-хтп градоначальника «брат д.т» с птицею предшествует его старшему сыну, несущему отцу бычью ногу (TP XXXIV), — нечто непонятное, если «брат д.т» не дядя сына-наследника вельможи. На трех из пяти только что названных изображений слову «брат» придано притяжательное местоимение, что в сочетаниях с д.т бывает совсем не часто — мне известно всего восемь случаев (см. выше); очевидно, «брат его, что от д.т его» вторит соседним трем «брат его», а «брат его д.т» — окружающим «жена его», «сын его», «сын его старший». См. также, что будет сказано ниже в связи с «сестрой д.т» о «братьях д.т» на ложной двери Хв.ф-в(й)-снх (HGN I LXV b).

Но еще примечательнее «любовные» определения, прилагаемые на изображениях к «братьям д.т» и живо напоминающие тождественные обозначения «возлюбленных» жен, сыновей и дочерей. В гробнице Птх-хтп градоначальника умершему служит «брат д.т, возлюбленный его, тот, что со списком праздничных жертв (т. е. чтец-заклинатель), Всх-к²» (TP XXXIV), а в числе заупокойных жрецов — «рабов двойника» — несет приношения «брат д.т, возлюбленный его, Йпй» (TP XXXVI). В гробнице ³х.т(й)-хтп в шествии с жертвами участвует «Плотник деревообделочных мастерских больших дома большого (т. е. придворный судостроитель), брат д.т, возлюбленный его, Сшм-нфр» (MPAS II XXXIII). Как у несомненных родственников — жен, сыновей, дочерей — «возлюбленный / возлюбленная его» следует непосредственно за обозначением родства, так и в данных приписках «возлюбленный его» лепится к «брату д.т», как бы оттеняя его родственную природу.

По-родственному, а не по-деловому ведут себя «братья д.т» в тех немногих случаях, где оказывается возможным уловить их чувства по отношению к умершему. Подобно тому как дети и жены сооружали гробницы или части гробниц почившим отцам и сунругам и сообщали о том в посвященных надписях, так и «братья д.т» в оставленных ими надписях сообщают о своих сооружениях в память мертвецов, чьи бы «братьями д.т» они были. На плите, поставленной «надзирателю дома белого (т. е. сокровищницы)» Н(й)-к^в.в-птх «писцом дома белого» Х^с.ф-птх, посвяtitель пишет: «Это брат его д.т сотворивший ему, когда он был погребен на западе добром (т. е. на кладбище, расположенном в пустыне на запад от реки) среди тех, что в чести» (UAR 227).

В общей гробнице придворного управителя пения Н(й)-м^с.т-р^с и «красы царевой единственной, возлюбленной его, управительницы затвора (т. е. женского дома) царя, управительницы развращения сердца» Нфр.с-рс к изображению ее приписано: «Это брат ее д.т, управитель пения дома большого (т. е. дворца) Н(й)-м^с.т-р^с — сотворивший ей гробницу эту д.т ее, когда она (была) в столице в женском доме царевом под сенью (т. е. в силу) бытия ее в чести доброй у царя повседневно» (EG II 205=LXXVIII 2).

Второй пример особенно почителен. Если считать, что «брат д.т» — не более как совладелец почившего, обязанный за полученную десятину-другую пахотной земли править по своему «благодетеле» поминки, можно только вместе с Б. Грдзелофом удивиться несоответствию между местом, занимаемым в общей гробнице, и предполагаемыми имущественными взаимоотношениями. «Этот начальник пения должен был быть очень привязан к особе главной царской фаворитки, иначе не объяснить себе, по какому праву он мог намного нарушить пропорции их гробниц относительно друг друга. Оказывается на деле, что в большой мастабе, которая была построена для них обоих, действительная собственница занимает только второстепенное место. Здесь более, чем где-либо, не может быть речи о заупокойной привилегии, милостиво предоставленной несостоятельному лицу, речь идет явно о «брате дома», который, в силу своих собственных возможностей, которые он извлекал из своего положения как сн-д.т, мог соперничать по части загробных удобств со своей собственной покровительницей».¹ Странность положения ясна из приведенных слов, но она станет еще яснее, если вспомнить, что, согласно самой надписи, гробница строилась при жизни «благодетельницы». Придворный сановник, строящий на доход с недвижимости, полученной им в качестве приживальщика от сослуживицы, царской любимицы, общую гробницу и отводящий в ней хозяйке скромный уголок, — и это при жизни «благодетельницы», — явление настолько сложное и неожиданное, что нуждается в большем удостоверении и объяснении, чем те, какие пока что были даны. Но насколько все станет простым и естественным, если допустить, что Н(й)-м^с.т-р^с не условный, а действительный брат умершей. Как высокопоставленный придворный, — а таковыми были «управители пения», — он строит себе внушительную гробницу и в ней, как любящий брат, уделяет место своей сестре, такой же придворной, как и он сам.

Что «братьями д.т» бывали лица ничуть не меньшие хозяйна гробницы по служебному положению, видно еще по другому памятнику. В гробнице Х^с.ф-р^с-снх «брат его, что от д.т его» Йтти представлен позади хозяйна одного с ним роста, и звания их, придворные и жреческие, совершенно тождественны: оба они были «друзьями дома большого»

¹ Там же, стр. 47.

(т. е. дворца; придворный чин), наставниками (жрецов-) чистителей (пирамиды) «Велик Шеф-рэ (Хефрен)» (DAA II IX).

В гробнице правителя («везирия») Пх-н-к².в-к² «брат его д.т» никак, конечно, не может равняться с хозяином — верховным сановником государства, зато сыновей его он превосходит своими званиями. Старший сын — «судья, наставник писцов», другой к этим должностям прибавляет звание «писца грамоты царевой супротив лика», но «брат его д.т», будучи и таким писцом и судьей, является еще «управителем писцов», т. е. начальством для «наставников» (DAA II XLVI). Точно такое же соотношение между званиями «брата д.т» и хозяйского сына наблюдается на другом изображении в гробнице: оба они — «писцы грамоты царевой супротив лика» и «судьи», но сын только «наставник писцов», в то время как «брат д.т» — «управитель писцов» (DAA II XLVII).

В обоих только что приведенных примерах, взятых из одной гробницы, «брат д.т» носит одинаковые звания, ставящие его в связь с писцовым делом. Это отнюдь не случайность, так как писцовая деятельность является излюбленным занятием этих «братьев». В гробнице Птх-хти градоначальника большинство «братьев д.т» явно подвизаются на этом поприще: «брат д.т» ²х.т(й)-хти — «судья, управитель писцов» (TP XXXV), «братья д.т» Птх-хти и Смм-нфр — «судьи, наставники писцов» (TP XXXV, ХХХII), «братья д.т» ²х.т(й)-хти и Нфр-хв-в(й)-птх — «судьи, писцы» (TP XXXVIII). В гробнице Схм-к² один из двух «братьев д.т» — «судья (и) писец» (SM I VII), а единственный «брат д.т» на лжедвери ЗТ²в — «писец» (DAAE XXVII b = A1MB I 29).

В гробнице Птх-хти в лице «братьев д.т» представлена едва ли не вся лестница писцовых должностей от «управителя», «наставников» до простых «писцов», и та же гробница бросает своеобразный свет на писцовые должности «братьев». Тезка хозяина, «брат д.т» Птх-хти, «судья (и) наставник писцов», вручает ему развернутую грамоту, — несомненно, как принято на гробничных изображениях, хозяйственного содержания (TP XXXV). Это наводит на мысль, что многие — если только не все — «братья д.т», служившие писцами и начальниками писцов, прилагали свои способности и на пользу владельца гробницы в его хозяйстве, а может быть, вообще служили в нем по письменной части. Что некоторые из «братьев д.т», изображенных в гробницах, занимали должности именно в нем, не подлежит сомнению. «Брат его, что от д.т его», изображенный в гробнице ²х-мрв.т-нй-св.т, стоя перед сановником, когда к тому приводят для отчета второстепенных начальников его хозяйства, назван «управителем дома» — т. е. совокупного имущества — несомненно хозяина гробницы, так как изображать домоправителя при даче отчета его подчиненными было в обычае у художников (GAR LXIX). Личным домоправителем вельможи был явно и «управитель житницы, брат д.т, управитель дома К²п», дважды изображенный в гробнице градоначальника Птх-хти почтительно представляющим ему его скот и птицу (TP XXXI). Можно думать, что другой «брат д.т» в гробнице Птх-хти, названный «управителем дома (и) старшиной деревообделочных мастерских», был тоже домоправителем лично вельможи (TP XXXV). Возможно, что и деревообделочные мастерские, где этот «брат» состоял «старшиною», принадлежали сановнику, так как такого рода заведения, и тоже со «старшинами», имелись в вельможных хозяйствах (ср. в особенности в гробнице Мрр.в-к² «старейшин, что от деревообделочных мастерских, что от дома его, что от д.т», MM II CXLIX = CL = GAR XXXVII). В гробнице ²х.т(й)-хти, составляющей одно целое с постройкой Птх-хти, «брат д.т», занимавший сходную должность при дворе, прямо обозначен

как придворный служащий («плотник деревообделочных мастерских больших дома большого», МРАС II XXXIII). Неясным остается также место службы того «брата д.т» в гробнице Птх-хтп, который был «управителем столаров чистого места (т. е. мастерской)» (ТР XXXV).

Иногда на первый взгляд может показаться, что кое-кто из изображенных в гробницах «братьев д.т» занимал весьма скромное положение при особе вельможи или в его хозяйстве. Так, «брат д.т» ²х.т(й)-вр в гробнице Птх-хтп градоначальника увеселяет хозяина игрою на арфе, как какой-нибудь рядовой игрец (ТР XXXV). Однако то же, только на дудке, делает в обществе хозяйских дочерей «честной муж царев» в гробнице областного князя Пйпй-снх Среднего (RTM IV IX). Да и у самого Птх-хтп «брату д.т» ²х.т(й)-вр подпеваает, ударяя в ладоши, один, а подыгрывает на дуде другой мужчина, над которыми в несправной надписи можно прочесть имя одного из Вп(в)-м-нфр.т; и вряд ли стоит сомневаться, что этот певец или игрец — то же лицо, что «брат д.т» Вп-м-нфр.т, шествующий в другом месте гробницы в обществе судей и писцов, с титулом «наставника певцов», — неясно только, придворных или самого вельможи, поскольку у последнего таковые тоже могли иметься (ср. «певца (певцов?), что от дома д.т» в гробнице Тий, GT LX = LIX). Другой «брат д.т» в гробнице Птх-хтп, обращающий на себя внимание своим нечиновным времяпрепровождением, занимается в обществе простых птицеловов ловлею водяных птиц сетью (ТР XXXII). Правда, он предводительствует ими — подает знак к затягиванию сети, — но вид у него самого рядового работника, и даже узкий передник, единственное прикрытое его наготы, подобран и засунут за пояс, как то часто делают рабочие на гробничных изображениях. Однако за таким занятием и в таком же виде можно было увидеть представителям самых верхов общества. Взрослые сыновья царевичей Рс-хтп и Нфр-м²с.т, — значит, внуки фараона, — украшенные уже придворными званиями, изображены в гробницах своих родителей не только ловящими водяных птиц сетью, но и в сходных передниках, как то подходило к мокрому их времяпрепровождению (М X, XXIV; на других изображениях сыновья Рс-хтп одеты, как подобало их званию, М XIII, XV). Таким образом, в занятии и наряде «брата»-птицелова нет ничего, что мешало бы ему быть человеком с известным положением в обществе, и надпись вверху дает тому подтверждение, именуя «брата д.т» «судьею (и) писцом».

Если выше мы видели, что «братья д.т» обслуживали вельможу по смерти, неся при его гробнице службу заупокойных жрецов — «рабов двойника» — или тцецов-заклинателей, то последние примеры показывают, что они служили ему в быту и по хозяйству еще при жизни. Кто был у него за домоправителя или вел отчетность, кто развлекал игрою или пением или просто ловил птицу в приречных угодьях. Естественно, что такие «братья», повседневно окружавшие землевладельца и помогавшие ему по хозяйству, входили в состав его «дома». Поэтому можно согласиться с Б. Грдзелофом, что «братья, что от дома твоего, что от д.т» (сн.в н(й).в пр.к н(й) д.т), в гробнице Пйпй-снх Среднего (RTM IV IX) — те же «братья д.т».¹ Однако Б. Грдзелоф приходит к такому выводу на основании внешнего сходства обоих выражений, приравнивая безоговорочно простое д.т к «дому д.т». Но только не вчитавшись в смысл изображения, возможно спокойно полагать, что речь идет об условных «братьях», отличных от обыкновенных. Изображение

¹ Там же, стр. 45.

спереди озаглавлено: «Доставка отборнейшего (мяса) (и) птицы»; это написано отвесно во всю вышину изображения. Следует шествие из 22 мужчин, из которых первые восемь несут по бычьей ноге, следующие четыре — по гусю, остальные десять — разнообразные дары, в первую очередь тоже птиц (уток, гусей, журавля), но наряду с ними газелей, плоды, цветы, папирос, сосуды и сумки. Выше шествия над каждым из первых 15 его участников выписано его звание, и эти звания, разделенные отвесными черточками, вместе образуют одну продольную строку. Продолжая ее и отделяясь от последнего звания отвесной же черточкой, над головами последних семи мужчин тянется надпись: «Доставка растений (и) мясной жертвы всяких (и) птиц твоих *братьями*, что от дома твоего, что от д.т». Надписи над первыми 15 мужчинами содержали только придворные и управленческие звания; имена, иногда (в четырех или пяти случаях) предваренные еще добавочным должностным обозначением, были приписаны к каждому из них спереди. Такие же приписки задним числом были помещены и перед каждым из последних семи мужчин, но так как над ними не было написано никаких званий, заключительные семь приписок называют, кроме имени, обязательно также должность. Шествие открывают «Хпй Черный» и «Х[п]й Красный» (т. е. «Рыжий»), сыновья хозяина гробницы, как следует из других ее надписей. В приписках к 3-му, 5-му и 8-му мужчинам имени каждого из них предпосланы слова: сн.ф «брат его»; перед именами 4-го и 6-го имеется только по букве «н», — очевидно, от того же слова «брат». Перед именем 7-го мужчины не видно ничего, но вряд ли возможно допустить, чтобы он, предваряемый четырьмя и сопутьствующий еще одним братом, как звено такой сплошной цепи братьев, сам мог быть чем-нибудь иным. О родстве последующих 13 мужчин с владельцем гробницы приписки молчат, но даже если бы эти 13 должностных лиц никак не были ему сродни, достаточно внушительного выступления пяти братьев, чтобы оправдать надписание изображения. Его можно было назвать «доставкою» даров «братьями, что от дома твоего, что от д.т», поскольку братья в этом шествии составляли самую заметную величину. Но это значит, что писец и резчик, ответственные за приписки к участникам его, не сомневались в тождестве «братьев, что от дома твоего, что от д.т» с простыми братьями, какими были те пятеро.

На примере завещания Тнтй можно было видеть, что «брат д.т» и наемные заупокойные жрецы — «рабы двойника» ставились не в одинаковое положение относительно земли, выделенной завещателем на помин своей души. Входя в состав «дома» вельможи, братья, как и дети, входили туда, естественно, не так, как заупокойные жрецы, нанятые по договору, и по давню не так, как зависимые челядинцы. Положение детей и братьев было в «доме» их отца и брата несоизмеримо более независимым, чем мелких служащих и слуг, составлявших для вельможи не родню, а только необходимую принадлежность его «дома». Эту противоположность отчетливо выражают некоторые надписи над изображениями доставки даров, в остальном сильно напоминающие только что обсуждавшуюся. В гробнице неизвестного придворного читаем: «[Смо]трен[ие] на доставляемое е[му] детьми его, братьями его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от [дома] д.[т] его, из городцов его, что от Низовья (и) Верховья» (ASAE XLIII 513).

В гробнице Хв.н-вх находим надписание: «Доставка дара детьми его, братьями его, властелями (т. е. управляющими) его, челядью, что от дома д.т его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от дома д.т его» (ASAE XII 140).

В обеих надписях дети и братья определены как «его», т. е. хозяйина, посредством притяжательного местоимения, тогда как заупокойные жрецы такового не имеют и отнесены не непосредственно к хозяйину, а к его «дому». Во второй надписи так же, как с детьми и братьями, поступлено еще с властелями («властели его»), в то время как «челядь», наподобие «рабов двойника», отнесена к «дому». В той же надписи наш творительный падеж выражен посредством предлога «йн» — «со стороны (какого-либо)», — проставленного перед каждым разрядом доставляющих («со стороны детей его, со стороны братьев его» и т. д.), а определение «что от дома д.т его» выписано дважды, особо после жрецов и особо после челяди, и притом согласовано каждый раз с родом определяемого (мужским в первом и женским во втором случае), так что не может быть и речи о распространении в данном предложении обозначения «что от дома д.т его» на детей, братьев и властелей. Несомненный сходство между этими надписями и избраниями и выше рассмотренными из гробницы Пйпй-^{нх} Среднего усугубляется еще наличием у неизвестного придворного дополнительной надписи, живо напоминающей таковую, а также самое изображение у Пйпй-^{нх}:

«Доставка кусков мяса (и) птицы тем, кто со списком праздничных жертв (т. е. чтецом-заклинателем), детьми его, брат[ья]м[и] его ---» (ASAE XLIII 513; у Пйпй-^{нх} мясо и птицу несут тоже сыновья и братья, а приписка впереди их гласит: «Доставка кусков мяса (и) птицы»).

Невероятно, чтобы «братья, что от дома твоего, что от д.т» в гробнице Пйпй-^{нх} могли быть чем-нибудь иным, нежели «братья его» в гробницах Хв.н-вх и неизвестного придворного. Однако в этих двух последних «братья его» — бесспорно обыкновенные братья, как то доказывается и явным обособлением их от определения «что от дома его», и упоминанием их непосредственно в связи с «детьми его».

Прекрасное пояснение отношений брата к сановному родичу и его дому дает одно из жизнеописаний в гробнице царского зодчего Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^{нх}, именно то, где рассказывается о его молодости (UAR 216—217):

«Когда был (я) позади брата (моего) (т. е. сопровождал брата моего), управителя работ ---, [бы]л (я) [с?] писанием (?) (и?) был (я) с писчей дощечкой его (т. е. носил его письменный прибор, на котором разводилась чернила).

«И назначили его наставником, что для строителей, (и) был (я) с тростью его (т. е. носил за ним трость).

«И назначили его управителем строителей, (и) был (я) третьим (т. е. ближайшим помощником) его.

«И назначили его плотником царевым (и) строителем, (и я) властвовал [для] него (над) городцом (т. е. управлял принадлежавшей тому деревней?) (и) творил (я) для него вещь всякую (т. е. все) в ней горздо.

«И назначили его другом единственным (высокий придворный чин), плотником царевым (и) строителем в обоих домах (т. е. в обеих половинах государства), (и я) считал для него им[уще]ство его всякое; больше (было) вещей (т. е. имущества) в доме (т. е. хозяйстве) его против дома сановника всякого.

«И назначили его управителем работ, (и я) повторял слово его всякое (т. е. передавал все его распоряжения) в (том) сообразно тому, за что жаловал он (т. е. так, что он за то жаловал исполнителя).

«Считал же (я) для него вещи (т. е. имущество) в доме (т. е. хозяйстве), что от д.т его, (в) продолжение 20 лет. Никогда не бил (я)

человека какого-либо там так, чтобы объявился он мертвым под пальцами (моими). Никогда не порабощал (я) людей каких-либо там».

Эта повесть о молодости будущего царского зодчего, состоявшего сперва чуть ли не на побегушках при своем брате, а затем в течение долгих десятилетий бывшего у него за управляющего, является лучшим толкованием к гробничным изображениям «братьев д.т», изученным выше. Те «братья» тоже сопровождают хозяина (гробницы Птх-хтп придворного, МАЕ 314—315; Тнтй, ДАА II XXXI), представляют ему счетные ведомости (гробница Птх-хтп градоначальника, ТР XXXV, XXXI), служат домоправителями (гробницы ³х-мрв.т-нй-св.т, GAR LXIX; Птх-хтп градоначальника, ТР XXXI, XXXV), присутствуют при даче отчета подчиненными (гробница ³х-мрв.т-нй-св.т, GAR LXIX), представлявшей, как известно по другим изображениям, все возможности для палочных расправ.

Но рассказ Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^снх ценен не только тем, что показывает нам явно родного брата исполняющим при особе и в хозяйстве сановника примерно то, что делают на гробничных изображениях «братья д.т»; это жизнеописание имеет прямое отношение к самому существу вопроса о них. Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^снх состоит при своем брате и «считает» его имущество в течение 20 лет, очевидно потому, что сам не имеет что считать или если имеет, то в таком ничтожном количестве, что может мгновенно справиться со счетом и остальное время «считать» у брата. Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^снх начинает с мальчишеских услуг (разных поносок), брат его — с самого начала повествования человек с положением, и те звания, каких Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^снх достигнет лишь впоследствии, присвоены брату его тогда, когда он сам состоит еще у него в приказчиках. Несомненно, Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^снх — младший брат. Не имея собственного состояния, он вынужден жить в доме старшего. Академик В. В. Струве, устанавливая исключительное право наследования имущества старшим сыном для древнего Двуречья, склонен был допустить такое же положение дел и в староегипетском обществе. И действительно, эту мысль можно подтвердить современными надписями. Обездоленные младшие братья, живущие в доме у состоятельного брата и так или иначе служащие ему, лично или по хозяйству, от которого сами же кормятся, — вот простое и правдоподобное истолкование многочисленных «братьев д.т». ¹ Возможно, что иногда опорой братьев становился не самый старший, наследник родительского достояния, а особенно удачливый, стяжавший большое богатство, однако правилом это быть не могло.

Такое окружение себя со стороны богатого брата своею меньшою, неимущою братней объяснило бы не только обсуждавшиеся случаи, где «братья» определены как принадлежавшие к д.т, но также те гробничные изображения, на которых лица, названные просто «братьями», без какого-либо отнесения к д.т, представлены состоящими при особе хозяина гробницы. Они толпою сопровождают его при его выходе, пешие, когда его несут в носилках (гробница Мрр.в-к³, MM II CLVII = CLVIII), стоят позади его, когда он обзревает свой скот (гробница Йбй, RTDG I XI, один брат) или принимает приношения (гробница Мрр.в-к³, MM I XXIII, один брат), едут с ним в ладье, когда он охотится в болотах (гробницы Мрр.в-к³, MM II CXXVII, один брат; Йбй, RTDG I III, один брат), доставляют ему его приказчиков для

¹ Ср.: A. Moret, L. Boulard. Donations et fondations en droit égyptien. Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes, 29 année, Paris, 1907, p. 76.

дачи отчета по хозяйству (гробница γ х-мрв.т-нй-св.т, GAR LXIX, три брата). Иногда брат включается самостоятельно в хозяйственную жизнь угодий своего родственника: на изображении ловли рыбы в гробнице Мрр.в-к² в одном из челноков плывет дородный «брат его», занятый, правда, едой и питьем, которое ему подносит его приближенный, но тем не менее не безучастный к окружающей деятельности: в самой ладье его один рыболов удит, а другой потрошит рыбу (MM I XLII = XLIII = XLIV). В гробнице областного князя Йбй перед хозяином, надзирающим за своими рыбными промыслами, стоят восемь мужчин, надписанных сверху следующим любовным образом: «Б[ра]тья (к сожалению, уцелели только остатки знаков, но иное чтение, думается, невозможно), [что о]т места [серд]ца его (т. е. любимые им), творящие то, что жалует он, [те, что в чест]и у владык (?) своих» (RTDG I IV). «Жалуемое» же кем-нибудь творили обыкновенно его подчиненные. При подобных отношениях между состоятельным братом и остальными неудивительно, что они и после смерти правили по нем поминальную службу вкупе с его сыновьями и заупокойным жречеством. В гробнице Мрр.в-к² не менее восьми (MM I LXV), в гробнице Пийй-снх Среднего — пятеро братьев (RTM IV IX) несут умершему жертвенные дары непосредственно за сыном или сыновьями, подобно тому как и в гробницах Хв.н-ву и неизвестного придворного «братья» следуют за «детьми» в перечнях доставителей приношений (ASAE XII 140; ASAE XLIII 513).

Участие братьев в управлении хозяйством их богатого родственника было бы явлением вполне в духе того времени. В гробницах сын или сыновья хозяина неоднократно представлены ведущими на положении писцов учет по отчету хозяйству, и это не только у важных сановников (гробницы Х^c.ф-р^c-снх, DAA II IX, XI — каждый раз те же три сына; γ х.т(й)-хтп, MPAS II XIII = XV, XIV = XVI; ср. также у Й-мрй.й, DAA II XLIX), но даже у царевичей (гробницы Хти-сп².т, DAA II XXII; неизвестного царевича, DAA II XXXII). Некоторые из этих сыновей прямо названы «писцами».

На гробнице γ х-мрв.т-нй-св.т «брат его, что от д.т его», являющийся также «управителем дома», представлен стоящим перед сановником в то время как трое мужчин, представляющих последнему его приказчиков, обозначены каждый как «брат его» (GAR LXIX). Помимо этого памятника, мне нигде не доводилось видеть, чтобы «братья д.т» и просто «братья» упоминались рядом или хотя бы в одной и той же гробнице. Исключение, являемое гробницею γ х-мрв.т-нй-св.т, легко объясняется местом «братьев» на изображении. «Брат его, что от д.т его» в качестве домоправителя должен руководить представленным управляющих, тогда как простые «братья» служат второстепенными исполнителями — приставами. Естественно было поэтому и титул руководящего «брата» выписать с большей торжественностью, чем остальных трех. Но, как бы то ни было, это исключительный случай, обыкновенно же гробницы пользуются или тем, или другим выражением, говорят или о «братьях д.т», или о простых «братьях», но не одновременно о тех и других. Это опять-таки говорит в пользу того, что оба выражения — только разные обозначения одного и того же. В самом деле, можно ли убедить себя в существенном отличии «братьев д.т» от простых, если в гробнице Птх-хтп градоначальника вельможу окружают одиннадцать разноименных «братьев д.т» (TP XXXI, XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVIII) и нет ни единого простого, а в гробнице почти современного тому Птх-хтп Мрр.в-к² вокруг последнего толпится десяток простых «братьев» (MM I XXIII, XLII = XLIII = XLIV, LXV,

LXXXVIII; MM II CXXVII = CXXVIII, CLVII = CLVIII) и нет ни одного «брата д.т»?

Естественно, братья, прилепляющиеся или льнущие к дому богача, должны быть обыкновенно значительно ниже его по общественному положению, что, конечно, не означало, что они в большинстве были людьми нечиновными. Можно было занимать государственные должности и оставаться малосостоятельным, если эти должности были второстепенного порядка. Такое положение мы наблюдали уже, когда речь шла о «братьях д.т». Просто «братья», окружающие вельможу, и в этом отношении не отличаются от «братьев д.т». Так, среди десятка «братьев» верховного сановника государства правителя («везирия») Мрр.в.к³ нет ни одного действительно высокопоставленного. Большинство их подвизалось по части хнтий.в-ш — особого рода деятельности, которая сама по себе никак не означала высокого общественного положения того, кто ею занимался. Но и на этом поприще только один брат достиг звания «управителя места хнтий.в-ш дома большого (т. е. дворца)» (MM II CLVII = CLVIII, ср. MM I LXXXVIII), — заметим, «управителя места», не «управителя» самих хнтий.в-ш, как можно подумать на основании MM I LXV. Двое братьев носят звания подчиненных «наставников хнтий.в-ш дома большого» (MM I LXV, LXXXVIII; MM II CLVII = CLVIII), а другие два — еще более подчиненных надзирателей: «тех, что позади хнтий.в-ш» (MM I LXXVIII; MM II CLVII = CLVIII; что братьев с таким званием было двое, видно по MM II CLVII = CLVIII, так как величина пробела после начальной буквы подходит только к нему). Наконец, один брат был просто рядовым хнтий-ш (MM I XLII = XLIII = XLIV, LXV; MM II CLVII = CLVIII; возможно, впрочем, что брат Йхйй в первом случае — иное лицо, чем во втором и третьем, поскольку, кроме хнтий-ш, носит еще одно должностное звание). Из прочих братьев один назван неопределенно «честным (мужем) царевым» — звание не слишком важное (MM I LXV, LXXXV; MM II CXXVII = CXXVIII, CLVII = CLVIII); двое — «теми, что со списком праздничных жертв», т. е. чтецами-заклинателями (MM I LXV, LXXXVIII; MM II CXXVII = CXXVIII, CLVII = CLVIII). Примечательно и то, что братья верховного сановника имели, если судить по его гробнице, только по одной должности — явление совершенно необычное у людей с высоким общественным положением. Единственное исключение — «брат его, хнтий-ш, старшина деревообделочных мастерских Йхйй» (MM I XLII = XLIII = XLIV), но и тут добавочное к хнтий-ш второе звание не свидетельствует об особой именности его носителя. Относительная скромность положения братьев еще оттеняется громкими титулами их племянников, сыновей правителя, следовательно людей младшего поколения. Правда, один сын был всего лишь «судьей (п) писцом» (MM I LXXXVIII; MM II CLVII = CLVIII), зато из старших один имел высокий придворный сан «друга единственного» (MM I XXIII, LXV, LXXXVIII; MM II CXXVII = CXXVIII, ср. CLXXI = CLXXII), другой величался «тем, что над тайной царя в месте всяком», «[тем, что в сердце] царя пред брегами обоими его (т. е. Египтом)» (MM II CIV = CLIV = CLV), а третий даже именовался, будучи царским внуком, «сыном царевым, что от утробы его, возлюбленным его» (MM I VIII, XXIII С, XLVI; MM II CLXXVII, ср. MM I LXXXVIII; мать его была «дочерью царевой, что от утробы его», MM I 3) и унаследовал высокие должности своего родителя (MM I 3, 5). Титула сыновей и по многосложности своей отличаются от односложных обозначений подавляющего большинства братьев.

Я думаю, что собранные здесь данные никак не уполномочивают на заключение, будто бы выражение «брат д.т» означало всякого, безотно-

сительно к родственным связям, кого обладатель тех или иных благ так или иначе приобщал к пользованию ими. Наоборот, все говорит в пользу не условного, а кровного родства «братьев д.т» со своими «благодетелями», и переводу здесь д.т словом «плоть», — переводу, желательному в силу языковых соображений, именно словоупотребления пирамид, — ничто не препятствует и со стороны осмысления «брата д.т» тогдашней жизнью. Поэтому передача обозначений «брат его, что от д.т его», «брат его д.т», «брат д.т» соответственно как «брат, что от плоти его», «брат его (от плоти)», «брат (от плоти)» не должна вызывать особых сомнений. Единственная трудность — это частое написание д.т с сопроводительным знаком земли, намекающим как будто бы на «земляной», а не «плотной» смысл д.т, но эта странность у сочетания «брат д.т» — общая с другими выражениями, содержащими последнее слово, и потому будет рассмотрена по рассмотрении всех таких выражений.

Изредка выражение сн-д.т прилагается и к особам женского пола. Зависимость этого словоупотребления от «брата д.т» доказывается «мужским» правописанием: вместо ожидаемого сн.т д.т «сестра д.т» — привычное сн-д.т, т. е., строго говоря, «брат д.т», хотя, возможно, имелась в виду «сестра», и только сраченность сн и д.т в одно целое в речи и письме была повинна в пропуске женского окончания «т» после сн. Произойти этому пропуску было тем проще, что женское окончание могло уже отсутствовать в произношении и тем самым «брат» и «сестра» по звучавшему составу согласных совпадали; если же это окончание сохранялось внутри двухсловного сочетания, то оно легко могло сливаться в произношении с начальным звуком последующего д.т. Сочетание «сестра д.т» достоверно известно мне только по четырем памятникам, и на всех их оно без женского окончания внутри, т. е. коротко сн-д.т. Первый из этих памятников — гробница Нтр-вср, где, сидя у ног его, представлена «сестра д.т, жена его, возлюбленная его, краса царева, что в чести у царя, Хнв[.т.]» (SM I XXIV = MAE 166). Что родная сестра могла быть женою — в этом для египетской древности нет ничего невозможного, и вполне мыслимо, что именно такого рода сочетание имела в виду надпись. Другой памятник — ложная дверь Хв.ф-в(й)-снх (HGN I LXV b). Слева изображены и поименованы хозяин гробницы (дважды), сын его и отец, справа — его жена (дважды), его дочь и мать. «Сестра д.т (написано сн-д.т) Птй» стоит справа вместе с супругой и дочерью чиновника, а трое «братьев д.т» с заупокойными приношениями изображены и поименованы слева. Напротив трое заупокойных жрецов («рабов двойника»), занятых тем же делом, изображены и поименованы справа — не потому ли, что на мужскую (левую) и женскую (правую) половину делилась одна родня, а посторонних можно было приткнуть куда угодно? Вместе с явной роднею изображены две «сестры д.т» на третьем памятнике — в гробнице Вхм-к² (MU 24). Четвертый памятник — Птх-хти придворного (MAE 314—315). Хозяин гробницы представлен в сопровождении жены по имени Хнт.к².в.с, трех сыновей и «брата д.т Нфр-хр-н-хнт-хтий» (последний помещен между вторым и третьим сыном). Ниже изображена «сестра д.т» по имени Хв.т-хр-нфр.т(й) и за нею двенадцать женщин и трое мужчин, обозначенных (те и другие) как «дети ее». Поскольку жена сановника следует непосредственно за ним, «сестра д.т», если она член семьи, — а сомневаться в этом при количестве изображений ее детей нет оснований, — может быть только сестрою Птх-хти. Был ли изображенный выше «брат д.т» ее супругом — ни утверждать, ни отрицать с уверенностью невозможно. С одной стороны,

если он ей не муж, странно, что не изобразили ее мужа, когда не поскупились на пятнадцать изображений ее детей. С другой стороны, «брат д.т» и «сестра д.т» изображены обособленно друг от друга. За то, что оба только брат и сестра, говорит также памятник, который является, по-видимому, пятым, содержащим выражение «сестра д.т». В гробнице некоего сановника Тнтй позади его изображены двое мужчин и ниже их женщина (DAA II XXXI). Из остатков приписок можно заключить, что все трое были сн-д.т «братьями/сестрою д.т». Перед первым мужчиною до остатков его должностного звания виден знак сн с последующим пробелом, где могло стоять д.т. Перед вторым мужчиной сн-д.т сохранилось вполне отчетливо, зато перед женщиной видно одно д.т, а где должно было бы быть сн, издателями не показано разрушений. Последнему обстоятельству вряд ли можно придавать существенное значение, поскольку речь идет об издании столетней давности, но взятое отдельно д.т перед женщиной возможно было бы понять как обозначение зависимого лица (об этом слове д.т речь будет ниже). Против подобного понимания говорит то, что за д.т следует слово (нй)-св.т «царь» с последующим пробелом и остатками имени — и, следовательно, изображенная женщина, по-видимому, имела высокое звание «[той, что (относится) до вещи] царевой». Это звание плохо вязалось бы с зависимым состоянием, но прекрасно подходило бы к сестре сановника. Потому весьма правдоподобно, что д.т перед женщиной предшествовал знак сн и она была также сн-д.т, как и оба мужчины. Появление «братьев д.т» вместе с «сестрами д.т» в гробницах Птх-хтп придворного и Хв.ф-в(й)-снх и на только что обсуждавшемся изображении было бы, конечно, как нельзя более естественным, если те и другие были действительно братьями и сестрами умершего — его братьями и сестрами от «плоти».

Так же хорошо, как «брат д.т», укладываются в словоупотребление пирамид и те немногие примеры, где д.т служит определением к слову мс.в «дети». На ложной двери Мдв-нфр читаем: «Сын его старший нх-йр.с рассказывает он: Это я — сотворивший это отцу своему»; и тут же три сына умершего, носившие сходные с отцовским званием «писцов дома свитка бога», обозначены вместе так: «Заклинатель главный, писец свитка бога Мдв-нфр, дети его, что от д.т» (UAR 229 = EUIEA XIX 218, ср. ASAE XLII 49 п. 5), или — после выделенного особо старшего сына — «Сын его старший заклинатель снх-йр.с; дети его, что от д.т» (EUIEA XIX 218). Перевод «дети его, что от плоти» не вызывает никаких недоумений, но этого никак нельзя сказать о таких передачах, как «дети его, что от имени (или недвижимости)» или «дети его, что от заупокойного владения», как хорошо ни согласовались бы последние передачи с правописанием д.т у Мдв-нфр (сопроводительный знак — волнистая вода, замена земли!).

Точно такое же написание этого слова налицо в «детях д.т» в гробнице Н(й)-к²-снх, но и здесь «земляное» — точнее, «водяное» — правописание никак не может перевесить прямой смысл соответствующего места. Об «управителе дома двора большого (т. е. дворца), управителе городов новых, управителе рабов бога (т. е. жрецов) Хат-хор, владычицы Ре-оне (долины у Эль-Каба), приставнике вещи царевой» Н(й)-к²-снх, изображенном сидящим с «женою своею», здесь сказано: «сотворил он приказание слов (т. е. распоряжение) в пользу детей своих, чтобы служить Хат-хор, владычице Ре-Оне». Далее излагается содержание завещания:

«Рабы бога (т. е. жрецы), сотворенные (мною), это — из детей д.т, чтобы служить Хат-хор. Сотворены были 2 сот (сот = свыше 2700 кв. м)

величеством Мен-ке-рэ для рабов бога этих, чтобы служить за них (т. е. за те 2 сот)».

Под заголовком «Приставник вещи царицы, управитель дома большого Н(й)-к²-снх — жена его, приставница вещи царицы, Хд.т-хкнв, дети ее» следует роспись месячных служб Хат-хор, распределенных между женою, сыновьями и, возможно, несколькими сторонними лицами, с повторными указаниями земельного надела — «пашни 5 сот», — выделенного в обеспечение служб. Из дальнейшего мы узнаем, что «это величество Уср-кофа (было) приказывавшим служить (мне) Хат-Хор, владычице Ре-оне», и что «это далее дети (мои) эти — служащие Хат-хор, владычице Ре-оне, подобно тому как творил (я) сам, когда я отбуду на запад добрый как владыка чести». К росписи служб Хат-хор примыкает составленное в обратном порядке имен расписание заупокойных помесечных служб по «приставнице вещи царицы» Хнв-к(′) и его родственникам, надо думать, за те же 5 сот пашни (2 сот Хат-хор + 3 сот Хнв-к(′) ?). Соответственно завещание кончается словами:

«Это далее дети (мои) эти — возглашающие (т. е. приносящие заупокойные жертвы) для приставника вещи царицы Хнв-к(′), отца его, матери его, детей его, предела (=около = родства?) его всякого в (праздник) В'г, Тховтов праздник, праздник всякий повседневно» (UAR 24—28).

Я привел здесь все места завещания, где упомянуто слово «дети», и не может быть ни малейшего сомнения, что эти дети — кровное потомство сановника и его супруги («дети его», «дети ее»). Только в одном месте вместо простого «дети» стоит «дети д.т». Надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, и потому ее мс.в д.т, переданное выше как «дети д.т», на самом деле значило, наверно, мс.в.й д.т «дети мои д.т» (было бы мыслимо также читать «дети мои д.т моего» или «дети д.т моего», но вряд ли то было бы правильным, потому что в предыдущем и последующем примерах, где притяжательное местоимение выписано, оно стоит только после «детей»: «дети его д.т»). Я не знаю, каким другим словом могло бы быть в этой надписи д.т, кроме как словом «плоть». «Это жрецы, поставленные мною из детей моих (от) плоти, служить Хат-хор» — проще и глаже толкования для данного места придумать нельзя. Наоборот, «эти жрецы, поставленные мною из детей моих (от) земельной собственности (или «заупокойного имения») служить Хат-хор» звучит совсем неестественно. И по существу дела — какой смысл могло бы здесь иметь определение родных детей по каким-либо земельным отношениям? Из надписей в той же гробнице ясно, что единственным наследником Н(й)-к²-снх был его старший сын: «Писец свитка царицы Хм-хв.т-хр — наследник (мой) это, что на седилице (т. е. на должностном месте) (моем), владыка имущества (моего) всяческого» (UAR 31; тут же второй раз в поврежденном виде). Этот Хм-хв.т-хр упоминается и в поименных росписях служб Хат-хор и служб по умершем Хнв-к², непосредственно рядом с супругой завещателя и с таким же земельным обеспечением за службу, какое назначается вдове и прочим детям. Наследник всего отцовского имущества, он явно не стоял на равной ноге со своими братьями по части имущественного обеспечения, и если бы выражение «дети д.т» имело в виду совладельцев чужой собственности, оно распространялось бы на него только как на соучастника в доходах с храмовой и заупокойной служб. С другой стороны, если остальные дети, судя по надписям гробницы, только и наследовали, что эти доходы, о каком совладении могла быть речь до назначения сы-

новой жрецами? По завещанию же выходит, что жрецы были назначены из детей, которые уже относились к д.т, когда это назначение имело место; но что же могло значить: «Это жрецы, поставленные мною из моих детей-совладельцев служить Хат-хор», — если младшие братья до предоставления им жреческих мест не были имущественно обеспечены?

Менее определенным является третий случай сочетания д.т со словом «дети». В гробнице Хтп-сп².т изображен мужчина с сосудами в руках, с надписью сверху «дет(и) его д.т» и надписью спереди «раб двойника (т. е. заупокойный жрец) ^снх-м^с-к(?)». Положение рядового «раба двойника» может показаться слишком скромным для сына столь высокопоставленного лица — хозяин гробницы был царевичем, — но нельзя забывать, что дело идет о заупокойной службе по собственном родителе. Как и в обоих предыдущих случаях, д.т написано не так, как в пирамидах обыкновенно пишется «плоть», — в данном случае за змею и хлебом следует земля, — однако перевод «дети его (от) плоти» является и тут наиболее естественным, не только потому, что к нему предрасполагает само слово «дети», но и потому, что напоминает встречающиеся в староегипетских гробницах надписания к изображениям: «дети его, что от утробы его» (мс(.в).ф н(й.в) х.т.ф; гробницы Сшм-нфр, DAA II XXVII; Схм-к²-р^с, DAA II XLII; «его» имеет в виду хозяина гробницы). Последнее выражение, однако, повторяет притяжательное местоимение и для передачи родства пользуется другим словом («утроба»), что побуждает одновременно не считать оба выражения тождественными.

После «детей д.т» уместно будет коснуться родственного им по смыслу сочетания д.т со словом «дочь». Мне это сочетание известно только по ложной двери Хм-мнв в гробнице его отца Тп-м-^снх (MAE 200 = DARMK I 89 = XX). Справа и слева от Хм-мнв изображено по чете, как и он, за столиками с яствами, каждое лицо в особо очерченном поле, мужья над женами. Перед супругом слева написано: «одаренный, наставник шзм.т Р^с-хтп, раб двойника (т. е. заупокойный жрец) д.т»; перед супругой: «жена его Хм(т)-²х.т(й), дочь д.т». У четы справа нет обозначений с д.т, в остальном их надписания сходны с противоположными: это ²х(тй?)-хтп и «жена его Нб-йр.т-мрй(?)». «Дочь д.т» (з².т д.т) слишком напоминает пирамидное «сын твой, что от плоти твоей» (з².к н(й) д.т.к, AP I, 90, 122), чтобы легко было отказать от перевода «дочь (от) плоти», несмотря на то, что и здесь, как и в титле мужа, д.т сопровождается знаком волнистой воды, заменяющим землю. Но спрашивается тогда, чья дочь Хм(т)-²х.т(й)? Вряд ли она дочь Хм-мнв, позади которого изображена с супругом, так как надпись на косяке говорит от имени «казнохранителя свитка бога дома большого (т. е. дворца) Тп-м(-^снх): «сотворил (я) это для сына (моего) старшего казнохранителя свитка бога Хм-мнв, когда он (был) ребенком». Неправдоподобно также, чтобы она была дочерью своего супруга, в частности уже потому, что «дочь д.т» соответствует его званию «раб двойника д.т». Можно потому предположить, что Хм(т)-²х.т(й) была дочерью самого Тп-м-^снх, а муж ее — его заупокойным жрецом. Поскольку последний не изображен служащим Хм-мнв, нет никаких оснований считать Р^с-хтп его жрецом; напротив, положение данной четы, в точности тождественное с положением противоположной и не имеющей никаких заупокойно-жреческих званий, способно утвердить в мысли, что левая чета тоже изображена не в силу причастности к заупокойной службе по сыне, а более из родственных чувств (заслуживает внимания тождество званий у обоих мужей,

а также известная однородность имен: $\dot{X}m$ -мнв — $\dot{X}m(.t)$ - $\dot{X}t$ (й), $\dot{X}m(.t)$ - $\dot{X}t$ (й) — $\dot{X}t$ (.тй?)- $\dot{X}tp$, $\dot{X}t$ (.ти?)- $\dot{X}tp$ — P^c - $\dot{X}tp$) или за звание «одаренного», часто приписанное в староегипетских гробницах к изображениям восторженных лиц, так или иначе услуживших сановнику и удостоенных увековечения на его памятнике. Наличие этого звания у обоих мужей говорит опять-таки скорее за отношение к родителю, нежели к юному сыну. По краткости («дочь д.т» — вместо «дочь его д.т» или «дочь его, что от д.т его» — напоминает «брата» или «сестру д.т», но надо заметить, что у писца нашего Тп-м-с^нху могла быть вообще склонность писать подобные обозначения с пропуском притяжательного местоимения; ср. в приведенной надписи на косяке «сын старший» вместо обычного «сын его старший». Сомнение в правильности чисто родственного истолкования «дочери д.т» может вызвать соответствие между этим наименованием и «рабом двойника д.т» в титуле мужа. Однако даже при толковании первого обозначения в чисто родственном смысле это соответствие может быть понято из одинаково личного отношения мужа и жены к владельцу гробницы: муж был личным жрецом, жена — собственной дочерью сановника, и обозначения в конце титула каждого из них должны выражать это личное отношение к гостеприимному хозяину, наподобие начального «одаренный» в титулах обоих мужей.

Известная неясность, хотя и в другом смысле, чем в предыдущем примере, присуща и единственному мне известному случаю сочетания д.т со словом «жена». На гробничной притолоке «управителя плотников» Этв в конце заупокойного заклинания, после званий и имени хозяина, стоит: «жена д.т Й^c.т-йб» (DARMI I 200=XLIII). Обычно имя жены вводится словами: «жена его»; здесь же притяжательное местоимение опущено и тем самым создано слитное сокращение, вроде «брат д.т», «сестра д.т», «дочь д.т», с которыми $\dot{X}m.t$ д.т «жена д.т» имеет и то общее, что между управляющим словом и управляемым не видно прилагательного принадлежности «что от», в данном случае н(й).т. На данном примере особенно хорошо видно, что д.т в подобных сокращениях выступает заместителем притяжательного местоимения. Толковать «жену д.т» в смысле кровного родства, т. е. как жену от одной плоти с мужем, его сестру, нет не только никаких оснований, но положительно нельзя, так как это не объясняет отсутствия притяжательного местоимения, здесь совершенно необходимого. По-египетски понятие «жена» выражается тем же существительным, что и «женщина». Слово $\dot{X}m.t$ может означать то и другое, но чтобы «женщину» — основное значение — превратить в титуле в «жену», ей надо придать или существительное-определение — чья «женщина»? — или его замену, притяжательное местоимение. Если бы тут имелось в виду кровное родство супругов, «женщина (от) плоти» было бы весьма неудачным обозначением жены. Самое большое, оно могло бы сойти за описательное наименование для «сестры», но только такого наименования не существовало, и когда сестру ставили в связь с д.т, то говорили, как мы видели, «сестра д.т». Не менее причудливое сочетание получилось бы и тогда, если бы мы в занимающем нас сочетании слово д.т, ввиду написания его с сопроводительным знаком земли, поняли как обозначение некоего земельного владения. Если даже «жена его (от) имени» или «недвижимости» как обозначение жены-совладелицы звучит несколько странно, то что сказать о «женщине от земельной собственности» как обозначении супруги?

Но если ни истолкованием д.т в смысле кровного родства, ни объяснением его в смысле земельной собственности не достигается удовлетворительная передача для $\dot{X}m.t$ д.т, то есть еще одна возможность

понять это выражение, которая не только снимает трудности, сопряженные с отсутствием притяжательного местоимения, но является прямым приложением точного значения д.т в пирамидах к данному случаю. В самом деле, если значение «земельная собственность» или «заупокойное имение» не может быть подтверждено пирамидными надписями, то нельзя доказать и употребления в них д.т для обозначения кровного родства как такового. Когда пирамиды говорят об очах, груди, сердце или двойнике как тех, «что от плоти» такого-то, явно имеется в виду не то, что очи, грудь, сердце, двойник одной плоти с их обладателем, кровно сродни ему, а то, что они принадлежат к его «плоти», к нему самому, являются собственными его очами, грудью, сердцем, двойником. И когда говорится, что «тем, что от плоти» солнца или царя является «вещь всякая», то это значит, конечно, не то, что всё одной плоти с ними, кровно родственно им, а только то, что всё — их собственность, принадлежит им. Даже там, где на первый взгляд д.т кажется несомненно оттеняющим кровное родство, речь в действительности идет о принадлежности. Вспомним два места из пирамиды Уннос о солнечном сыновстве царя:

«Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе Уннос. Возвел ты (к себе) его, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от плоти твоей, навечно» (АР I 89—90);

«Атум, возвел ты Уннос этого, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от плоти твоей, навечно» (АР I 122).

Если бы «сын твой, что от плоти твоей» значило просто «твой родной, твой кровный сын», то разве мог бы сын перестать быть таковым, и что значит тогда утверждение «навечно», упорно повторенное и потому никак не случайное, в обоих случаях? Достаточно, однако, внимательно вчитаться в слова, предшествующие заверениям о сыновстве, чтобы сразу же заметить не только то, что смысл этих слов в обоих случаях одинаков, но и то, что им прекрасно объясняются оба «навечно». Солнце взяло к себе и заключило в свои объятия умершего властелина, приблизило его к себе, так что он будет, как сын, вечно при нем, вечно принадлежать ему. «Сын твой это, что от плоти твоей, навечно» получает тогда вполне удовлетворительный смысл, стоит только «что от плоти» понять так, как оно употреблено в прочих случаях в пирамидных надписях: «Он — твой собственный сын навечно».

Также и вне определения «что от плоти» д.т «плоть» не употребляется в пирамидах для выражения кровного родства. Некоторые из приводившихся выше оборотов могут, правда, казаться содержащими именно такое словоупотребление, но, вдумавшись в слова надписей, мы увидим, что в действительности его здесь нет.

«Плоть твоя (Усире) — плоть Уннос (или Нефр-ке-рэ) этого, мясо твое — мясо Уннос (или Нефр-ке-рэ) этого, кости твои — кости Уннос этого» (АР I 111).

«Плоть твоя — Пйопе этот, бог... Плоть ваша — Пйоне, боги» (АР II 262).

«Услышь его, слово это, Рэ, которое сказывает тебе Ме-не-рэ (разночтения: «сказываемое тебе», «которое Ми-рэ сказывает тебе»). Плоть твоя — Ме-не-рэ (или Пйопе, Ми-рэ), Рэ: (да) животворишь ты плоть твою в нем (разночтение: «в Пйопе», «[в] Ми-рэ»), Рэ!» (АР II 298—299).

Ключ к пониманию этих заклинаний дает последнее предложение. «Да животворишь ты плоть твою в нем» не может значить ничего другого, как «Животвори самого себя в лице его» — приглашение, вытекающее из предшествующего ему утверждения: «Плоть твоя — Ме-не-рэ». Последнее поэтому может означать только: «Ме-не-рэ — ты

сам». Отсюда мы получаем превосходное толкование и для первого заклинания, напрашивающееся, впрочем, само по себе. Если «плоть твоя — плоть Унноса этого» значит только «твое тело — тело Унноса», заверение это было бы не более как бледным обобщением к более красочным последующим: «мясо твое — мясо Унноса этого, кости твои — кости Унноса этого». Если же вместо «плоти» проставим мысленно слово «сам», первое предположение станет таким же ярким, как и оба последующие, которые будут тогда не раздельным повторением, а содержательным раскрытием первого: «Самость твоя — самость Унноса этого (т. е. Уннос — ты сам): мясо твое — мясо Унноса этого, кости твои — кости Унноса этого». Такой перевод подсказывают и соображения общего порядка. Речь в этих заклинаниях, как то обычно в пирамидах, идет об отождествлении умершего царя с его божеством и тем самым о волшебном усвоении первым свойств или состояний второго; перед нами утвердительные заклинания, а не моления о помощи с ссылками на кровное родство.

Таким образом, даже самые, казалось бы, убедительные примеры употребления в пирамидах слова «плоть» для выражения кровного родства при проверке оказываются только частными случаями передачи с помощью «плоти» понятий «сам» или «собственный». Последнее понятие, «собственный», составляет смысл пирамидных определений «что от плоти» такого-то. Подставив это значение в выражение «жена д.т», мы получим вполне приемлемый перевод — «жена собственная», — и этот перевод хорошо подойдет к содержанию надписи в целом. После заупокойного заклинания на имя мастера такого-то упоминание «собственной жены», с заменой понятием «собственная» притяжательного местоимения, было бы вполне уместным, особенно если предположить, что жена была посвятившей надписи (изображен только супруг).

Значение «собственный» как нельзя лучше подходит и к прочим сочетаниям д.т с обозначениями родства: «брат собственный», «сестра собственная», «дети собственные», «дочь собственная». Подобные сочетания д.т могли быть даже особенно удобными в качестве заместителей соответствующих обозначений с притяжательными местоимениями, когда обилие изображенных лиц делало не совсем ясным, чьим, например, братом является тот или иной «брат его». «Брат собственный», напротив, не оставляло места ни для каких, даже самых придиричливых вопросов, так как недвусмысленно отнесило данного «брата» к собственнику гробницы. Под этим углом зрения легко объясняется и занимавшее нас выше обозначение «дочь д.т». Она была изображена ниже своего супруга и позади хозяйского сына, которому была посвящена ложная дверь. Будь здесь написано «дочь его», можно было бы подумать, что ее отцом был ее супруг или хозяйский сын, несмотря на его очевидную молодость. «Дочь собственная» ставило ее в связь с владельцем гробницы, точно так же как и ее мужа — «раба дгойника д.т.», т. е., согласно предложенному пониманию, собственного заупокойного жреца хозяина. Обсуждавшаяся выше приписка к изображению женщины, сидящей у ног сановника, — «сестра д.т, жена его, возлюбленная его, краса царева, что в чести у царя, Хнв[.т]» — станет совсем понятной, если только вместо д.т мы подставим «собственная». «Сестра собственная» рядом с «жена его» было бы вполне закономерно, поскольку не всякая жена была сестрою, и «собственная» оттеняло особенность данного положения: супруга — собственная сестра.

Толкование определений с д.т как примерно равнозначных с понятием «собственный» объясняет и сосуществование на первый взгляд тождественных «что от плоти» (нй д.т) и «что от утробы» (нй х.т)

такого-то. Мимоходом на это сосуществование было уже обращено внимание и замечено, что оба выражения вряд ли означали одно и то же применительно к детям. Теперь это различие можно уловить более отчетливо: «дети, что от утробы его» делает упор на телесное происхождение, «дети его собственные» — на связь между личностями.

Толкование определений с д.т как выражений понятия «собственный» оправдало себя применительно к обозначениям родства; надлежит проверить это толкование на прочих примерах таких определений. Но и сейчас уже словоупотребление пирамидных надписей и сходство между «братьями д.т» и просто «братьями» на гробничных изображениях делают невероятным, чтобы «братом/сестрою д.т» мог быть любой человек в силу соучастия в каком-либо владении. Существование же наряду с «братьями д.т» и «сестрами д.т» еще иных родственников д.т — «жен д.т», «дочерей д.т», «детей д.т» — прямо-таки исключает такую возможность. «Братья/сестры д.т» должны быть настоящими, а не условными братьями и сестрами.

б. Определения к обозначениям служащих

Из числа лиц, получающих в надписях определения с д.т, по частоте упоминания с такими определениями и по роду деятельности наиболее близки к родственникам заупокойные жрецы — «рабы двойника». На плите UAR 280 они значатся вместе с царскими жрецами как собственные, личные жрецы важных особ: «рабы божьи, рабы двойниковы, что от д.т их». Однако всего чаще они упоминаются в качестве «рабов двойниковых, что от д.т его» (читай: «что от плоти его», т. е. собственных его) в приписках к изображениям доставки ими умершему всевозможных даров. Все известные мне примеры — времени VI царского дома и совершенно одинаковы по составу обозначения и правописанию д.т: хм.в-к^2 (или хм(в)-к^2) н(й).в д.т.ф; д.т — змея + хлеб (гробничные Mpp.в-к², MM I LXXXVIII; MM II CVI A, CXX; Й_ххй, MKCI XIV, XXXI; ^снх-м^с-хр, RTS II XLIV, XLV, LIV, LVIII—LIX, LX—LXI); хм-к^2 н(й) д.т.ф, в единственном числе, трижды в гробнице Хнв, Бйв и Пйй (TRCP 100).

Со сходными составом и правописанием выражение засвидетельствовано и для речи в 1-м лице: «рабы двойниковы, что от д.т», — очевидно «(моей)», поскольку соответствующее местоимение 1-го лица единственного числа надписью не выписывается (склеп Ббй, CFSDMRC III + 25 = UAR 256); но другая надпись в гробнице неизвестного сановника, составленная в 1-м лице и содержащая завещание касательно его заупокойных жрецов, обходится без прилагательного принадлежности нй или — во множественном числе — нй.в.

«Не даю (я) быть властну рабу двойника какому-либо д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственному моему) в даче пашни, люда, [вещи каких-либо, сотворенных (мною) ему, чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для (меня)] с помощью (их), в оплату (т. е. продавая) людям каким-либо (или) в (передаче по завещанию) людям каким-либо, разве что даст [он сыну своему одному (?)] (или) тому, кто поделится с рабом двойника неким из рабов двойника (моих) этих» (UAR 12 = IHCE I = TIA V 1210 = RTRPAEA XXIX 79 = DARMK I 113 = XXVIII).

«(Что) до раба двойника какого-либо д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственного моего), [который] наруш[ит] ---, что для приглашения (моего) (т. е. заупокойной жертвы моей), данного (мне) царем сообразно бытию (моему) в чести, взято будет из руки его, (и) доля,

что под ним, [(будет) чередо (жрецов), к которой он (принадлежал)]» (UAR 12—13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAEA XXIX 81 = DARMK I 113 = XXVIII).

«(Что) до раба двойника какого-либо д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственного моего), который поведет тяжбу против второго (т. е. товарища) своего, (причем) сотворит он грамоту учинения (?) кривды (?) против раба двойника, [да отвратит он долю], что под ним, ради нее (?) (грамоты?), (то) взяты будут из руки его пашня, люд, вещи всякие, данные (мною) ему, чтобы возглашать (т. е. принести заупокойную жертву) для (меня) с по[могою] (их) ---» (UAR 13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAEA XXIX 81 = DARMK I 113 = XXVIII).

«(Что) [до] раба двойника какого-либо д.т (моей) (читай: от плоти (моей), т. е. собственного моего), который выйдет (т. е. перейдет) на другую службу перед сановниками (т. е. законным порядком) ---» (UAR 13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAEA XXIX 84 = DARMK I 113 = XXVIII).

«... [пашня, люд, вещь всякие, сотворенные (мною) (?)] рабам двойника д.т (моей), чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для (меня) с помощью (их) в гробнице д.т (моей), которая в (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), в [месте пирамиды] «Велик Шеф-рэ (т. е. Хефрен)» (UAR 13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAEA XXIX 82 = DARMK I 113 = XXVIII).

«--- рабы двойника эти д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственные мои)» (UAR 11 = IHSE I = TIA V 1210 = RTRPAEA XXIX 75 = DARMK I 112 = XXVIII).

Поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение могло читаться не там, где я поместил его в переводе, — после д.т (см. предшествующие примеры с местоимением 3-го лица), а после «рабов двойника» или — что, впрочем, неверно — после того и другого. Сходный случай был, возможно, представлен в гробнице Мх-в(й)-³х.т(й) (MIO I 328).

Имеются и еще более краткие сочетания «раба двойника» с д.т, обходящиеся не только без прилагательного принадлежности, но и заведомо без притяжательного местоимения. Таковы приписки к изображениям отдельных лиц в гробнице Нфр.с-рс (G IX 65) и на ложной двери Хм-мнв в гробнице Тп-м-^снх (MAE 200 = DARMK I 89 = XX). В первом случае «раб двойника д.т» приписано к изображению мужчины, кадящего некоему Н(й)-к².в-хнмв, во втором случае — к изображению второстепенного лица, сидящего в числе других мужчин и женщин, сбоку от хозяина двери, за особым столиком с яствами, причем поставлено после титла и имени: «одаренный, наставник шзм.т P^c-хтп, раб двойника д.т». Ни Н(й)-к².в-хнмв, ни Хм-мнв не являются хозяевами гробниц, где они одностоллись изображений, и потому «раб двойника д.т» (читай: «раб двойника (от) плоти», т. е. раб двойника собственный) мог быть вовсе не их, а хозяйским заупокойным жрецом, и д.т («от) плоти», иначе «собственный», могло даже прямо указывать на принадлежность владельцу гробницы, а не гостям. Это особенно правдоподобно в случае Хм-мнв, так как ниже «раба двойника д.т» P^c-хтп изображена «жена его Хм(т)-³х.т(й), дочь д.т». Последняя вряд ли могла быть «дочерью собственной» Хм-мнв, так как хозяин усыпальницы говорит о себе на ложной двери сына: «сотворил (я) это для сына (моего) старшего казнохранителя свитка бога Хм-мнв, когда он (был) ребенком». Потому лучше, быть может, считать «раба двойника» и «дочь» «собственными» не Хм-мнв, а его родителя.

Я думаю, что во всех перечисленных сочетаниях «раба двойника» с д.т смысл «собственный заупокойный жрец» может быть допущен без каких-либо затруднений. Более того, он очень хорошо объясняет, почему в завещании рабы двойника с таким странным упорством ставятся в связь с д.т: то был удобный способ, не выписывая притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, выразить письменно, как то подобало в точном правовом установлении, что речь идет о заупокойных жрецах самого завещателя. Таким образом, и здесь возможно опять-таки усмотреть в д.т своеобразного заместителя притяжательного местоимения.

Иные обозначения служащих, нежели «раб двойника», только изредка попадаются в сочетании с д.т. В гробнице Мрр.в-к² (ММ I XXIII) в связи с доставкой ему заупокойных жертв из его угодий в «Низовье (и) Верховье» упоминаются «властели, что от д.т его» (читай: «что от плоти его», т. е. собственные его). Имеются в виду управляющие селений, принадлежавших лично вельможе. Властели управляли и селениями, принадлежавшими казне. Поэтому вполне уместно было отличать частных управляющих от государственных, наименовав «собственными его», — т. е. вельможи, — властели.

В гробнице областного князя Йбй хозяин изображен смотрящим на всевозможные ремесленные работы, и над ним надписано:

«Смотрение на работу всякую в мастерской мастеров в руках мастеров всяких, что от столицы (и) извне, счет рук мастеров всяких писцами, что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственными его), сотворение замысла работы всякой» (RTDG I XIII).

Состав мастеров в данном заведении был двойственным: наряду с мастерами «столичными», дословно «внутренними», там работали мастера не столичные, мастера «извне». Но так как производство работало лично на князя, поскольку оно изображено в гробнице — на его гробницу, и обслуживание его особы объединяло смешанный состав работников, естественно было и учет производства вести не казенным счетоводам, а писцам самого вельможи, которые учитывали его личное хозяйство, — «писцам, что от плоти его», его собственным писцам.

В той же гробнице изображены два писца, присутствующие при севе и пахоте, и посередине помещена надпись столбиком, сильно поврежденная вверху, но вряд ли значащая что-нибудь иное, как «писцы, что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственные его)» (RTDG I VII). От слова «писцы» уцелел прямоугольный низ писчей дощечки, сидящий мужчина и две последние черточки множественного числа. Я не знаю, чем другим мог бы быть этот прямоугольный остаток, хотя прилагательное принадлежности стоит странным образом не в мужском (н(й).в), а в женском роде (н(й.в).т). Прямоугольный конец никак не подходит по высоте к д²д².т «присутствие», к тому же это слово никогда не пишется в Старом царстве с черточками множественности. Можно было бы подумать о «писцах [рабочих дружин (йз.т)], что от д.т его» и отнести женское «что от» за счет «рабочих дружин», но нет примеров, где бы «писец дружин» или сходное сочетание соединялось со словом «д.т».

в. Определения к обозначениям подневольных людей

Переходя к обозначениям подневольных людей, можно заранее ожидать встретиться здесь с отнесением к д.т, потому что речь пойдет о людях, принадлежащих вельможе, для которых принадлежность ему будет их отличительным признаком. Соответственно и самое понятие

«собственный» будет означать принадлежность уже не в силу родства, подчинения или найма, а в силу прямого обладания. Памятники вполне оправдывают ожидания.

Согласно принятому пониманию, сюда относятся две одинаковые надписи на одной ложной двери из гробницы Йт-х²х³ (?): «Купленники, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственные мои), которых достал (я) за вознаграждение, запечатленные в договоре, что от хт, дабы возглашали они (т. е. приносили заупокойные жертвы) для (меня) в (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды)» (ММОА II 785 = SPE I). Вместо «купленники, что от д.т (моей)» можно также читать, за пропуском надписью притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, «купленники (мои), что от д.т» или «купленники (мои), что от д.т (моей)». Словом «купленники» мною передано выражение йсв — одного, надо думать, корня с йсв «вознаграждение» («вознагражденские») и, видимо, тождественное с йсвв — обозначением карликов, личных слуг вельможи, в гробнице Н(й)-св.т-нфр (G III между 166 и 167).¹ Данная надпись говорит вполне определенно, что ее «купленники» были добыты за вознаграждение. Слова «достать в вознаграждение (за нечто отданное)» — обычное выражение для понятия «купить». «Мои собственные невольники, приобретенные мною путем покупки с соблюдением законных правил» — лучшего смысла для данного места и не придумать, если только правильно общепринятое понимание.

Несколько раз д.т служит определением для собирательного обозначения подневольных производителей мр.т «челядь».

Хвалясь своими добродетелями, областной князь Йбй говорит в одной из поврежденных гробничных надписей, что делал что-то «с помощью упряжек (быков) (и) с помощью челяди, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих)» (RTDG I XXIII; поскольку притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа надпись не выписывает, его можно читать также после «упряжек» и «челяди» или только после них, опустив после д.т). Вслед за этим упоминается глагол «пахать» или производное от него существительное, а непосредственно перед «упряжками» стоит м пр.т, — к сожалению, без сопроводительного знака после второго слова; в м пр.т тем не менее хотелось бы видеть «с помощью семян». Таким образом, князь хвалился тем, что пахал что-то с помощью собственных быков и людей. Значение «собственный» для «что от д.т» будет здесь как нельзя более кстати и имеет в виду принадлежность людей в силу обладания ими, так как прилагательное принадлежности «что от», следующее за «челядью», словом женского рода, стоит тем не менее во множественном числе мужского рода и потому относится одинаково и к «упряжкам» (хтр.в), с которыми согласовано в роде, и к «челяди», за которую следует.

Тот же князь в другой, тоже поврежденной надписи гробницы говорит о неких своих владениях, что они были снабжены «челядью, что от д.т (моей)» (следовательно: «что от плоти (моей)», т. е. собственной моею) и наполнены «быками, козами, ослами» (RTDG I VII = UAR 144; «мой», как в предыдущем примере, можно читать и после «челяди» или даже только за нею). Значение «собственный» для «что от д.т» и в этом (к сожалению, поврежденном) месте представляется вполне уместным.

¹ Н. Junker. Giza V. Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Kl., Denkschriften, 71. Band, 2. Abhandlung, Wien—Leipzig, 1941, S. 8—10.

Наконец, в неясной связи, в месте сильно поврежденном, «челядь, что от д.т твоей» (следовательно: «от плоти твоей», т. е. собственная твоя) упоминается указом царя Хора Нетр-биу на имя его верховного сановника касательно набора для поминальных каплиц последнего надзирателей заупокойных жрецов (храм Мина в Кебто, UAR 303).

Родственному «челяди» слову т.з.т «соединение», обозначавшему в Старом царстве как военные, так и рабочие отряды, определение с д.т придано в гробнице областного князя Д^св. Над изображением людей, влекущих сани с надгробной сенью, написано: «Препровождение надгробной сени соединениями, что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственными его) (и) области, (что) под рукою его» (RTDG II VII). На первый взгляд могло бы показаться, что в этом месте перевод д.т как «земельная собственность, имение» предпочтительнее предлагаемого «плоть, самость». При переводе «Препровождение надгробной сени соединениями, что от имени его (и) области под рукою его» получалось бы как будто очень стройное построение заключительной части предложения: частное имение, принадлежащее князю на правах собственности, противопоставалось бы государственной области, состоящей у него только в управлении, и противопоставлялись бы понятия одинаково земельного порядка — имение и область, а не такие внешне несоизмеримые вещи, как «плоть-самость» и область. Однако против подобного, на вид очень гладкого толкования говорит не только словоупотребление д.т в целом, как оно прослежено в этой работе, но и самое употребление его в противопоставлениях частного государственному. Ниже будет показано, что «дом д.т» как поставщик сельскохозяйственных благ противопоставляется «дому царя» как источнику преимущественно ценных масел и полотен, а как владельцу рабочей силы «дому д.т» противостоят царь и «местопребывание (царя)» (хнв), — т. е. двор/государство, — поставляющее «дому д.т» добавочных работников. Здесь д.т противостоят не земельные понятия, а царь и государство, противопоставление лежит не в плоскости землевладения, а в плоскости обладания вообще, в противопоставлении нет ничего поземельного, оно сводится к противоположности частного и государственного вообще. Исходя из сходного словоупотребления, нет потому никакой нужды вычитывать и в разбираемом случае что-то большее, чем обычное противопоставление частного государственному, и предложенный выше перевод представляется вполне оправданным. Можно еще заметить, что и противопоставляется в разбираемом предложении словам «д.т его» не просто «область его», что давало бы внешний повод для сопоставления их как одинаково земельных понятий, а «область под рукою его». Притяжательное местоимение, составляющее стержень противопоставления, придано не «области» — что только естественно, раз надо было оттенить управление, не владение князем областью, — а «руке», т. е. части княжеской плоти, подобно тому как и в случае д.т, если видеть в ней «плоть», оно тоже окажется приданным «плоти» князя. Получается даже довольно стройно: рабочие соединения, принадлежащие лично князю — его самости, «плоти», — и области, находящейся только «под рукою его». Противопоставление лежало бы тогда с внешней стороны в плоскости «плотных» представлений.

Заканчивая обзор д.т в определениях подневольных людей, можно назвать еще две поврежденные приписки к изображениям, включавшим в себя и изображения подневольных людей. Обе надписи помещаются в гробнице Мрр.в-к² (MM I XLVIII) и уцелели только в заключительных, почти тождественных частях: «[Смотр (того-то и того-то), доставляемого (такими-то людьми)], что от д.т его (следовательно: от плоти его, т. е.

собственными его), чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для него посредством того». В обеих надписях «что от» — мужского рода множественного числа; в одной надписи перед «что от» уцелел еще трижды повторенный для выражения множественного числа значок мужчины, так что не может быть никакого сомнения, что предшествовало какое-то обозначение людей, но спрашивается, какое? Приписка, ныне более короткая, в которой нет трехкратного значка мужчины, поясняет изображение вельможи, смотрящего на лов рыбы неводом и доставку улова и, может быть, еще на что-нибудь совсем иное, так как верх изображения не сохранился. С первого взгляда может показаться, что людьми, доставляющими потребное для заупокойной жертвы, и были рыбаки, несшие хозяину свой улов. Однако рыба не входила в состав заупокойной жертвы, ее нет ни на изображениях среди яств, предназначенных для усопшего, ни в перечнях желательных для него кушаний. Потому доставщиками заупокойных приношений должны были быть другие люди; вероятнее всего, что речь шла о «рабах двойника», т. е. заупокойных жрецах, помещавшихся тогда в верхней, ныне погибшей части изображения. Тех же «рабов двойника» надо восстановить, вероятно, и в уцелевшей немного полнее — с тройным значком мужчины — родственной приписке. Это тем вероятней, что здесь перед вельможей уцелели изображения не только женщин, представлявших селения и несших хозяину их произведения, но и мужчин с дарами, как две капли воды похожих на достоверных заупокойных жрецов, как они изображены в староегипетских гробницах. Приписки к изображениям доставки заупокойных приношений «рабами двойника» кончались в гробнице Мрр.в-к² точно так же, как обсуждаемые нами приписки (ММ I LXXXVIII; ММ II CVI A, CXX). Это хорошо согласуется с высказанными предположениями, хотя само по себе еще не доказывает их правильности, поскольку точно таким же образом у Мрр.в-к² кончается и приписка, где действующими лицами являются не заупокойные жрецы, а «властели, что от д.т его» (ММ I XXIII; см выше в подразделе о д.т в определениях служащих). Рассмотренные две поврежденные надписи Мрр.в-к² касаются, следовательно, наверное не подневольных людей, а «рабов двойника».

г. Определения к обозначениям скота

В еще большей мере, чем у подневольных людей, можно заранее ожидать встретиться с определением «собственный» для скота вельможи. И выражения с д.т действительно встречаются в таком применении. В гробнице Мрий читаем: «Смотр быков, мелкого рогатого скота (и) ослов, что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственных его), другом единственным Мрий» (А XII).

Рассказывая о своих добродетелях, областной князь Йбй говорит в поврежденной гробничной надписи, что делал что-то «с помощью упряжек (быков) (и) с помощью челяди, что от д.т (моего) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих)» (RTDG I XXIII = UAR 144); поскольку притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа надпись не выписывает, его можно также читать после «упряжек» и «челяди» или только после них, опустив после д.т. Сейчас же дальше упоминается глагол «пахать» или производное от него существительное, а непосредственно перед «упряжками» стоит м пр.т, к сожалению без сопроводительного знака после второго слова, но так и напрашивающееся на перевод «с помощью семян». Князь хвалился, что пахал что-то с помощью собственных быков и людей, и значение «собственный» для «что от д.т» было бы здесь особенно кстати, если он хотел подчеркнуть,

что обработал что-то своими средствами, а не управляемой им области. Что определение «что от д.т» относится не только к «челяди», после которой употреблено, но и к «упряжкам», видно по тому, что прилагательное принадлежности «что от» стоит в мужском роде множественного числа, а не в женском, согласуясь, тем самым, не с непосредственно предшествующею «челядью», которая женского рода, а с более отдаленным, но первым по порядку мужским словом «упряжки».

д. Определения к обозначениям земли

Если существовала частная собственность на землю или, по меньшей мере, частное владение ею, не будет неожиданностью встретить определение «собственный» после тех или иных обозначений земельных владений вельможи. Один случай такого употребления д.т представлен в гробнице областного князя Д^св, где над изображением дерганья льна на поле читаем: «вырывание [л]ьна на полях (?), что от д.т его (следовательно: от плоти его, т. е. собственных его): 78[9]1[5]» (RTDG II VI). Число имеет в виду, наверно, количество выдернутого льна (78[9]1[5] связок?). Как точно прочесть и передать слово, переведенное мною с вопросительным знаком как «поля», я не знаю. Оно написано тремя знаками, напоминающими положенные на бок и сильно вытянутые три знака колодца хм, хлебом т, передающим однозвучное с ним окончание женского рода, и знаком, как будто бы тождественным со знаком земли, употребленным в качестве сопроводительного знака и окрашенным в зеленый цвет. Навряд ли загадочное слово может значить что-нибудь другое, как засеянные льном поля. Определение «что от плоти его», т. е. собственные, могло быть особенно уместно в гробнице областного князя, если желательно было указать, что сбор льна производится на его полях, принадлежащих лично вельможе, а не только находящихся под его управлением как главы данной области (ср. в конце подраздела об определениях к подневольным людям «соединения, что от д.т его (и) области под рукою его»). Лен, собранный на государственных полях, подведомственных областному князю, не был его частным достоянием, но собранный на собственных полях вельможи поступал всецело в его личное пользование, а увековечению такого пользования навсегда и на том свете и должны были служить производственные изображения староегипетских гробниц.

е. Определения к обозначениям селений

Наиболее поучительной в данном отношении была бы надпись в гробнице областного князя Йбй, сохранилась она в лучшем виде и знаем мы лучше деловые выражения того времени. Она помещена под изображением женщин, представляющих селения и несущих хозяину произведения их. Ниже надписи изображен скот. Мне думается, что перевести ее надо так:

Изображенные вверху селения несут свои поставки «для [двойника] князя, властеля двора, друга единственного, того, что у главы царя, чтимого Йбй.

«Сотворил (я) это (т. е. эти селения) как городцы, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственные мои), на (месте?) чистом (т. е. никем не занятом) из (да)-будет-мир(и)-даст-царь (т. е. из царского заупокойного дара), данного (мне) величеством владыки (моего), [чтобы] сотворить (мн)е на[ш]ню --- [Населил (или сходный глагол) (я)?] эт[о] (т. е. селения) челядью, что от д.т (моей) (следовательно:

что от плоти (моей), т. е. собственной моей), наполнил (или — что будет не так гладко: причем полно было оно) быками, козами, ослами из сотвор[енного] (т. е. приобретенного?) [мышцею (моею) (?)], помимо вещь(ей) отца (моего), а я (был) властелем двора, что от дома шн^{св} (и) что от (т. е. в размере?) пашни 203 сот (сот = свыше 2700 кв. м), да[нных (ми)] величеством владыки (моего), чтоб укрепить (меня)» (RTDG I VII = UAR 144—145).

Поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение, при желании, можно читать также после «городцов» и «челяди» или даже только после них одних, опуская после д.т.

Смысл надписи, думается, примерно таков. Изображенные над нею, в лице своих представительниц, «городцы» должны вечно поставлять потребное для княжеских поминок, служить им обеспечением. Никто не смеет отнять их у князя, так как они — его неотъемлемое и законное достояние. Он создал их как свои собственные, не как государственные, — а последнее он тоже мог сделать, будучи областным князем, — на месте, до того никем не занятом, и в силу царского дарения. Населил он их тоже своими собственными, а не чужими или государственными, подневольными людьми и снабдил скотом, бывшим также его частным имуществом, благоприобретенным или доставшимся по наследству от отца. По тому, что в конце надписи князь вдруг припоминает свое управление казенным «двором», владевшим двумястами сот пахотной земли, данной князю в «подкрепление» царем, можно подумать, что земля, дарованная царем в обеспечение поминок, была выделена из этих земель. Частица ск, вводящая замечание об управлении «двором» и его землях, могла как раз присоединить подобное пояснение к основному сообщению. Мне кажется, что при предложенном понимании надписи наличие в ней «что от д.т» в смысле «собственный» было бы более чем оправданным.

Выражение м в^{сб} «в ч^сстоте» в начале надписи хорошо оттеняло бы значение «что от д.т» как «собственный». Слово того же корня в^{сб}, только с иным окончанием и женского рода (в^{сбв.т}), следует за «городцами, что от д.т» еще в одном случае, но на этот раз в составе не обстоятельственного выражения, а второго определения к «городцам». В ныне безымянной гробнице около пирамиды Шеф-рэ, в конце подробного завещания касательно заупокойных жрецов, уцелело начало статьи его, толковавшей о «городцах», выделенных в обеспечение поминальной службы, — к сожалению, одно начало, так как дальше до конца надпись совершенно разрушена:

«(Что) до городцов, что от д.т. (моей), что от чистоты (?), с [ко]их (будут) жречествовать - - -» (UAR 15 = IHCE I = TIA V 1212 = RTRPÆA XXIX 90 = DARMK I 113 = XXVIII).

Поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение можно читать также после «городцов» и даже только после них одних.

Употребленный здесь глагол «жречествовать», дословно «чистительствовать», «быть жрецом чистителем» (в^{сб}), — одного корня с последующим «чистота» (? , в^{сбв.т}). Слова стоят непосредственно рядом, и было бы, на первый взгляд, только естественным, если бы и значения их были однородными. Второе слово несомненно значит «жречествовать». Не будет ли первое в таком случае отглагольным существительным «жречествование» — «жреческая служба»? Перевод выглядел бы тогда так: «(что) до городцов, что от д.т. (моей), что от жреческой службы (т. е. предназначены для содержания жрецов), с [ко]их будут жречествовать - - -». При таком понимании смущает, однако, бессодержательность повторе-

ния подряд одного и того же определения с помощью слов одного и того же корня: предназначенные для жреческой службы и те, с коих будут нести жреческую службу, по существу дела ведь одно и то же. Поэтому ближе к действительному смыслу первого слова будет все-таки не «жреческая служба», а «чистота», в смысле местонахождения на чистом, не занятом месте или беспспорности владения.

В таком случае «чистота» и здесь оттеняла бы предполагаемое значение «что от д.т.», но только не она обусловила приращение «городцам» этого определения, так как на протяжении всей предшествующей и притом весьма пространной части завещания д.т многократно прилагается как определение к заупокойным жрецам и гробнице вельможи (см. подразделы о д.т в определениях к служащим и постройкам). Поскольку в данном месте речь шла о городцах, с коих должна была нестись жреческая служба по умершим, употребление здесь «что от д.т» для определения этих городцов только продолжало словоупотребление предыдущих статей завещания, касавшихся того же самого предмета — заупокойных жрецов и их обеспечения.

Если К. Зэте прав в своем восстановлении начала одной из предшествующих статей завещания, там тоже упоминались «городцы» с определением «что от д.т»:

«[Что] до городцов, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих), данных (мн)е царем, чтобы был (я) в чести, которые сохранены (т. е. освобождены от государственных повинностей) для возглашения (т. е. заупокойной жертвы) (моего) против (т. е. согласно) перечня --- д.т (= вечно?), чтобы возглашалась (т. е. приносилась заупокойная жертва) для (меня) с (них) в гробнице д.т (моей), которая на (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), на (месте пирамиды) [Велик]-Шеф-рэ --- [пашню, люд,] вещь всякую, сотворенные (мною) им (т. е. заупокойным жрецам)» (UAR 14—15 = IHCE I = TIA V 1212 = RTRPAAE XXIX 89 = DARMK I 113 = XXVIII).

В примечании к своему изданию К. Зэте готов допустить в начале вместо множественного числа «городцы» единственное «городец» ввиду определено женского окончания у хв.т(й) «сохранена / сохранены» — «городец» нв.т женского рода; но как бы рано ни стало выходить из употребления женское окончание т(й) в 3-м лице множественного числа, полностью оно не отмерло еще в Старом царстве, и потому, глядя на множественное число «городцы, что от д.т (моей)» в конце завещания, хочется и здесь восстанавливать то же; вместо слова «городец» можно бы восстановить также «двор» (хв.т) или — если бы хватило места — «двор двойника» (хв.т-к²), часто упоминающиеся в гробницах, наряду с городцами, как разновидности вельможных владений; однако «городцы» куда привычнее этих «дворов» и к тому же названы в конце завещания; придумать же еще что-нибудь как будто невозможно.

Читая об обелении («сохранении») от повинностей заупокойных владений вельможи, можно подумать, что здесь кроется ключ к пониманию «чистоты» городцов в выше рассмотренных надписях. Однако если бы «чистота» сводилась к свободе от повинностей, как бы могло случиться, что в точном правовом памятнике в одной статье такая свобода обозначалась строго правовым выражением «быть сохраннным», а в другом — словом «чистота»? Достаточно пробежать завещание, чтобы убедиться, что боязнь повторения составитель как человек, искушенный в правовых делах, не страдал ни в малейшей степени, и потому «сохранность» и «чистота» должны быть разными вещами. Предложенное выше понимание «чистоты» как местонахождения на чистом, неза-

нятом месте или бесспорности владения выигрывает, следовательно, в отношении правдоподобности.

В гробнице Сшм-нфр «что от д.т» служит определением одновременно «городцам» и полностью заупокойному виду владений: «дворам двойника».

«Доставка возглашения (т. е. заупокойной жертвы) всякого доброго городцами (и) дворами двойника, что от д.т (следовательно: что от плоти, т. е. собственными)» (MAE 398).

Отсутствие какого-либо притяжательного местоимения будет не столь заметным, если «что от д.т» значило «собственный» и тем самым служило ему заместителем.

Много для уяснения подлинного смысла д.т могла бы дать приписка к изображениям в гробнице Пхн-в(й)-к², если б только можно было положиться на точность столетнего издания и добросовестность древнего писца. В том виде, как приписка издана, она может быть понята только так:

«Доставка приветствия (т. е. приветственного приношения) городцами его, что от того, что от д.т его, которые в Низовье (и) Верховье, что от дома д.т» (DAA II XLVI).

При всей своей краткости надпись вызывает не один недоуменный вопрос. Первое затруднение — буква «н» между нд(.т)-хр «приветствие» и нв.вт.ф. «городцы его» — несущественно и разрешается просто. «Приветствие» — слово женского рода, мужской разновидности неизвестно; потому последующему слову, буде оно было прилагательным принадлежности «что от», надо было бы быть соответственно тоже женским, а не мужским: н(й).т, а не н(й). Поскольку женское окончание опущено (изданием?) в самом нд(.т)-хр, не было бы ничего особенного, если бы оно было пропущено и после воды н. Однако думается, что дополнить надо не хлеб т после воды н, а тростник й перед нм, чтобы получился тем самым предлог йн «со стороны», вводящий действующее лицо после неопределенного наклонения и страдательного залога. Первое налицо в данной надписи, и староегипетские гробницы постоянно говорят о «доставке» или «доставляемом» «со стороны (йн) городцов». Можно даже вовсе ничего не восстанавливать, так как и одна вода н (предлог «н» или неполно выписанное йн) имело подчас силу йн «со стороны».

Много существеннее и сложнее второе затруднение, с которым неразрывно связано третье. Второго затруднения не было бы вовсе, если бы между «городцами его» и «д.т его» было одно, а не два н(й).т «что от». Тогда все было бы совсем так, как обыкновенно писалось в староегипетских надписях: то или иное существительное + прилагательное принадлежности + д.т с притяжательным местоимением. Так же надо или объявить второе «что от» ошибкою — издания или древнего писца, — или же соединить его с последующим д.т в одно выражение. Получилось бы н(й).т д.т «то, что от д.т». Невозможного в таком образовании ничего нет, — и, как будет видно ниже, разновидность мужского рода н(й) д.т была известна Старому царству. Для н(й).т д.т можно предположить два значения. Во-первых, «то, что от д.т», иначе «то, что от плоти», т. е. «собственное», могло бы обозначать совокупность собственных людей вельмож, его челядь. «Городцы» воспринимались не как простая совокупность зданий и земельной площади, а как населенные, живые величины, как собирательные личности (ср. олицетворение их на изображениях в виде мужчин или женщин сообразно роду их названий и введение в надписях «городцов» как действующих лиц после неопределенного наклонения или страдательного залога посредством

предлога йн «со стороны» — делание или делаемое «со стороны городцов», — что возможно только, когда действуют живые существа). Сказать «городцы его (т. е. население в городцах), что от собственного люда его» было бы, пожалуй, возможно. Но только это не может быть правильным решением, потому что обозначением собственных людей было, как будет видно из дальнейшего, простое д.т или н-д.т; нй.т д.т нигде не засвидетельствовано. Вторая возможность объяснить н(й).т д.т сводилась бы к предположению, что в нем мы имеем иначе не засвидетельствованное, но и не опровергаемое существованием соответственных выражений обозначение «собственности». «Городцы его, что от собственности его» звучало бы не так уж плохо. Однако то же самое передавало обычное «что от д.т», и неизвестно, зачем надо было вместо него придумывать громоздкое «что от того, что от д.т»? Потому я думаю, что здесь налицо не единственный пример иначе неизвестного слова «собственность», а простая небрежность издания или древнего писца, и читать надо только одно н(й).т: «городцы, что от д.т его», следовательно «городцы, что от плоти его», т. е. собственные его.

Такое чтение будет вполне в духе староегипетских надписей, но тут возникает третье по счету затруднение: как примирить это место с концом надписи? Если здесь уже сказано, что «городцы» принадлежат к д.т, т. е. являются собственными, зачем понадобилось повторять это там, прилагая к ним сходное определение — «что от дома д.т» (что это определение к «городцам», а не к «Низовью (и) Верховью», явствует как из невозможности для последних принадлежать дому д.т, так и из женского рода н(й).т «что от»). Затруднение было бы значительно облегчено, если бы было возможно вычитывать после «городцов его» «что от собственного люда его», так как собственный люд и собственный дом, собственное хозяйство — достаточно различные понятия, но только такое чтение, как сказано, совершенно неправдоподобно. Остается потому и тут предположить ненужное повторение писцом одной и той же мысли («что от д.т его» и «что от дома д.т»), и это сделать нетрудно, если за счет его отнести и ненужное повторение после «городцов» прилагательного принадлежности.

ж. Определения к обозначениям построек

В предпоследнем примере определение «что от д.т» прилагалось, в частности, ко «дворам двойника», но там это был определенный, именно чисто заупокойный род владений, как следует и из упоминания вместе с городцами, и из поставки теми и другими потребного для заупокойной жертвы. Иного рода «дворам двойника» (хв.т-к³) посвящен указ одного из царей конца Старого царства на имя верховного сановника или правителя, так называемого «везира», Шм³й. «Дворы двойника», в которых царь хочет обеспечить поминальную службу по сановнику, — это личные заупокойные каплицы его внутри городского храма Мина в Кебто.

«Хор, божественный душами —

«Указ царя отцу бога (т. е. радетелю цареву) возлюбленному, князю, распорядителю города (при пирамиде, т. е. градоначальнику столицы), вратарнику-судье (т. е. верховному судье, судившему некогда у правительственных врат), правителю, распорядителю писцов грамоты царевой, распорядителю рабов бога (т. е. жрецов), жрецу (такому-то) Мина Шм³й.

«Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставителей рабов двойника (т. е. надзирателей за заупокойными жрецами) во двор двой-

ника --- (пробел, возможно, умышленный, вследствие истребления ошибочно повторенного «что от д.т твоей», как допускает К. Зэте), что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственный твой; «что от» согласовано в роде с «двором двойника»), чтобы жречествовать тебе, чтобы читать(?) тебе месяц один.

«Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставителей рабов двойника во двор двойника, что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственный твой), который во дворе бога (т. е. во храме) Мина Кебто.

«Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставителей рабов двойника во двор двойника верхний, что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственный твой).

«Приказало величество (мое) набрать тебе 10 наставителей рабов двойника, чтобы творить тебе вещь (т. е. совершать тебе жертвоприношение) в (течение?) года ---.

«Приказало величество (мое) набрать 10 наставителей рабов двойника жене [твоей], дочери царя старшей, красе царя единственной, Нб. т, чтобы жречествовать для [нее], чтобы читать? для нее месяц один в. . . --- во дворе двойника, чт[о] от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственном твоём)].

«Приказало величество (мое) набрать [(столько-то)] наставителей рабов двойника--- из челяди, что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственной твоей) набр--- семьи в области двух соколов (т. е. в области Кебто)---, что от д.т твоей.

«А после--- в (или: согласно?) то, что под печатью (т. е. запечатанную грамоту)---.

«Было дано прийти [д]ру(зьям) [единственн(ым) Хмй (и)Йн-(й)т.ф по поводу этого].

«Запечатано ó-бок царя самого (т. е. в личном присутствии царя) месяца 2-го [Выхожденья числа 20-го]» (UAR 302—203).

«Двор двойника, что от заупокойного имени твоего» или «от земельной собственности твоей» звучало бы определенно неестественно применительно к поминальным каплицам внутри городского храма и на храмовой земле. Наоборот, при предлагаемом понимании д.т все выходит гладко и просто: речь идет о собственных—частных—личных каплицах нельможи, и обозначить их так было особенно уместно, поскольку они были расположены внутри городского храма, на храмовой, а не на своей земле.

Особенно часты случаи употребления д.т с предшествующим прилагательным принадлежности или без него как определения к слову йз «гробница». Первое, правда, что приходит на ум, когда видишь такие сочетания, как «гробница д.т» или «гробница, что от д.т», — это слово д.т «вечность», и хочется видеть здесь именно его и соответственно переводить «гробница вечности», «гробница, что от вечности», так как «гробница вечная» дает очень хороший смысл. Однако в действительности д.т в этих сочетаниях совсем не «вечность», а то самое слово, разгадкой которого мы занимаемся. Что это действительно так, со всею желательной достоверностью доказывается двумя тождественными надписями в совместной гробнице заведующего пением при царском дворе Н(й)-м^с.т- и «красы царя единственной, возлюбленной его, распорядительницы затвора (т. е. женского дома) царя, распорядительницы развлечения сердца (царева же) Нфр.с-рс». В обеих надписях читаем:

«Это брат ее д.т, распорядитель пения дома большого (дворца), Н(й)-м^с.т-р^с — сотворивший ей гробницу эту д.т ее (следовательно: плоти ее, т. е. собственную ее), когда (была) она в местонахождении (двора)

в женском доме царя, в сени (т. е. в силу) бытия в чести ее доброго у царя повседневно» (EG II 205, LXXVIII 2 и 3).

йз пн (н?) д.т.с не может быть, конечно, передано как «гробница эта (что от?) вечности ее», так как притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа женского рода, заменяющее здесь имя главной певички фараона, никак не может служить определением к слову «вечность». Также исключено и понимание д.т как трупа умершей («гробница эта плоти ее»), потому что д.т — мало подходящее слово для мертвого тела и, главное, во всех известных мне примерах «гробницы д.т» последнее неизменно пишется со знаком земли, что было бы явно невозможно, означай оно здесь непосредственно вещественную плоть, — последняя с землею почти никогда не пишется (см. выше в разделе о словоупотреблении пирамид). Таким образом, д.т как определение гробницы может быть в староегипетских надписях только общественно осмысленным д.т.

Предлагаемое понимание последнего в определениях как равнозначущего понятию «собственный» прекрасно подходит к надписи Н(й)-м^с.т-р^с. В совместной гробнице царской певичке отведена была отнюдь не одна подземная могила, как то часто делалось в староегипетских гробницах, когда второстепенные домочадцы не получали своей доли в надземном сооружении: певичка получила свою собственную надземную часовню с изображениями и надписями и местом для совершения поминок — или, выражаясь языком Н(й)-м^с.т-р^с, собственную свою гробницу. Обе надписи начертаны около изображений почившей, в этой лично ей посвященной части гробницы, и на таком месте «гробница эта, (что от) плоти ее», т. е. лично ее, собственная или отдельная ее, звучало бы особенно выразительно.

Итак, благодаря Н(й)-м^с.т-р^с несомненно, что в сочетании «гробница (что от) д.т» последнее слово — не «вечность», а занимающее нас выражение. Установив это, мы можем обратиться к рассмотрению прочих примеров данного сочетания, так как сами они были бы недостаточны для правильного опознания их д.т. Собранные почти все в речах, достоверно или наверно составленных в 1-м лице единственного числа, эти примеры не содержат выписанного притяжательного местоимения, поскольку 1-е лицо его единственного числа в Старом царстве обыкновенно не писалось. Ниже, при переводе данных примеров, притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа проставлено после д.т на основании надписи Н(й)-м^с.т-р^с.

Чаще всего сочетание «гробница (что от) д.т» встречается в речах умершего, доказывающих его законное право на усыпальницу и позволяющих доступ в нее только с благожелательной целью и с должным уважением к хозяину. Не надо доказывать, что в подобной связи предлагаемое понимание определений с д.т как «собственный» и соответственно «гробницы (что от) д.т» как «гробницы собственной» оказывается особенно уместным.

В гробнице Рмнв-к² хозяин ее говорит: «(Что) до гробницы этой, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственной моей), сотворил (я) ее под сенью (т. е. в силу) бытия в чести (моего) доброго у людей (н) у бога» (EG II 173 = LXI 2).

То же говорит известный нам уже Н(й)-м^с.т-р^с в своей части воздвигнутой им гробницы: «(Что) до гробницы, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственной моей), сотворил (я) ее под сенью (т. е. в силу) [бытия в чести (моего) у ---]» (EG II, между 220 и 221).

В другом месте гробницы Н(й)-м^с.т-р^с говорит: «[Любимый царем это заклинитель, что придет в гробницу эту д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственную мою), чтобы творить вещь (т. е. службу) против (т. е. согласно) писания того тайного, что от мастерства заклинателя, чита[ть?] для (меня)--»; и еще: «---, что не войдет в гробницу эту д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственную мою) в нечистоте своей, будет он---» (EG II 213 = LXXXI I; речь в 1-м лице).

Н(й)-м^с.т-р^с вторит в своей гробнице Хтп-н(й)-птх: «[Любимый царя (и) Анупа это] заклинитель, что придет в гробницу эту, что от д.т, чтобы творить вещь (т. е. службу) против (т. е. согласно) [писания того, что от мастерства] заклинателя» (DAA II LXXII b = UAR 187).

В гробнице Мрр.в-к^с читаем: «--- Сказываю (я) это против посторонних (??) всяких, что войдут в гробницу эту д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственную мою) [будь то (?)]--- будь то (?) друзья единственные, честные у царя» (MM II CCXII A = CCXIII B = UAR 88; речь в 1-м лице).

В гробнице Мх-в(й)-^сх.т(й) значилось: «Любимый царем это, любимый Анупом это, владыкою кладбища, кто не войдет в гробницу эту, что от д.т (моей), в нечистоте своей» (MIO I 328; речь в 1-м лице).

«--- [(какие-то люди)] все внутри гробницы этой, что от д.т (моей)» и «--- гробница эта, что от д.т (моей)» (TT I X = GT IX = UAR 174), — говорится в гробнице Тйй, вероятно, в 1-м же лице.

Сочетание «гробница (что от) д.т» встречается несколько раз в «завещаниях», составленных, естественно, от имени завещателя в 1-м лице.

Постранное «завещание» касательно заупокойных жрецов в безымянной гробнице у пирамиды Шеф-рэ трижды обозначает таким образом гробницу завещателя:

«Не даю (я) быть властными [детям (моим), братьям (моим)], сестрам (моим), отпрыскам (моим) всем, наставителям рабов двойника (т. е. заупокойных жрецов), приставам рабов двойника, [рабам двойника (моим) всем в пашне], люде, вещи всяких, сотворенных (мною) им (т. е. заупокойным жрецам), чтоб возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для (меня) с помощью (их), в работнике п[х, работнице их, в] братьях их, сестрах их, сверх возглашения (т. е. принесения заупокойной жертвы) [для (меня) с помощью (их) на (месте), что под богом (т. е. кладбище у подножия царской пирамиды), в] гробнице д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственной моей), которая в(близу пирамиды) „Велик Шеф-рэ“ против доли(?) от пашни, люда, [вещи всяких, сотворенных (мною) для них, чтобы возглашать для (меня)] с помощью (их)» (UAR 11—12 = IHCE I = TIA V 1210 = RTRPAAE XXIX 77 + 79 = DARMK I 113 = XXVIII). «... чтобы возглашать для (меня) с помощью (того) на (месте), что под богом, в гробнице д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственной моей), которая в(близу пирамиды) „[Велик] Ше[ф]-рэ“» (UAR 14 = IHCE I = TIA V 1212 = RTRPAAE XXIX 86 = DARMK I 113 = XXVIII).

«[(Что) до городц(ов?)], что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих), данных (мне) царем, чтобы был (я) в чести, котор(ые?) сохранены (т. е. освобождены от государственных повинностей) для возглашения (т. е. принесения заупокойной жертвы) (моего) против (т. е. согласно) перечня-- д.т (т. е. кто-то от д.т моей?), (имеющие?) возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) (мне) с (них) в гробнице д.т (моей), которая в (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), в(близу пирамиды) „[Велик] Шеф-рэ“--- [пашня, люд], вещь всякие, сотворенные (мною) для

них (т. е. заупокойных жрецов)» (UAR 14—15 = IHSE I = TIA V 1212 = RTRPAEA XXIX 89 = DARMK I 113 = XXVIII).

Определение гробницы как собственной хорошо выжется с ограничительно собственническим содержанием завещания: установления, учрежденные завещателем, не могут быть использованы ни для чего иного, как только для обеспечения службы в собственной его гробнице.

Сказанное приложимо к употреблению занимающего нас оборота и в другом, много более кратко «завещании» касательно заупокойного жречества. В гробнице Пн-мр.в хозяин ее говорит в своем завещании:

«(Что) до брата д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственного моего: см. выше подраздел о д.т в определениях родственников) Нфр-хтп с детьми его, что от отца (и) матери, они рабы двойника (т. е. заупокойные жрецы) д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственные мои) в гробнице д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственной моей), что (на месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя) „Небосклон(ный житель?) Шуфе (Хеопс)“; будут доставлять они (мне) передачу (жертвенную, т. е. приношения, переходящие по использованию от более высокопоставленного лица к менее высокопоставленному), что от государя (моего) вратарника-судьи (т. е. верховного судьи, творившего некогда суд у правительственных врат), правителя (так называемого «везира») Сшм-нфр.

«(Что) д[о] пашни 1 х² (мера, равная $\frac{1}{3}$ сот? 1 сот = свыше 2700 кв. м),

данного (мною) [ему] с детьми его этими, не даю (я) быть властными людям всем в нем с детьми его этими. Не даю (я) быть властну сыну (моему) всякому в (том) с детьми (моими) всеми» (ASAE XLII 39 = 42—44).

В иной связи и в завещании иного рода «гробница, что от д.т» является в гробнице Вп-м-нфр.т. Здесь завещатель говорит:

«Дал (я) сыну (моему) старшему заклинателю Ибий д.т (см. ниже, в разделе о самостоятельном употреблении д.т) могилу северную с каморью северную, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которая в гробнице, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственной моей), что от (места), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя), (да) будет погребен он в ней (т. е. гробнице) (и да) возглашается (т. е. приносится заупокойная жертва) постоянно для него там. Состоящий в чести (у меня) это (т. е. он). Не имеет права брат (мой) всякий на то, жена (моя) всякая, дети (мои) все на то, кроме сына (моего) старшего заклинателя Ибий, коему дал (я)» (EG II между 190 и 191).

Определение здесь гробницы как собственной было вдвойне уместно. Во-первых, это подсказывалось самим существом дара: предоставлением другому места в собственной гробнице. Во-вторых, определением гробницы как собственной подчеркивалось полное право завещателя распоряжаться ею по своему усмотрению и позволять погребение в ней только тому, кому он сам пожелает.

Во всех приведенных после Н(й)-м^{2с}.т-р^с примерах речь велась достоверно или — в одном случае — наверно в 1-м лице единственного числа. Поэтому, помимо особых в каждом случае поводов для определения гробницы как собственной, могла быть и одна общая тому причина — необходимость выразить письменно принадлежность гробницы говорящему, поскольку притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа этими надписями не выписывалось.

Это побуждение, однако, наверно не повинно в снабжении гробницы определением д.т в нижеследующем примере, потому что, по всей видимости, там не может быть речи о 1-м лице. В отличие от всех пре-

дыдущих примеров — включая Н(й)-м^с.т-р^с, — в этом примере мы имеем, по-видимому, достоверный случай изучаемого сочетания без какого-либо притяжательного местоимения. Над входом в гробницу К²(.й)-хр-птх написано:

«(Да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Ануи, предстоятель храмины бога, чтобы был погребен он в пустыне западной, состарившись добре весьма, (и) чтобы возглашалось (т. е. приносилась заупокойная жертва) ему в (день), отвзрающий год (т. е. в Новый год), Тховтов (праздник), праздник (всякий) (и) повседневно — тот, что (имеет отношение) к вещи царя, старейшина чертога К²(.й)-хр-птх, сын его, тот, кто (имеет отношение) к вещи царя, старейшина чертога Мр.в-к²; гробница д.т (следовательно: гробница плоти, т. е. собственная)» (G IX 78).

Надпись состоит из четырех частей: заупокойного заклинания, титла умершего, титла его сына и приписки: «гробница д.т». Как известно по несчетному количеству примеров, заупокойное заклинание и титло умершего, присоединенное безо всякого предлога, составляют в Старом царстве одно целое: заклинание на имя такого-то. Добавлению без каких-либо вводящих замечаний титла родственника, — возможно, создателя гробницы, — тоже не приходится удивляться, так как это бывает и в других гробницах, правда, довольно редко. Зато заключительная приписка способна вызвать недоумение, так как непонятно, какая у нее связь с предшествующими частями. Если бы «гробница д.т» должна была указывать место погребения или заупокойного жертвоприношения, желаемых в заклинании, то было бы прежде всего совсем странно, почему эта гробница не была названа в самом заклинании, а очутилась бессмысленным образом на самом конце, после двух титлов. К тому же место погребения нашло отражение в заклинании в виде «пустыни западной». Имеется, однако, нечто похожее на наш случай в гробнице Р^с-вр(VZGPG 12), где надпись, также снаружи гробницы, — содержащая, правда, только титло без предшествующего заклинания, — кончается тоже обозначением гробницы, точнее части ее, где были замурованы изваяния умершего (хв.т-к²«двор двойника»). Надпись помещалась на лицевой стороне гробницы, над тем местом, где были замурованы изваяния, и потому несомненно, что «двор двойника» было надписанием данной части гробницы, а предшествующее титло — указанием на владельца: «двор двойника» такого-то сановника. Я думаю, что не иначе обстоит дело и с надписью К²(.й)-хр-птх. Помещенные после титла отца и сына заключительные слова «гробница д.т» могли служить надписанием всей гробницы, над входом в которую они стояли. Титло отца, замыкавшее заупокойное заклинание, — а может быть, также титло сына — строителя (?) гробницы, — служило бы тогда одновременно и указанием на владельца, что оно и без того уже делало, высеченное на самом видном месте на лицевой стороне сооружения. Смысл надписи можно было бы передать так: пусть будут предоставлены такие-то и такие-то посмертные блага такому-то сановнику, чей сын — создатель памятника (?) — такой-то, чья собственная гробница — та самая постройка, перед которую стоит читающий. При таком понимании добавление к «гробнице» определения д.т в смысле «собственная» было бы не только понятно, но положительно необходимо: титло воспринималось как заключение заупокойного заклинания, а не как своего рода предпосланное «гробнице» определение, как то имело место у Р^с-вр, и потому нельзя было написать просто «гробница», а надо было указать, что названного лица, и это могло быть достигнуто определением «собственная». Тем самым д.т снова оказывается на положении заместителя притяжа-

тельного местоимения. Одновременно «гробница собственная» могло также подчеркивать законное и безусловное право умершего на данное сооружение, в предупреждение каких бы то ни было посягательств на него со стороны. Последнее приложимо и к «гробнице этой, что от д.т», сотворенной «за хлеб (и) пиво» Мх-в(й)-²х.т(й) (МЮ I 328).

Заметим теперь, что ни в одном из разобранных примеров определения «гробницы» посредством д.т это слово никак не могло значить «именно» или «земельная собственность», так как могила на царском кладбище, за тридевять земель от именных вельможи, никоим образом не могла входить в их состав, а говорить о собственной земле в пустыне, где было расположено кладбище, можно было разве лишь для смеха, неприличного на таком месте. Совершенно ясно, что речь шла о собственности не на землю, а на гробничное сооружение.

Наше д.т, означающее — по широко распространенному мнению — имение, выделенное на помин души, могло преспокойно служить определенным и к жилым домам. Около пирамиды одной из цариц VI царского дома Вдбти были откопаны остатки жилищ занятых в ее заупокойном храме должностных лиц. На притолоке над входом в одно из жилищ читаем титло хозяйки этих мест: «(Пирамида) „Устойчив (и) жив Нефр-ке-рэ“. Повелительница, жена царя, возлюбленная его, великая ... Вдбти» (РО 22 = UAR 272). На левом косяке в надписи к мужскому изображению читаем: «д.т ее (об этом д.т см. ниже, в разделе о самостоятельном употреблении д.т), наставитель рабов бога (т. е. жрецов), кто над вещами бога ... кто в чести у госпожи своей, Хм-снх, имя его доброе (т. е. дружеское обозначение) Хмй». Позади мужчины — изображение его сына меньшего размера, надписанное: «Сын его, возлюбленный его, наставитель жрецов Йкрй».

Под обоими изображениями строка надписи: «Жилище (рв.т), что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственное его)».

Сходным образом отделан и правый косяк. Изображение стоящего мужчины надписано так: «Наставитель рабов бога (т. е. жрецов), друг (придворный чин), распорядитель дома Йхй, Сын сына его, наставитель рабов бога ... писец череды, Сснх-н-птх».

Меньшее изображение позади пояснено надписью: «Брат его, наставитель рабов бога Хмй».

Строка под обоими изображениями гласит: «Жилище (рв.т), что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственное его)».

В проходе еще раз назван сын: «Наставитель рабов бога (т. е. жрецов), писец череды, кто в чести у Птаха Йкрй».

Что все или почти все названные в этих надписях лица, приходившиеся сродни друг другу, служили в одном и том же заупокойном храме, видно не только из расположения их жилищ по соседству с ним, но и из остатков учредительной его грамоты от 33 года [Нефр-ке-рэ Пйопе II], где Йкрй, [Хмй] и [Сснх]-н-[птх] были названы по имени (UAR 274 = РО 18).

Подобным же образом отделан был вход к другому жилищу, только притолока и правый косяк здесь не уделели. К мужскому изображению относилась надпись:

«-- [кто в] чести Рвд, сын его старший, возлюбленный его, писец череды Йкрй».

Два женских изображения меньших размеров, позади мужского, надписаны: «Раб(ыня) божья (т. е. жрица) Хатхор Қис.т.т» и «Раб(ыня) божья Хатхор Ндн».

Под этими тремя изображениями тянется надпись: «Жилище (рв.т), что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственное его)».

Так же, несомненно, отделан был и третий вход, от которого уцелели на притолоке конец имени царицы [Вдбт]н с ее изображением, начало надписи на левом косяке («д.т ее ---»), а на правом — надписи к мужским изображениям: переднему, побольше, и заднему, поменьше («[Наставитель рабов бога (т. е. жрецов)], друг (царев), распорядитель дома шн^{св}, кто в чести у госпожи своей Имний» и «Сын его, старший, распорядитель дома, кто в чести Хив»); однако строка внизу («[жилище, что от д.т его]») не сохранилась — отбита (РО 24 = UAR 273).

Надписи эти очень поучительны. Перед нами жреческий поселок при заупокойном храме царицы. Над входами в жилища неизменно стоит титул «высокой» владелицы этих мест, и ее же именуют «госпожой своею» проживающие здесь должностные лица. Эти последние называют себя и своих близких на косяках дверей и обозначают дома как «жилища, что от д.т» их, но можно усумниться, что эти постройки могли быть частною собственностью служащих: упоминание на одном входе по меньшей мере двух жилищ, — одного на левом, другого на правом косяке, — доказывает, что эти двери вели не в обособленные домики, построенные владельцами для себя и по собственному усмотрению, а в общие места обитания, выстроенные однообразно из расчета на два семейства. Тем самым правильное будет говорить не о собственных домах, а об общежитии, разбитом на обособленные жилища. В приложении к ним определение «что от д.т» значило «собственный», наверно, не в правовом, а в бытовом или потребительском смысле («жилище собственное» = «жилище личное, частное, находящееся в пользовании данного лица»). Не приходится говорить, насколько неуместен был бы обычный перевод д.т как «заупокойное имяние», «поместье», «земельная собственность» в приложении к данным надписям. Поистине, какой смысл могли иметь обозначения казенных жилищ при заупокойном храме среди пустыни как принадлежащих к заупокойным именьям, поместьям или земельной собственности проживающих в них должностных лиц?

Надписания жилищ у пирамиды Вдбтн важны для нас еще в одном отношении: они с полной очевидностью подтверждают правильность предложенного выше толкования надписи над входом в гробницу K²(.й)-хр-птх.

Сходство по построению и составу между заключительными частями гробничной надписи и жилищными надписями бросается в глаза. Там — титул хозяина, титул его сына, обозначение здания, на котором высечена надпись: «гробница д.т». Здесь — титул хозяина, титул его сына, обозначение здания, на котором начертана надпись: «жилище, что от д.т его». Не подлежит поэтому никакому сомнению, что «гробница д.т» после титула K²(.й)-хр-птх есть надписание его гробницы. Употребление тут и там определения с д.т не может быть случайностью и лишний раз доказывает, что в сочетании «гробница д.т» второе слово не «вечность», а наше д.т. И тут и там определения с д.т указывают на уже названных лиц и тем самым заменяют притяжательное местоимение после обозначений построек (такой-то, «гробница собственная»; такой-то, «жилище собственное его»). Но надписания жилищ доказывают одновременно, что д.т и на гробнице должно значить больше, чем простое притяжательное местоимение, поскольку последнее налицо в жилищах и тем не менее они имеют перед ним еще д.т.

Последовательно было бы включить в наш обзор д.т в определениях построек также сочетание «дом, (что от) д.т», однако по соображениям удобства, а также более отвлеченным, целесообразнее выделить разбор этого выражения в самостоятельный раздел. Во-первых, количество примеров этого сочетания настолько велико, что значительно превосходит

число всех остальных известных случаев употребления д.т. Во-вторых, «дом д.т» было настолько распространенным сочетанием, что во многих случаях оно стало прямым и даже много более удачливым соперником простого д.т, так как д.т и «дом д.т» бывали часто равнозначными выражениями.

3. Определение к обозначению имущества вообще

В своем гробничном жизнеописании областной князь Мрий-р^с-нфр хвалится, в частности, своими благодеяниями, оказанными неимущему населению области:

«Давал (я) хлеб голодному, одежду нагому, какого (только) находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома д.т (моей) (следовательно: из дома плоти (моей), т. е. собственного моего) голодному, коего (только) находил в области этой. (Что) до мужа всякого, коего находил (я) в области этой (с) зерною ссудю другого за ним, (то) я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственного моего). Я — погребавший человека всякого области этой, у коего не было сына, в одеянии из имущества д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственного моего)» (UAR 254—255 = ASAE XVII 136; поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение можно читать не только после д.т, но и после «дома» и «имущества» — «дом (мой) д.т (моей)», «имущество (мое) д.т (моей)» — или даже только после них одних: «дом (мой) д.т», «имущество (мое) д.т»).

Передача определения д.т как «собственный» как нельзя лучше подходит к этой надписи. Говорящий в ней вельможа был областным князем и как таковой управлял и располагал государственным имуществом; кроме того, он состоял «распорядителем ячменя верхового». Потому тоекратное замечание, что свои благодеяния князь оказывал за счет своего «дома д.т» или «имущества д.т», было здесь глубоко осмыслено: князь-де благодетельствовал не за счет государства, что было для него возможно, но не так похвально, а за свой личный счет, не из государственного областного, а из своего собственного, частного хозяйства или имущества. Не в меньшей, если только не в большей степени примечательно и противопоставление «дома д.т» «имуществу д.т». Как будет видно из дальнейшего, «дом д.т» обозначал не только личный жилой дом сановника, но и все его частное хозяйство в целом; в гробничных надписях последнее значение является обычным, первое — сравнительно редким. Голодному князь отмеривал не государственный «ячмень верховый», распорядителем которого он состоял, а «ячмень верховый» из дома собственного своего, из частного своего хозяйства. Также и зерновые ссуды, числившиеся за неоплатными должниками, он погашал не из государственных житниц, а из дома собственного своего, из своего личного хозяйства. Выдавать зерно было естественно из своего дома, из своего хозяйства; запасы зерна должны были иметься там у князя постоянно и в большом количестве, были, так сказать, неотъемлемой частью хозяйства.

Иное дело — «одеяние» для погребения бедных. Нельзя же было, в самом деле, сказать: я погребал всякого жителя этой области, у которого не оказывалось сына, в пеленах из моего собственного дома или хозяйства. Княжеский дом и его хозяйство не были заведением по похоронной части. Потому вместо «из дома собственного моего» уместно было поставить здесь «из имущества собственного моего». То, что над-

пись использует д.т как определение к «имуществу», может служить лишним доводом против объяснения д.т в смысле «имение» или «земельная собственность». «Из имущества имени моего — или, еще того хуже, «из имущества земельной собственности моей» — звучит применительно к пеленам по меньшей мере нескладно.

и. Сомнительное определение к обозначению заупокойной жертвы

В гробнице Тий в конце длинной речи умершего, составленной в 1-м лице от его имени и касающейся потустороннего благополучия, после досадного пробела читаем: «--- с возгласием (т. е. заупокойным жертвоприношением), что от д.т, в виде потребности дневной повседневно в долготу вечности» (ТТ I XI = GT VIII).

Привыкнув иметь дело в определении «что от д.т» с д.т общественно осмысленным, невольно начинаешь и в этой надписи толковать определение к «возгласию» в таком же духе: «возгласие, что от плоти (моей)», т. е. заупокойная жертва собственная моя, предназначенная лично мне, являющаяся моею собственностью. Но можно понять это определение и совсем иначе — и в его д.т видеть то же д.т «вечность», которым заканчивается надпись. «Возгласие, что от вечности», т. е. вечная заупокойная жертва, дает очень хороший смысл. Непосредственно следующее затем утверждение касательно повседневности и продолжения во всю вечность как будто бы даже требует такого перевода или, во всяком случае, предрасполагает к нему. На самом деле, однако, именно эта концовка больше всего и мешает принять второй перевод. Определение «что от вечности» было бы ничем не оправданным повторением и предвосхищением конечного «в долготу вечности»: «--- с возгласием, что от вечности, в виде потребности дневной повседневно в долготу вечности» звучит определенно нехорошо ввиду двух «вечностей». Повторения не будет, если мы различим оба д.т по смыслу: «--- с возгласием, что от плоти (моей) (т. е. заупокойной жертвой собственной моей, мне лично причитающейся), в виде потребности дневной повседневно в долготу вечности». Но и тут есть своя трудность. «Возгласие» встречается несчетное число раз в староегипетских надписях, но никогда — помимо данного сомнительного случая — не встречалось мне за ним определение «что от д.т».

Глава 2. Д.Т САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ

а. Д.т применительно к людям

Много реже, чем в составе определений, слово д.т употребляется самостоятельно. Почти всегда такое самостоятельное д.т служит для обозначения отдельного человека и выражает определенного рода отношение его к лицу, стоящему выше его по своему общественному положению. Можно различить три способа обозначения:

- 1) титуло высокопоставленного лица + д.т с относящимся к тому притяжательным местоимением + титуло самого обозначаемого;
- 2) титуло высокопоставленного лица + д.т без притяжательного местоимения + титуло самого обозначаемого;
- 3) д.т + титуло или одно имя самого обозначаемого.

Первые два способа отличаются друг от друга присутствием или отсутствием притяжательного местоимения после д.т. В остальном они тождественны и как трехчленные противостоят вместе двучленному третьему. С внешней стороны различие между ними кажется значительным, но по существу оно не так велико. Высокопоставленное лицо и при обозначении по третьему способу бывало так или иначе известно, и титул его просто подразумевалось перед д.т. Не слишком многочисленны, но и отнюдь не малочисленные примеры расположены ниже в последовательности указанных трех способов обозначения.

№ 1. На притолоке над входом в одно из жилищ служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн, жены Нефр-ке-рэ Пйопе II, стоит после имени его пирамиды, при которой была погребена царица, ее титул: «(Пирамида:) „Устойчив (и) жив Нефр-ке-рэ“; повелительница, жена царя, возлюбленная его, великая. . . Вдбтн» (UAR 272 = PO 22).

На левом косяке, в продолжение надписи на притолоке, читаем у изображения мужчины и его сына и под ними: «д.т ее, наставитель рабов бога (т. е. жрецов), кто над вещью бога. . . кто в чести у госпожи своей, Хм-снх, имя его доброе (т. е. дружеское) Хмй — сын его, возлюбленный его, наставитель рабов бога Йкрй; жилище, что от д.т его (следовательно: от плоти его, т. е. собственное его)» (UAR 273 = PO 22). Перед нами надписание постройки, и «понимать» его надо с конца: жилище такого-то, чей сын такой-то и кто является д.т царицы такой-то.

№ 2. Однородное надписание украшало вход в другое жилище при храме, но уцелели на притолоке одна последняя буква имени царицы (н) с последующим ее изображением, как и в предшествующей надписи, а на левом косяке только «д.т ее ---» (UAR 272 = PO 24).

№ 3. В гробнице Йр.н-р^с на притолоке одной из ложных дверей умерший обозначен так: «К²-н(й)-н(й)-св.т — д.т его, распорядитель рабов двойника Йр.н-р^с» (G III 159).

На косяке той же ложной двери он величается: «Кто при вещи царя К²-н(й)-н(й)-св.т — сын его Йр.н-р^с, что в чести» (там же).

По своему составу и строению эта чета надписей живо напоминает надпись, которая была приведена первою, с тою разницей, что отношение д.т и сыновство тут объединены в одном лице, а там распределены по разным лицам. Тем самым данный там перевод находит себе убедительное подтверждение. Смысл же надписей Йр.н-р^с совершенно ясен, так как, построенные по одному образцу, они поясняют друг друга:

К²-н(й)-н(й)-св.т — д.т его такой-то,

К²-н(й)-н(й)-св.т — сын его такой-то,

т. е. д.т вельможи такой-то и сын вельможи такой-то. Хозяин гробницы был, таким образом, одновременно д.т и сыном приставленного вещи царицы К²-н(й)-н(й)-св.т, большого сановника, чья богато отделанная гробница сохранилась по соседству. Йр.н-р^с сам был придворным — «чистителем царевым» — и не только распорядителем заупокойных жрецов, надо думать, родителя, но также «наставителем (жрецов) рабов бога». Гробницу «сотворил ему сын его старший Р^с-м-снх», так что семья оставалась зажиточной и в третьем поколении после сановного деда.

№ 4. На притолоке Птх-нб-нфр.т, найденной лежащей поверху сильно разрушенной скромной гробницы, принадлежность к которой не может быть доказана, стоит следующая трехстрочная надпись:

(1) «(Да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Усире возгласение (т. е. заупокойную жертву) ему, (тому, кто) княз(я) исправн(ого), распорядител(я) работ всех царя Мхй д.т его,

(2) (тому,) кто в чести у него, Птх-нб-нфр.т. Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого (т. е. хранилища ценных припасов и изделий), писец череды, д.т его Птх-нб-нфр.т

(3) — (да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Ануп ---, предстоятель чертога бога, кто на горе своей, владыка земли святой, чтобы дано было ходить ему по дорогам добрым запада (и) возгласалось (т. е. приносилась заупокойная жертва) ему» (G VI 226).

Второе титло Птх-нб-нфр.т, начинающееся посреди 2-й строки и тянущееся затем до ее конца, заключительным знаком своим, сопроводительным знаком сидящего барина к имени умершего, уходит в конец 3-й строки, так что может не только по сути дела, но и со стороны написания считаться кондовкою ко второму заклинанию. Итак, смысл первой части надписи будет примерно таков: пусть будет предоставлена заупокойная жертва Птх-нб-нфр.т, являющемуся д.т высокопоставленного сановника Мхй. Смысл второй надписи можно будет передать так: пусть будут предоставлены посмертные блага такому-то должностному лицу, являющемуся д.т его, т. е. названного выше высокопоставленного сановника, Птх-нб-нфр.т.

№ 5. На обломке ложной двери Шпс-п-птх умерший обозначен так: «Повелитель, князь, вратарник (т. е. судящий у правительственных врат), судья, правитель Птх-хтп — д.т его, раб двойника, (тот,) кто в чести у бога большого, старейшина чертога (пирамиды) „Добр Тат-ке-рэ“ Шпс-п-птх» (ASAE XL LX).

Смысл надписи: д.т верховного сановника Птх-хтп, заупокойный жрец, должностное лицо при царской пирамиде Шпс-п-птх.

№ 6. На камне с завещанием Тнтй читаем: «Мать царя Хтп-хр.с — д.т (таковой), раб двойника (т. е. заупокойный жрец) Тнтй — дочь его, раб(а) двойника (т. е. заупокойная жрица) Ппй — сказыва(ет): (Что) до детей этих, данных (мне) отцом (моим) этим том завещанию, не даю (я) быть властными людям всем в них: раб двойника (следует поврежденный перечень имен)» (UAR 35 = AIBM I 28).

Начало надписи можно было бы перевести и так: «д.т матери царя Хтп-хр.с раб двойника Тнтй» — сочтя титло царевой матери определением к д.т, почтительно вынесенным вперед только в написании, но не в произношении; однако предыдущие примеры, где за титлом высокопоставленного лица следовало не простое д.т, а д.т с притяжательным местоимением, заставляют сомневаться в правильности такого перевода. Смысл вступления при том и другом переводе остается одним и тем же: царской матери Хтп-хр.с д.т и заупокойного жреца Тнтй дочь, заупокойная жрица Ппй говорит.

№ 7. Особенно богата данными по занимающему нас вопросу гробница Мр-св-снх, знакомящая нас не только с имущественным и общественным положением состоятельного д.т, но также с его происхождением и взаимоотношениями с высокопоставленным хозяином. Эта гробница примыкает непосредственно к пышной усыпальнице одного из ближайших сановников царя — его «друга» Рс-вр (усыпальница издана: EG I; любопытная надпись жизнеописательного порядка также: UAR 232). Перед громадою вельможной усыпальницы скромная гробница Мр-св-снх, конечно, совершенно теряется, но саму по себе ее никак нельзя назвать бедной. У нее глубокие склепы (один глубиною до 7.40 м), представительная надстройка над ними (5.45 × 3.45 м площадью), представительная каплица с полом, высеченным в скале, и хорошо сложенными из камня стенами, с богато отделанным входом и двумя ложными дверями. В гробнице найдено несколько изваяний умершего и его родни. Некоторые из них являют его в облике настоящего вельможи

с сановной накладной прической до плеч. В ней же щеголяет он и на настенных изображениях, и на них у него бывает не только треугольный выступ на переднике, отличающий, как известно, начальственных лиц, но и лопатообразный жезл в руке, как у большого барина. Надо думать, что у Мр-св-^снх было значительное личное хозяйство с некоторым количеством слуг, так как в гробнице оказалось каменное изваяние работницы, занятой пивоварением, — одно из обычных изображений слуг, долженствовавших служить хозяину и после смерти.

На одной из ложных дверей, посвященной поминанию матери умершего, читаем дважды титуло ее, из которого явствует, что Мр-св-^снх был из чиновной семьи, а также заявление его о себе как соорудителе этой «двери», подтверждающее письменно свидетельство вещественных памятников о его зажиточности.

«Распорядитель отроков Местожительства (царского) Мр-св-^снх; мать его, распорядитель(ница) дома ткачих Рвд-з^з.в.с.» (EG I 112 = LXIX 1);

«Распорядитель(ница) дома ткачих Местожительства (царского), что в чести у бога большого Рвд-з^з.в.с.»;

«Это сын ее — сотворивший ей, распорядитель отроков Местожительства (царского), добрый (молодец) Мр-св-^снх» (EG I 112).

Некоторые титула умершего особенно содержательны:

«Друг (царев) Р^с-вр—д.т (такового), распорядитель отроков Местожительства (царского), распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи (т. е. управляющий всем имуществом Р^с-вр), Мр-св-^снх»;

«Друг (царев) Р^с-вр — я тот, кто в чести у него супротив человека его всякого; честимый это у бога, кто в чести (у) владыки своего; ни разу не сотворил (я) вещи (т. е. чего-либо) против человека всякого» (EG I 109 = LXVIII 3 = UAR 234).

Сопоставленные две последние надписи снова доказывают, что титуло высокопоставленного лица не только писалось, но и почтительно читалось перед д.т, по смыслу будучи предвосхищенным определением к нему. Поскольку в «Друг Р^с-вр — я тот, кто в чести у него» никак нельзя «друга Р^с-вр» перенести назад, так как место уже занято относящимся к нему притяжательным местоимением («у него»), недопустимо и в первой надписи относить «друга Р^с-вр» за д.т. Ведь оба «Друг Р^с-вр» расположены зеркально относительно друг друга в начале двух отвесных строк на левом и правом косяках ложной двери и потому должны были восприниматься одинаково.

Кроме званий, заключенных в приведенных титулах, Мр-св-^снх имел также чин «наставителя рабов двойника», т. е. второстепенного, хотя и не низшего, надзирателя заукокойных жрецов (EG I 107 сл. + LXVIII сл.). Любопытно и одно из обозначений его на жертвеннике: «Постоянно любимый владыкой своим, юноша добрый Мр-св-^снх» (EG I 110 = LXVIII 2).

№ 8. С тем же сановником Р^с-вр связан и другой д.т, по имени К^з-хр-н(й)-св.т, оставивший нам на том же кладбище еще более внушительный памятник — каменную гробницу протяжением более полутора десятка метров. Перед изображением по-вельможному восседающего с посохом в руке хозяина помещена трехстрочная надпись:

(1) «(Да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Ануп, предстоятель чертога бога, (чтобы) погребен был он на (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя), состарившись добре весьма, (у?) бога большого,

(2) (и) возгласение (т. е. заукокойную жертву) (дня-) отверзателя года (т. е. Нового года), Тховтова (праздника), первого (дня) года,

(праздника) В'г, праздника всякого, новомесячия, полумесячия, повседневно;

(3) (жрец) сетом, руководитель (облачающихся в передник) шенто, друг (царев) единственный Р^с-вр — д.т (такового), раб двойника (т. е. заупокойный жрец), творец ногтей (т. е. ухаживающий за ногтями) К²-хр-н(й)-св.т» (EG II 67 = XXI I).

Саму по себе третью строку можно было бы перевести и иначе, если допустить, что титло написано спереди только из почтения к высокому сану, но на самом деле читалось после д.т: «д.т сетома, руководителя (облачающихся в передник) шенто, друга единственного Р^с-вр, раб двойника, творец ногтей К²-хр-н(й)-св.т»; однако предшествующие примеры не благоприятствуют такому чтению.

«Друг единственный» Р^с-вр на положении покровителя д.т не оставит нас и в дальнейшем, и мы еще встретимся с ним в гробнице одноименного с ним придворного учителя пения. Но раньше, оставаясь верными раз принятому порядку, мы должны будем рассмотреть ряд памятников, связанных с именем другого вельможи, «распорядителя дома белого», т. е. хранилища съедобных и несъедобных ценностей, Ир.н-вр. Эти памятники — четыре каменных изваяния из его гробницы; изображают они людей, обязанных служить ему после смерти.

№ 9. До сих пор мы знакомились с д.т, служившими заупокойными жрецами, по их собственным памятникам; изваяние заупокойного жреца К¹-м-кд из гробницы Ир.н-вр показывает нам такого д.т не под его собственным углом зрения, в облике чиновного барина, а под углом зрения хозяина, в потребном для хозяина положении. Изваяние изображает мужчину, стоящего на коленях, как то делали при совершении определенных обрядов служащие при загробной трапезе. Что изображен человек с известным положением в обществе, видно по разукрашенному его переднику и длинной прическе, а также по изысканной работе: в противоположность последующим трем, у этого изваяния вставные глаза из белого и черного камня с веками из какой-то руды (меди?). Надпись на изваянии гласит: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового), раб двойника К¹-м-кд» (SSKPMK I 91 = XXVI = ZASA XXXV 119).

№ 10. Все д.т, с которыми мы пока что встречались, были людьми, отнюдь не стоявшими на нижних ступенях общественной лестницы. Три женщины д.т, с которыми нам теперь предстоит познакомиться, принадлежали к народным низам. Первая из них изваяна в согнутом положении, с руками, опущенными в сито, положенное поверх чана. Эта женщина занята пивоварением. Перед работницей надпись: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового) Ухм-нфр.т» (SSKPMK I 91 = XXVI = MAE 234).

№ 11. Вторая женщина стоит на коленях и вручную верхним жерновом на нижнем растирает (мелет) зерно. Изваяние надписано: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового) Йтй» (SSKPMK I 86 = ZASA XXXV 122 = MAE 233).

№ 12. Четвертое изваяние изображает женщину, занятую той же тяжелой работой. Надпись гласит: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового) Йш^с.т» (SSKPMK I 89 = ZASA XXXV 122 = MAE 234).

И в этих четырех надписях можно было бы читать титло хозяина как определение после д.т (д.т распорядителя дома белого Ир.н-вр такой-то или такая-то), если бы только не мешали этому те примеры, где налицо притяжательное местоимение у д.т или иные признаки, до-

казывающие, что хозяйское титло было почтительно вынесено вперед не только в письме, но и в самой речи.

До сих пор во всех примерах д.т предварялось титлом высокопоставленного хозяина или покровителя. Теперь пойдут такие д.т, перед которыми хозяйское титло не названо, хотя и подразумевается молчаливо, как предположительно известное.

№ 13. Вельможа Р^с-вр, с которым как с господином д.т нам уже доводилось встречаться, не оставляет нас и тут. В гробнице его тезки «учителя певцов царя Р^с-вр», величающего себя также «распорядителем полотна» и «рабом двойника», на одной из ложных дверей имеется надпись: «д.т, распорядитель полотна, раб двойника Р^с-вр» (EG I 68).

Гробница сравнительно небольшая (площадь надземной поверхности надстройки 3.45 × 2.25 м), но имеет несколько врубленных в скалу склепов, — в одном из них оказался предстательный гроб, — и несколько ложных дверей, отделанных надписями и изображениями почившего. Гробница расположена около громадной усыпальницы «единственного друга» Р^с-вр, и так как последний уже известен нам как господин двух д.т, погребенных подле него в собственных гробницах, не может быть сомнения, что и одноименный с ним «распорядитель полотна» и «раб двойника» Р^с-вр был д.т по отношению к своему вельможному тезке, у которого, вероятно, и заведовал бельем и отправлял заупокойную службу.

№ 14. В отличие от придворного учителя пения, два следующих д.т — люди совсем не чиновные. На обломке стены из гробницы Тп-м^снх изображены столяры за работою. У двух из них приписано звание («топорщик») и имя; у третьего, отделявшего ложе (уцелела только одна кисть руки), званию (имя отбито) предпослано еще слово д.т: «д.т, топорщик [имярек]» (RME I XII). Поскольку изображение помещалось на гробничной стене, у читавшего надпись не могло быть сомнения, что д.т перед именем третьего топорщика выражало его отношение к хозяину гробницы.

№ 15. В гробнице Тп-м^снх II, откуда, быть может, и предыдущий обломок, в нижнем поясе стены, где изображено заклание жертвенных быков для умершего, представлен также служитель, ведущий антилопу, и это надписано так: «Взятие (т. е. привод) тысячи молодняка, антилоп белых»; «д.т Нфр-хр» (MAE 199).

Слова «д.т Нфр-хр» составляют особую отвесную строку, и если издание точно, — а оно часто прегрешает против точности! — эту строку нельзя понять иначе. Поскольку изображение и надпись находились на стене гробницы, всякому было ясно, если правильно наше чтение, что Нфр-хр был д.т ее хозяина.

Что же значило д.т, употребленное как звание перед именем того или иного лица? Совершенно ясно, что «раб» или «крепостной» это слово не значило. Подневольными людьми могли быть мельничихи (№№ 11 и 12) и пивоварка (№ 10), столяр (№ 14) и поводырь (№ 15), но уже заупокойного жреца (№ 9), судя по тому, что известно о таких, мы не в праве будем к ним причислить, как бы ни предрасполагало к тому одинаковое назначение его изваяния и изваяний работниц, в чьем обществе он в силу того оказался. К тому же его барские волосы, богатый передник и дорогие, тройного состава глаза, каких нет у его случайных подруг, ясно свидетельствуют, что «раб двойника» в жизни не был товарищем трех служанок.

Относительно других двух заупокойных жрецов, рядовых «рабов двойника» (№№ 6, 8), всякое сомнение в принадлежности их к «свободному» населению исключено заранее самими их памятниками. Один

(№ 8), «раб двойника» и знаток ухода за ногтями, известен нам великолепной надписи на каменной притолоке его гробницы; другой, «раб двойника» царевой матери, мог завещать своей дочери, тоже «рабе двойника», безусловное право распоряжаться его детьми, исключавшее всякое посягательство на них со стороны, чего несвободный завещать не мог бы.

Остальные д.т — уже просто чиновные люди. Сами звания их ясно говорят об этом: «наставитель рабов бога (т. е. надзиратель за жрецами)» (№ 1), «распорядитель рабов двойника (т. е. начальник заупокойных жрецов)» (№ 3), «наставитель рабов двойника (т. е. надзиратель за заупокойными жрецами)» (№ 7), «распорядитель отроков Местожительства» (№ 7), «писец житницы», «писец дома белого (т. е. хранилища ценностей)», «писец череды» (№ 4), «старейшина чертога» пирамиды (№ 5), «учитель певцов царя» (№ 13) и т. д. Вещественные останки жилищ и гробниц этих д.т вполне подходят к их начальственным титулам: каменные наличники домовых дверей, украшенные надписями и изображениями (№№ 1—2), каменные надписанные гробничные притолоки (№№ 3, 4, 5), представительные гробницы, у которых имеется по несколько врубленных в скалу склепов, каменных надстроек над ними, по несколько ложных дверей, покрытых превосходными надписями и изображениями, с барской погребальной обстановкой (№№ 7, 13, особенно первый, ср. № 8). Одна гробница (№ 7) содержала даже вещественное косвенное доказательство — в виде изваяния работницы — использования такими д.т подневольного труда. Если многие должности наших д.т могли принадлежать им на частной службе у царя и вельмож (см. ниже), то некоторые звания указывают на состоянии одновременно и на государственной службе: «учитель певцов царя» (№ 13), «распорядитель отроков Местожительства» (№ 7), «старейшина чертога» пирамиды (№ 5). Иногда можно также установить происхождение чиновного д.т от чиновных же, раз даже знатных родителей. Мать одного из д.т (№ 7) была начальницей ткацкой мастерской столицы, отец другого (№ 3) — настоящим царедворцем, если только не родственником царского дома, третий (№ 1) происходил, возможно, из рода потомственных «наставников» жрецов.

Следовательно, д.т не есть обозначение для подневольных людей и ходячий перевод этого слова несостоятелен. Тем самым отпадает и всякая возможность сопоставления д.т «плоть» в приложении к людям с греческим словоупотреблением *σῶμα* «тело» = «раб». Но, может быть, правильно тогда то толкование, которое видит в занимающем нас сейчас д.т совсем не звание, а некое обозначение для заупокойного имени? Согласно такому пониманию, титула, сложенные по нашим 1-му и 2-му способам (значит, как №№ 1—12), следует понимать двояким образом: или такой-то служащий заупокойного имени такого-то высокопоставленного лица, или такого-то высокопоставленного лица его заупокойного имени служащий такой-то. Слабость подобного истолкования заметна даже при чисто внешнем к нему подходе. Титула, сложенные по 1-му и 2-му способам, построены явно одинаково. Вся разница между ними в притяжательном местоимении, употребительном в одних после д.т и опускаемом там в других. Но и независимо от сходства в построении, на одном примере (№ 7) могло быть показано, что титуло высокопоставленного лица читалось на первом месте также при пропуске местоимения. Если в титулах, составленных по 2-му способу, причудливая перестановка еще могла бы быть как-то объяснена, хотя и ни в коей мере не убедительно, чтением с конца, то в титулах 1-го способа помещению «д.т его» перед званием или именем лица, принадлежащего

к «заупокойному имению», не подыскать иного оправдания, как только желание, чтобы притяжательное местоимение следовало как можно ближе за высокопоставленным лицом, к которому относилось. Но и такие надуманные объяснения, разные для одинаковых явлений и потому заранее подозрительные, не помогут понять постоянное вынесение д.т вперед — до звания и имени служащего — в титлах, сложенных по 3-му способу (№№ 13—15), так как тут нет титла высокопоставленного лица спереди, из почтения к которому только и могла быть понята предполагаемая перестановка слов в письме.

Но если перевод с д.т как «заупокойным именем» оказывается неправдоподобным даже с внешней стороны, под углом зрения строения данных выражений, то есть и основания для отклонения его из-за невозможности считать д.т определением к последующим за ним званиям.

В гробнице Мр-св-^{снх} (№ 7) титло с д.т выглядело так: «Друг Р^с-вр — д.т, распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, Мр-св-^{снх}» (EG I 109 = LXVIII 3).

Совершенно достоверно, что д.т не может быть определением ни к первому, ни ко второму званию умершего. Не может быть д.т и определением к отстоящему за версту имени Мр-св-^{снх}, потому что притяжательное местоимение после «имущества» предполагает «друга Р^с-вр» уже упомянутым. Остается объявить предполагаемое «имение друга Р^с-вр» почтительно названным впереди определением по смыслу, независимым выражением, намекающим на связь названного затем лица с таким-то вельможным именем. Однако и последнему предположению не спасти д.т как «имение» перед лицом той простой истины, что в титлах, составленных по 3-му способу, предполагаемый владделец имения, вельможа, не назван и в начале титла оказывается одно голое д.т!

Но, может быть, д.т обозначает совладельца земельной собственности или заупокойного имения вельможи, на тех или иных условиях или безусловно получившего от последнего право пользования его землею или хотя бы доходами? С подобным толкованием д.т в определениях приходилось уже встречаться, когда речь шла о «братьях д.т», и неубедительность его тогда была показана. В случае занимающих нас сейчас д.т те из них, кто были людьми чиновными или заупокойными жрецами, еще могли бы сойти за условных совладельцев или соучастников вельможи, но как поверить, что таковыми были его подневольные люди, мельничихи (№№ 11—12) и пивоварки (№ 10), столяры (№ 14) и скотники (№ 15)?

Не поможет и предположение, не обозначало ли наше д.т всякого, кто каким бы то ни было образом принадлежал к имению? Какой, в самом деле, смысл мог быть в обозначении, одинаково определявшем совладельца имения и подневольного в нем работника по тому признаку, что оба к нему относились, были «именниками»?

После бесплодных попыток разгадать загадку на основании недоказуемого д.т «имение» вернемся к прежнему нашему способу толкования, отправлявшемуся от несомненного слова д.т «плоть» и оправдавшему себя применительно к д.т в определениях.

Прежде всего уместно будет спросить, как на самом деле звучало изучаемое нами обозначение? Ответ могут подсказать три памятника, на которых занимающее нас звание имеет букву «н» спереди (№ 16, 17, 18).

№ 16. На обломке гробницы некоего Птх-м- --- над несколькими повторными изображениями умершего уцелела часть строки, в которой читаем: «---[распорядитель работ всех] царя, распорядитель писцов

грамот царя Сндм-йб — (тот), кто от д.т [его], писец череды Птх-[м]--- (G VIII 155+DAAT I 62).

От занимающего нас обозначения новейший издатель заметил только волнистую воду н(й) «что от» и змею д, но он уже указал, что в воспроизведении этого места в издании столетней давности под змею показана между двумя пробелами подотвесная черта, которая и должна быть знаком земли. В пробеле над чертой новейший издатель восстанавливает хлеб т; от себя могу добавить, что в пробеле под нею могла быть ушастая змея ф «его». Смысл надписи несомненно таков: писец череды Птх-м---, принадлежащий к д.т высокопоставленного сановника Сндм-йб.

№ 17. На столбе в гробнице Хнв подле пирамиды Унноса значится: «Хор, зеленеющий (т. е. процветающий в рассуждении) обеих земель (т. е. Египта), Уннос, царь (и) государь, зеленеющий в обеих владычицах (т. е. как сопричастник обеих — верхнеегипетской и нижнеегипетской — государственных богинь), Хор золота зеленеющий — (тот,) кто от д.т его, (пирамиды) „Добр. местами Уннос“ (должностное лицо) хнт(й)-ш, раб двойника (т. е. заупокойный жрец), друг (царев) единственный (высокий придворный сан), (жрец-)заклинатель Хнв» (NAWG Jahrgang 1956 Nr. 4 III).

Смысл надписи, очевидно, такой: тот, кто принадлежит к д.т фараона Унноса как состоящий при его пирамиде, сановник такой-то. «Кто от д.т его» написано с определителем земли после д.т (н(й), д, т, земля, ф).

№ 18. В гробнице Хнв, Бйв и Ппй во главе несущих заупокойные приношения для Бйв идет «(тот,) кто от д.т его, писец Вх'й» (TRCP 100), а в толпе несущих такие приношения для Ппй идут «(тот,) кто от д.т его, наставник рабов двойника (т. е. заупокойных жрецов) --- нй'», «(тот,) кто от д.т его, распорядитель рабов двойника Хб-снй» и «(тот,) кто от д.т его, Х'йй (TRCP 101). «Кто от д.т его» написано во всех трех случаях одинаково и без какого-либо определителя после д.т (н(й), д, т, ф).

Таким образом, если позволительно основываться на пяти написаниях и в свете их расшифровать остальные, надо будет читать наше обозначение не д.т, а нд.т. В языковом отношении это можно только приветствовать, так как женское д.т как обозначение мужчин выглядит совсем нехорошо, а мыслимое производное от него мужское д.т(й) не годится для женщин (№№ 10, 11, 12), где надо было бы тогда ожидать написание д.т.т, не с одним, а с двумя хлебами т. Написание н-д.т естественно было бы читать н(й)-д.т «кто от д.т», прилагательное принадлежности нй+существительное д.т. Тем самым разбираемое нами обозначение было бы не чуждым, как уже давно известным нам сочетанием, только употребленным теперь не как определение, а как самостоятельное обозначение наподобие звания. Если в правописании Птх-нб-нфр.т (№ 4) и К'-хр-нй-св.т (№ 8) вода н под змею д была не только плодом совпадения начертаний земли и воды в скорописи, коею набросана была пропись для изготовителей надписи, но рассчитана также была на прочтение, она должна была мысленно переставляться при чтении перед змею д. Необычного в этом не было бы, так как прилагательное принадлежности н(й) и предлог «в» («для»), от которого оно было произведено, охотно писались в Старом царстве под тем словом, которому в произношении они предшествовали, и так писали даже вне слитных сочетаний, как в нашем случае, и под словами, не нуждавшимися в почтительном выдвигании, а просто по соображениям начертательной красоты. Из слитных сочетаний хорошим образцом подобной перестановки воды на конец написания может служить слово нй-св.т «царь», собственно «кто от ситовника». И здесь тоже второе слово женского рода, и кончается на звук «т», и пишется на первом месте, и здесь тоже нй ставится

на самом конце, под хлебом т. Но сходство со словом нй-св.т, возможно, налицо еще в одном отношении. Если изучаемое нами обозначение действительно читалось нй-д.т, те случаи, где вода н не выписана, будут неполными написаниями, дополнявшимися при чтении. Точно такое же неполное написание знает и слово нй-св.т. Наряду с полным написанием ситовником св.т, хлебом т и волнистою водою н, было употребительно также сокращенное, одними ситовником и хлебом с опущением воды н, которое дополнялось читающим. При этом сокращенное написание являлось не менее, если только не более обычным, чем полное, так что и обычаи опускать воду н в изучаемом нами обозначении, если он имел место, не стоял бы особняком.

Чтение нй-д.т «кто от д.т», следовательно «кто от плоти», давало бы для этого обозначения смысл «собственный». Если бы такое чтение было неверно, можно было бы предположить употребление слова «плоть/самость» в расширительном смысле, распространяющем плоть/самость на все к ней принадлежащее, на все охваченное ею. В таком употреблении д.т было бы примерно равноценно «собственности», применительно к людям — тому же «собственный/собственная». Но я не думаю, чтобы возможность второго толкования стоило действительно брать в расчет, так как написания у Птх-м---, Хнв и Хнв, Бйв, Ппй определенно говорят в пользу чтения нй-д.т.

Законно будет, однако, спросить, как звучало при таком чтении наше обозначение применительно к женщинам? Ведь нй-д.т значит «принадлежащий к д.т», прилагательное принадлежности здесь мужского рода, применительно к женщинам надо было бы ожидать его в женском роде, вместо мужского нй уместно было бы женское нй.т. При наличных данных сказать тут что-нибудь определенное невозможно. Во всех пяти случаях, когда вода н выписана перед д.т, обозначаемым является мужчина; там же, где обозначение приложено к женщинам (№№ 10, 11, 12), налицо написание без воды н. Отвлеченно говоря, мыслимо было бы сосуществование двух написаний женской разновидности нашего обозначения с выписанным и невыписанным хлебом т после н(й): н(й). т-д.т и н(й.т)-д.т. За примерами такого колебания в правописании сложных слов недалеко ходить. Хорошим образцом может служить звание йм(й).т-р' «распорядительница», дословно: «та, кто в устах (у подчиненных)». Первая часть здесь является таким же производным от предлога м прилагательным, как наше н(й).т от предлога «н». В этом звании ймй.т «та, кто в» или «та, в ком» пишется то с выписанным, то с отсутствующим хлебом т, так что как обозначение женщины мы находим то йм(й).т-р', то им(й.т)-р'. При этом, при известных к тому побуждениях со стороны начертания, такое «т» может даже вовсе выйти из употребления. Вспомним хотя бы обозначение кладбища хр(й).т-нтр «то, что под богом», где хлеб т такая редкость, что до недавнего времени ученые читали это сложное слово хр-нтр. Первая часть здесь также прилагательное, производное от предлога, именно хр «под». Примером выпадения буквы «т» в сложном слове, кончающемся на д.т, может служить выражение «сестра д.т» (см. раздел «Определения к обозначениям родства»). Оно находится в приписках к изображениям женщин, так что в женском роде обозначенных не может быть сомнения, тем не менее написано не сн.т-д.т, как то требовалось бы для «сестры д.т», а сн-д.т, точно речь шла о «брате д.т». Обозначение «сестра д.т» в сохранном виде известно мне лишь на четырех памятниках (оно имелось, наверно, еще в одном месте (DAA II XXXI), но в издании сн отсутствует); поэтому можно только догадываться, но не утверждать, что таково было обычное правописание для женской разновидности обозначения. Догадываться об этом можно

потому, что и в других сложных словах, где начертание не благоприятствовало выписыванию хлеба т, последний после первого существительного охотно опускался. Так, например, обстоит дело с распространеннейшим обозначением жриц хм.т нтр «раба бога», которое обыкновенно пишется хм нтр , как если бы значило «раб бога»; в наименовании заупокойных жриц хм.т-к' «раба двойника», куда более редком, правда, чем «раба бога», хлеб т мне вообще никогда не встречался, так что, если бы не женский пол так обозначенных лиц, можно было бы читать «раб двойника».

Возможно также, что частое опущение в письме женского окончания у начальных частей сложных слов отражало действительную пропажу его в произношении. В отношении нй-д.т здесь можно было бы указать на позднейшее, частое в Новом царстве, слово нд.т «челядь—подчиненные—подданные», оторвать которое от нашего д.т представляется невозможным и которое как собирательное обозначение могло бы восходить к женскому нй.т-д.т . Возможно, однако, что нд.т восходит к мужскому нй-д.т , переставшему восприниматься как составное слово с мужской первой частью и потому ставшему неизменным по роду обозначением не только единичных, но и собирательных представителей определенного рода людей. Как будет видно из дальнейшего, собирательное выражение д.т или [н] д.т существовало уже при первых представителях V царского дома. Если нй-д.т рано застыло в неизменное по родам нд.т , оно могло одинаково прилагаться к мужчинам и женщинам, отдельным лицам и собирательным понятиям. Я не думаю, чтобы в данной связи стоило вспоминать о $\text{нв.вт.ф н.т н.т д.т.ф}$ «городцах его, что от того, что от д.т его» (DAA II XLVI), хотя с внешней стороны ничто не мешает видеть в этом «что от д.т » сложное слово со значением «собственность»: в своем месте — в разделе о д.т в определениях селений — уже было показано, что, по всей вероятности, одно из двух н.т лишнее, так как только оно отличает данный оборот от обычного способа определения (что-то, что от д.т).

Итак, допустим, что наше нй-д.т или д.т так или иначе означало нечто вроде «собственный». Принятие или отвержение этого допущения зависит от того, как укладывается предполагаемое значение в переведенные выше титла. На первый взгляд может показаться, что «собственный (человек)» может еще подойти к подневольным людям, но никак не годится в обозначения для людей свободных; «собственными» могут быть мельничихи и пивоварки, столяры и плотники, но не люди чиновные и именитые, с каменными усыпальницами, барскими обличьем и замашками. Все зависит, однако, от того, какой смысл вкладывать в понятие «собственный». И, как ни странно, этот смысл мы можем получить не от подневольных носителей нашего обозначения, к которым «собственный», казалось бы, только и подходит, но от чиновных его носителей, совсем не похожих на чью-либо «собственность».

Отправною точкою для наших изысканий явятся надписи из гробницы Ир.н-р^c (G III 159, наш № 3). Они расположены непосредственно одна над другою, и от этого их словоупотребление становится еще примечательнее.

«К'-н(й)-нй-св.т — д.т его, распорядитель рабов двойника Ир.н-р^c»;

«Кто при вещи царя К'-н(й)-нй-св.т — сын его Ир.н-р^c, что в чести».

Конечно, сын царедворца, возможно даже царского происхождения, Ир.н-р^c не был невольником своего родителя. Тем самым «собственный» в смысле вещного права исключено заранее. Но не подойдет и «собственный» в смысле «приближенный, свой человек», так как никакое д.т даже отдаленно не могло равняться по степени предполагаемой им близости

с «сыном»: для сына царедворца было бессмысленно подчеркивать свою близость к нему наименованием себя его д.т, каковым мог быть всякий, вплоть до последней служанки. Однако каким же еще «собственным» может быть здесь д.т? За ним стоит должностное звание Ир.н-р^с, — и, может быть, это звание поможет понять смысл предшествующего обозначения? Издатель надписей совершенно основательно связал одно с другим, но, видя в д.т заупокойное имя, сделал сына начальником над заупокойными жрецами выделенного на помин души имения. Выше было показано, что д.т в разбираемых титлах никак не может означать заупокойное или какое иное владение. Но подобного значения вовсе и не нужно, чтобы словоупотребление гробницы представилось вполне осмысленным. В предшествующем уже неоднократно доводилось замечать, что определениям с д.т в смысле «собственный» присущ бывал оттенок «личный, частный» в противоположность «царский, государственный»; особая глава будет посвящена этому в дальнейшем. Включим такой оттенок и в перевод данного д.т и поставим последнее в связь с последующим званием, получим вполне вразумительный смысл: «К'-н(й)-нй-свт — собственный (т. е. личный, частный служащий) его, (именно) распорядитель рабов двойника, Ир.н-р^с». Сын состоял начальником над личными заупокойными жрецами своего отца. Что надзор над заупокойным жречеством почившего поручался иногда его сыновьям, хорошо известно из соответствующих завещаний.

Врученный нам Ир.н-р^с ключик безо всякого труда позволяет отомкнуть остальные титла.

№ 1. Царица Вдбтн — «собственный (служащий) ее, (именно) наставник рабов бога... Хм-с^{нх}». У особо влиятельных цариц заупокойную службу правили не «рабы двойника», а «рабы бога», храмовые жрецы, в данном случае поминального храма царицы. Хм-с^{нх}, проживавший подле этого храма, и был надзирателем над его жрецами — личными или частными жрецами царицы.

№ 2. Несомненно истолковывался бы, сохранись название должности, как предшествующий случай.

№ 4. Вельможа Мхй — «собственный (служащий) его, жалуемый им, Птх-нб-нфр.т». Какие должности занимал умерший на службе у вельможи, видно из второго титла: «Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого, писец череды, собственный (служащий) его Птх-нб-нфр.т». Изображениями «распорядителей дома» как управляющих вельможным имуществом полны гробницы. «Писцы житницы» неоднократно изображены в них же на службе у вельможи. «Писцы череды (заупокойных жрецов)» многократно представлены на гробничных стенах. Можно было бы усумниться относительно «писца дома белого», — не была ли то государственная должность, — однако изредка в частных гробницах «писец дома белого» занимается учетом как будто личного имущества хозяина (G IV между 36 и 37, ср. G V 49) и «белый дом» выступает как хранилище, куда поступают производимые для хозяина блага (DAA II XCVI). Таким образом, Птх-нб-нфр.т занимал ряд должностей по частному хозяйству своего высокопоставленного господина и был писцом подразделения, наверно, его заупокойных жрецов.

№ 5. Верховный сановник Птх-хти — «собственный (служащий) его, заупокойный жрец, должностное лицо при пирамиде фараона Тат-ке-рэ Шпс-п-птх. Как «старейшина чертога» царской пирамиды Шпс-п-птх не мог состоять в личном, частнопровном отношении к верховному сановнику. Очевидно, он был его «собственным» служащим как его заупокойный жрец (никакой иной должности не названо). Обломок этой ложной двери был найден на том месте столичного кладбища, где был

погребен верховный сановник; можно думать, что Шпс-п-птх был похоронен подле него.

№ 6. «Мать царя Хтп-хр-с — собственный (человек, именно), раб двойника Тнтй — дочь его раба двойника Ппй». Так как по смыслу своему все это — титул завещательницы Ппй (заупокойная жрица такая-то, дочь такого-то заупокойного жреца царской матери такой-то), можно усомниться, не относится ли «собственный (человек)» не к отцу, а к дочери. Однако совсем неправдоподобно, чтобы отчество могло так вклиниться между званиями, и потому лучше в согласии с местоположением отнести «собственного (человека)» к отцу, что, конечно, не мешает считать таковым и его преемнику по заупокойному жречеству царицы. Тнтй был частным («собственным») заупокойным жрецом на службе у царевой матери.

№ 7. «Друг Р^с-вр — собственный (человек), распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, Мр-св-с^нх». Вопрос с этим титулом обстоит не так просто, как с предшествующими. Мне кажется невыносимым, чтобы звание «распорядителя отроков Местожительства» имело в виду не государственную службу — начальство над молодым ополчением столицы, — а заведение какими-то отроками вельможи, проживавшими там. Последнее тем вероятней, что речь шла определенно о воинских силах, так как сам Мр-св-с^нх именуется «юношею добрым». Более того, добавление «Местожительства» (хнв) к званию «распорядитель отроков» — ср. также в титуле матери «распорядительница дома ткачих Местожительства» — прямо указывает, что дело касается государства, а не частного лица, потому что «Местожительство» как определение противоплагается в обозначениях должностей «собственному» (д.т) (об этом см. ниже, в соответственной главе). Возможно, Мр-св-с^нх потому так упорно и прилагает к своему званию, а заодно и к материнскому, определение «Местожительства», что был одновременно служащим частного лица и было желательным четко разграничивать в его титуле оба рода службы. После обозначения д.т это было особенно нужно, так как, следуя непосредственно за ним, звание в сочетании с ним могло быть понято как «собственный» (т. е. частный) распорядитель отроков».

Званием, с которым д.т стоит в прямой связи, в изучаемом нами титуле Мр-св-с^нх является не стоящее непосредственно позади «распорядитель отроков Местожительства», а последующее: «распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи». Как управляющий личным имуществом вельможи во всей его совокупности Мр-св-с^нх был несомненно «собственным», т. е. частным, его служащим. Надо думать, что таковым был Мр-св-с^нх и в качестве «наставителя рабов двойника». Так, правда, он величает себя не в том титуле, где стоит д.т, но естественно предположить, что доверенный управляющий своего господина состоял и по смерти надзирателем его заупокойных жрецов. Что то были заупокойные жрецы какого-то постороннего лица, представить себе гораздо труднее.

№ 8. Вельможа Р^с-вр. — «собственный (человек, именно) раб двойника, творец ногтей К'-хр-нй-св.т». Умерший был несомненно собственным или личным заупокойным жрецом вельможи. Был ли он также его частным или личным ухаживателем за ногтями или эту должность занимал он при дворе — решить несколько сложнее. Однако упоминание спорной должности после «собственный» и притом без какого-либо, в данном случае прямо необходимого, указания на двор как место службы (придворные обработыватели ногтей часто величают себя «творцами ногтей дома большого») предрасполагает в пользу первого реше-

ния. Еще более склоняет к такому решению то обстоятельство, что на изображениях в вельможных гробницах такие же рядовые «рабы двойника», как и К'-хр-нй-свт, нередко оказываются, как и он, «творцами погтей». Что все это были придворные чины, — а царские «творцы погтей» бывали очень важными сановниками, — представляется совершенно неправдоподобным.

№ 9. Вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, именно) раб двойника К'-м-қд». Тут все просто. К'-м-қд был собственным или личным заупокойным жрецом вельможи.

№№ 10, 11, 12. Вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек) имярек». Никакого звания перед именами трех работниц Вхм-нфр.т, Йтй и Йш^с.т не указано. Судя по занятиям, за которыми они изображены, первая работала в пивоварне, две другие — мельничихами в пекарне, самостоятельной или обслуживавшей то же пивоварение потребным для него ячменным хлебом. Возможно, что написанное дополнялось изображенным, и тогда смысл надписей был бы по существу таким: вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, данная пивоварка) Вхм-нфр.т», вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, данная мельничиха) Йтй (или Йш^с.т)». Если бы изображенные занятия были случайными, а не постоянными работами трех служанок, — что, впрочем, по всему тому, что известно о староегипетском вельможном хозяйстве, маловероятно, — смысл надписей был бы более общим: вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, работница) имярек». Но как бы то ни было, три женщины были *собственными* работницами вельможи.

№ 13. «Собственный (человек погребенного по соседству вельможи, именно) распорядитель полотна, раб двойника Р^с-вр». Знакомые уже по целому ряду случаев с «собственными» людьми на положении простых и начальственных заупокойных жрецов, мы без колебания определим и данного Р^с-вр как собственного раба двойника одноименного вельможи. Но мы можем спокойно распространить «собственный» и на непосредственно следующего за ним «распорядителя полотна». Надписанными изображениями «распорядителей полотна», заведующих господским бельем, полны гробницы вельмож. Нередко, совсем как наш Р^с-вр, эти «распорядители полотна» являются одновременно «рабами двойника». Что Р^с-вр никак не был придворным «распорядителем полотна», видно особенно наглядно по следующему. Р^с-вр неоднократно именуется в своей гробнице «распорядителем полотна», но ни разу ни после д.т, ни без него не добавляет определения, которое бы указывало на двор как место службы. Стоило, однако, хозяину гробницы единый раз назвать себя «учителем певцов», как он уже не преминул добавить определение «царя» — «учитель певцов царя Р^с-вр». Здесь речь шла о придворной, государственной службе, и человек, бывший одновременно на частной службе, должен был обязательно указать, что как учитель пения он был служащим царя, а не вельможи, так как у последнего могли быть собственные певцы (ср. «певец, что от дома собственного» в гробнице Тйй, GT LX = LIX). Это противоположение царя и д.т, государственного и частного, очень показательное. С подобным противопоставлением службы по царскому «местожительству» службе частной мы только что имели дело у Мр-св-^снх (№ 7). С явлениями этого рода нам доводилось встречаться и раньше, и им будет посвящена особая глава в дальнейшем.

№ 14. «Собственный (человек хозяина гробницы, именно) топорщик, [имярек]». «Собственный столяр такой-то» такого-то вельможи не вызывает никаких вопросов. Но можно спросить, почему только один из трех изображенных на обломке столяров удостоился обозначения «соб-

ственный»? У двух других надписано только производственное звание и имя: «топорщик Н(й)-к(').в-р^с», «топорщик Йбб». Можно было бы предположить, что последние были государственными ремесленниками, работавшими почему-то на вельможу (примеры этого см. ниже), а тот столяр был его собственным работником. Но тогда мы ожидали бы, как то действительно и оказывается в соответствующих случаях, какого-нибудь указания на то, что двое были государственными работниками, раз третьего сочли нужным выделить как «собственного». Также и то, что у «несобственных» ремесленников указаны их имена, говорит скорее за то, что оба они тоже были своими, а не посторонними людьми. Видеть в д.т перед званием и именем столяра знак какого-то особого его отношения к вельможному хозяину было бы просто странно, поскольку д.т именовались даже служанки, занятые самой тяжелой, самой грубой работой с зернотерками (№№ 11, 12). Потому вероятнее всего, что различие в обозначении столяров — простая случайность, и допытываться о причинах ее также мало полезно, как гадать о том, почему одни изображения работников в гробницах надписаны производственным званием и именем, другие — одним именем, а подавляющее большинство — ни тем, ни другим. В разных случаях тому были разные причины, — чаще всего, надо думать, чисто внешнего порядка. Сохранись полностью изображения и надписание нашего «собственного» столяра, наименование его одного «собственным» объяснилось бы, наверно, самым непоучительным образом. Мне даже кажется, что и при нынешнем состоянии изображения можно уловить, в чем дело. У второго и третьего столяра было спереди достаточно места, чтобы написать в один столбик звание и имя. У «собственного» же столяра сделать это, за недостатком места в высоту, было нельзя; потому звание и имя пришлось написать не одно над другим, а рядом. Мы не знаем, сколько знаков было в имени, так как оно отбито, — но только, наверно, больше, чем в звании, которое писалось всего одним знаком топора, и то не «стоячим», а «лежащим». Столбик с именем такой плоский знак уравновесить никак не мог; перенести знак-другой из имени к «топорщику» и тем самым уравновесить их мастер не мог или не хотел. Тогда он взял и написал над «топорщиком» д.т и получил два столбика, один со званием, другой с именем. Сделать это он мог совершенно спокойно, так как д.т можно было написать над любым работником вельможи. Все они были его собственными, в том числе, думается мне, и оба наших «несобственных» столяра.

№ 15. «Собственный (человек хозяина гробницы) Нфр-хр(й)». Если все в порядке в старинном издании, мы имеем здесь случай, сходный с обозначениями пивоварки (№ 10) и мельничих (№№ 11, 12), с тою только разницею, что там хозяин был назван спереди, а здесь подразумевался. «Собственным» человеком вельможи мужчина, ведший скотину, мог быть, конечно, так же, как и те работники.

№ 16. Вельможа Сндм-йб — «собственный (служащий) [его], (именно) писец череды Птх-[м]---». Умерший был писцом череды, наверно, заупокойных жрецов хозяина, как и один из предшествующих д.т (№ 4). Повторное упоминание этой должности подкрепляет догадку, что в обоих случаях речь идет о писце подразделения заупокойных жрецов. Далее, у Птх-[м]--- только и есть, что это звание после нд[.т]; поэтому частным или личным («собственным») служащим вельможи он был именно как писец череды, а это подтверждает правильность вывода, что Птх-нб-нфр.т (№ 4) был частным писцом череды у своего господина.

№ 17. Фараон Увнос — «собственный (служащий) его», должностное лицо при его пирамиде, заупокойный жрец, важный придворный, уче-

ный заклинатель Хнв. Естественно предположить, что владелец гробницы возле пирамиды, числившийся при ней и бывший заупокойным жрецом и ученым заклинателем, принадлежал к д.т. фараона именно в силу таких своих должностей. Неожиданным кажется звание «раб двойника», потому что в поминальных храмах царям служили не «рабы двойника», а «рабы бога». Поскольку, однако, невероятно, чтобы звание «раб двойника» было связано у Хнв со службой при частной гробнице (оно значит между прочим должностью при царской пирамиде и придворным саном), это звание, — как, возможно, и звание заклинателя (хрй-хбв.т), — должно относиться к поминальной службе по фараону. Редкостному обозначению царского слуги наподобие частного служащего («кто от плоти его») отвечало бы редкостное для царской поминальной службы обозначение ее отправителя наподобие частного заупокойного жреца («раб двойника»). Тот же пример сановника Хнв со всею наглядностью показывает, что звание «кто от плоти» такого-то само по себе не означало подневольного положения его носителя: Хнв был важным придворным — «единственным другом» царя! Не приходится и говорить, что под д.т. у Хнв не подразумевалась земельная собственность, «отказанная» царем частному лицу: ведь д.т. тут не чья иная, как самого царя!

№ 18. «Собственный (служащий) его, писец Вх²й», «собственный (служащий) его, наставник рабов двойника ---ний», «собственный (служащий) его, распорядитель рабов двойника Хб-снй», «собственный (человек) его Х²й» несут приношения покойным сановникам вместе с людьми, которых явно связывают с почившими узы родства или поминальной службы. У Ппй это — двое его сыновей и брат, у Бйв — трое его заупокойных жрецов («рабов двойника, что от плоти его»), из которых один вдобавок его домашний служащий — «руководитель шатра», т. е. столовой. Не приходится сомневаться, что Хб-снй и ---ний состояли первый главным, второй подчиненным начальниками над заупокойными жрецами Бйв, и можно думать, что и Вх²й был писцом не кого иного, как Ппй. Нахождение на службе у частных лиц вполне оправдывало бы наименование всех четырех н(й)-д.т.ф, т. е. «собственными», личными служащими вельмож.

На этом кончается обзор известных мне случаев обозначения людей в их титулах как д.т. или нд.т. Мне кажется, что предложенное понимание д.т., основанное на словоупотреблении пирамид, оправдало себя и здесь. Но обзор наш будет неполным, если мы не остановимся на единственном, насколько знаю, случае в Старом царстве употребления нашего обозначения вне титула, не перед именем того или иного лица. Этот случай еще особенно примечателен потому, что выводит нас из круга отношений между отдельными лицами и вводит в употребление изучаемого выражения в государственном быту.

В заупокойном храме второго представителя V царского дома С'хв-р^c в уста одному из божеств царя была вложена к нему речь, полная ныне зияющих пробелов, но поддающаяся до некоторой степени восстановлению на основании родственных надписей того же храма.¹

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^a --- пишу (?) [всякую (?)]^b --- сотворил ты со[гласно(?)] сказ(?)^bанному (мною).

¹ Восстановление это дано К. Зете в книге: L. Borchardt. Das Grabdenkmal des Königs Saḥu-re^c. Band 2. Die Wandbilder (26. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft). Text. Leipzig, 1913, S. 95; оно дано также: K. Sethe. Urkunden des Alten Reiches, III (Urkunden des ägyptischen Altertums, herausgegeben von G. Steindorff, I. Abteilung, 3. Heft). Leipzig, 1933, S. 168—169.

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^а --- д.т всяк[ую под сандалию твою (?)], ^г [стянул для тебя сер]дц[а н]^а народа всякого.

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^а эфиопов (и) сириян, (чужеземные) нагорья всякие (и) поморье.

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^а [жизнь (и) процветание]^е всяческие (и) здоровье всяческое, (что) у меня, ноздрям твоим, С'хв-р^е, живи вечно!» (GKS II XIX = UAR 168—169).

^а Восстановлено на основании сходной, но только трехстрочной речи (GKS II V = UAR 168). ^б Чтение и восстановление мои на основании той же речи, — но, если точно издание, предшествующий «пище» знак, от которого уцелел только краешек, не подходит к тому, что стоит в той речи перед «пищею». ^в Восстановлено на основании расположения знаков. ^{г-д} Восстановлено на основании сходной речи (GKS II XX = UAR 168), в первом случае предположительно, во втором надежно. ^е Восстановление на основании родственной речи (GKS II V = UAR 168).

Нужное нам слово окружено спереди и сзади досадными пробелами. Передний пробел — строки отвесные — вышиною примерно в пять высоких знаков. Из них два с половиною покроет в начале строки достоверное восстановление «Сказывание слов: Дал (я) тебе», но за этими словами до д.т останется пробел в два с половиною высоких знака. Если предположить, что наше слово было не д.т, а нд.т, как то делает К. Зете, перед д.т можно будет восстановить воду и тем самым свести пробел до вышины в два высоких знака.

Задний пробел может быть заполнен в начале предположительно, к концу достоверно на основании родственной речи:

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]---(?) [(какие-то люди, так как уцелели низы сопроводительных знаков мужчины и женщины, притом собирательное понятие женского рода, так как этого рода последующее прилагательное)] всякая под сандалию твою, стянул (я) для тебя сердца народа всякого, доставил (я) тебе [в]ещь всякую [доб]рую, (что) у меня» (GKS II XX = UAR 168).

«Стянул (я) для тебя сердца народа» стояло несомненно и в изучаемой надписи, так как последние слова этого предложения читаются и там, но были ли в ней и предшествующие слова — «под сандалию твою» — достоверно решить нельзя. Единственное основание для положительного ответа — наличие в обеих надписях, примерно на одинаковом расстоянии от общего им «стянул (я) сердца народа всякого», женского собирательного обозначения для людей с последующим определением «всякая». Но и тут доказательность ослаблена неизвестностью: действительно ли то было одно и то же обозначение для людей? Ведь в одном случае от слова уцелели только низы сопроводительных людских знаков и звуковой состав неизвестен. Первоначально К. Зете восстанавливал его как нд.т и соответственно заполнял пробел в другой надписи словами «под сандалию твою», заимствованными из этой. Позже он отказался от сближения и взаимного дополнения надписей в этом месте. По неизвестным мне побуждениям он в позднейшем своем восстановлении перед остатками людских знаков в одной надписи восстановил уже не нд.т, а пс.т — частое, но не ясное людское обозначение, — а после [в]д.т в другой оставил незаполненный пробел. Мне кажется тем не менее, что наличие в обеих надписях слов с людскими знаками и последующим «всякая» на одинаковом расстоянии от несомненно общей части сильно говорит в пользу тождества этих слов и за одинаковое в обоих случаях продолжение.

Все это, однако, возможно и правдоподобно при одном условии — именно, что издатели правильно поместили обломок с д.т относительно

остальной надписи, а это как раз чрезвычайно сомнительно. На воспроизведении надписи Л. Борхардт приписал около обломка: «Не прилагивается?» (GKS II XIX); К. Зете к слову нд.т сделал такое примечание: «Помещенный сюда обломок с остатками этого слова по проф. Борхардту не прилагивается» (GKS II 95 прим. 1). В своих восстановлениях К. Зете не считается с сомнениями Л. Борхардта по поводу несовпадения черты облома у куска и у основы — и, быть может, напрасно. Знак на основе, который К. Зете считает женщиной, приходящейся позади мужчины, что на обломке, в издании снабжен поврежденною на конце бороною. Следовательно, если верить изданию, этот знак изображает вовсе не женщину, а бородатого и длинноволосого иноземца, и как раз такими знаками изобилует данная надпись и родственная ей GKS II V=UAR 168. Если это так, то перед нами последний из трех одинаковых знаков, сопровождавших какое-нибудь обозначение иноземных племен, как то можно неоднократно наблюдать в обеих надписях. Остаток слова «всякий» под нашим знаком этому бы не противоречил. Не в самой, правда, надписи, а в родственной ей GKS II V=UAR 168 обозначения иноземных племен, сопровождаемые тремя знаками иноплеменников, имеют как раз за собою слово «всякие». Но и сама надпись, хотя сохранившиеся в ней имена с тремя знаками иноземцев («эфиопы», «сирияне») не сопровождаются таким определением, имеет к нему явное предрасположение («народ всякий», «чужеземные) нагорья всякие» и т. д.) и могла приложить его в спорном месте и к обозначению с теми тремя знаками. Далее, если бы обломок был приставлен в должном месте, а издание, вообще очень тщательное, хотя бы приблизительно точно передавало местоположение знаков, змея д некуда было бы свесить свой хвост с обломка в плоское разрушенное пространство над «бородатую» женщиной.

Когда нет никакой уверенности в правильности положения обломка с д.т., было бы неосторожно делать какие-либо умозаключения о природе последнего на основании ближайшего окружения. Все, что известно об этом д.т., — это то, что оно стояло в речи, обращенной к царю каким-то его богом и сообщавшей о даровании тому последним всей вселенной и всех благ, что оно означало одно из этих дарений и было собирательным обозначением для некоего рода людей, притом мужчин и женщин, поскольку несомненно, что к уцелевшему на обломке сопроводительному знаку мужчины принадлежал некогда такой же знак женщины, только, конечно, не бородатой (оба знака с последующим «всякий» налицо в родственной надписи GKS II XX=UAR 168 после слова «народ» и восстанавливаемого нд.т или п^т.т). Это, конечно, очень немного, но тем не менее не лишено значения. Как неоднократно упоминалось и будет обстоятельно показано в особой главе, д.т. обыкновенно противостояло царскому, точно частное государственному. Здесь же сам царь оказывается обладателем людей, обозначаемых как д.т. или нд.т. Я не вижу причин, по которым это обозначение следовало бы обособить в отдельное слово, отличное от д.т./нд.т. в титлах частных лиц. То, что за последним никогда не следует непосредственно сопроводительный знак мужчины или женщины, а позади обозначения в царском храме налицо тот и другой, не является, разумеется, достаточным для того основанием. Как хорошо известно, в титлах сопроводительный знак мужчины или женщины — или, что по существу то же, маленькое изображение обозначаемого — помещались не после отдельных званий, входивших в титул, а на самом его конце, позади имени. Потому было бы странно ожидать в чьем-либо титуле знак мужчины или женщины непосредственно за д.т./нд.т.; знак же или изображеньице, стоявшие на концах

титл, относились также и к этому званию. Столь же естественно при употреблении вне титла $\underline{д.т/нд.т}$ могло получить свой сопроводительный знак и, поскольку в храме С'хв-р^c оно было употреблено в собирательном смысле, такими знаками там были одновременно мужчина и женщина.

В прошлом предложенный перевод $\underline{д.т/нд.т}$ как «собственный (человек)» неплохо себя оправдывал. Но тогда хозяевами выступали частные лица, теперь же таковым оказывается сам фараон. Кто такие «собственные люди» царя?

Быть может, это лично ему принадлежавшие подневольные производители? Если бы обломок с $\underline{д.т}$ был помещен правильно, можно было бы при желании вычитать из надписей противоположение $\underline{д.т/нд.т}$ «народу» (рхй.т) — как личных рабов царя, находящихся у него в полном подчинении («под сандалию твою»), «свободному» населению, которому только внушается страх («стягиваются сердца»), как то делалось по отношению к иноземцам. Такое понимание было бы, однако, уже потому неприемлемым, что попирање сандалиями имеет в царских надписях неизменно военный или государственный смысл: царь топчет врагов своими сандалиями, имеет подвластные ему народы под ними, но никогда не попирает ими принадлежащее ему лично рабочее население. Поэтому, если бы обломок был приставлен правильно, ответ на вопрос, не личные ли рабы царя его $\underline{д.т/нд.т}$, надо было бы дать отрицательный. Но нам надо ответить на этот вопрос и вне связи с гадательным окружением, поскольку правильность местоположения обломка весьма сомнительна и в другой связи он мог бы дать смысл, вполне согласный с принадлежностью $\underline{д.т/нд.т}$ лично царю. Конечно, при такой постановке вопроса у нас еще меньше данных для ответа, но и так, я думаю, надо ответить отрицательно. Я не знаю ни одной египетской надписи, где какое бы то ни было египетское божество даровало бы царю лично тому принадлежащих производителей. Единственно правдоподобным мне представляется поэтому, что $\underline{д.т/нд.т}$ в надписи С'хв-р^c обозначает не личных его рабочих людей, а всех подданных в целом. Как слуги и служащие являлись «собственными» людьми для частного домовладыки, так и все подданные были «собственными» людьми для «владыки обеих земель». Этим я не хочу сказать, что $\underline{д.т/нд.т}$ не могло употребляться для обозначения лично царю принадлежавших производителей и лично у него в хозяйстве занятых служащих; вполне возможно, что наше слово часто так и употреблялось. Я хочу только сказать, что в надписи С'хв-р^c я не нахожу такого его употребления. Здесь, по-моему, оно употреблено не в частновладельческом, а в государственном смысле.

б. $\underline{Д.т}$ о вещах

Мне известен только один случай обозначения вещей как $\underline{д.т}$, и это очень досадно, — во-первых, потому, что касательно староегипетских понятий о собственности такое словоупотребление могло бы быть особенно поучительным; во-вторых, потому, что содержащая этот пример надпись, очень ясная в целом, как раз в нужной нам частности достаточно темна.

Надпись эта высечена на стене гробницы придворного Вп-м-нфр.т и представляет собою завещание его в пользу старшего сына, в силу которого последнему предоставляется в отчей гробнице не только место для погребения (могила-склеп), но и место для получения заупокойных жертв (каплица). Надпись сопровождается большим изображением завещателя, с приподнятой, в знак речи, рукою. Речь сановника обращена к пятнадцати свидетелям, изображенным каждый за своим именем.

Винovníк торжества, старший сын вельможи, представлен скромного размера, у ног родителя, стоя лицом к нему. Завещание гласит:

«Год соединения обеих земель (т. е. год воцарения не названного по имени фараона), месяц 3-ий Выхождения (т. е. зимы), числа 29-го.

«Друг единственный (придворный чин) Вп (сокращение от Вп-м-нфр.т) рассказывает:

«Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Ибий д.т, (именно) могилу (х'т) северную с коморою (йз.т) северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которые в гробнице, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти моей, т. е. собственной моей), что от (места того), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды дара). (Да) погребут его в ней (и) возглашают (т. е. приносят заупокойную жертву) для него там. Состоящий в чести это. Не имеет права брат (мой) всякий на нее, (ни) жена (моя) всякая, (ни) дети (мои) все на нее, кроме сына (моего) старшего, заклинателя Ибий, коему дал (я).

«Дано было обок (т. е. в присутствии) свидетелей многих. Претворено в письмо обок (т. е. в присутствии) его самого.

«(Свидетели:) Врач Нфр-хр-н(й)-птх; распорядитель дома Нфр-сдм; „отрок“ (воин?) М'(й); врач глаз Нфр-тз; наставник рабов двойника (т. е. надзиратель за заупокойными жрецами) Н(й?)в(й?)-рдй; строитель Тзв; печатник (т. е. ключник) Тнтй; писец очерка (т. е. начертатель набросков, по которым извигались настенные изображения) Рс-х'й; ваятель Хнв; корабельщик (?) Вр-т; повиватель (т. е. приготовитель трупов в возможно нетленном виде) Схнтй(-?)в(й?)-йинв; мастер Бс-к(??); кладбищенский (каменосечец) К(??)-п'; раб двойника (т. е. заупокойный жрец) Птх-хтп; руководитель (рабочей) дружины Инб'.» (EG II между 190 и 191).

Отдельно, около самого изображения завещателя и в направлении, противоположном тому, в котором написано завещание, начертано:

«Сотворено обок (т. е. в присутствии) его самого, живого (и бывшего) на ногах своих, (когда) сотворял он приказание слова» (там же).

Что значит д.т между именем сына и наименованиями частей гробницы, ему предоставленных? Может оно быть словом «вечность»? Нет, не может быть — и по следующим причинам. Во-первых, при таком значении его закономерная последовательность слов, без того уже нарушенная, по староегипетской некоей вольности, постановкою косвенного дополнения «сыну» и т. д. перед прямым «могилу», была бы вконец упрямлена помещением не за, а перед последним еще обстоятельством времени д.т «навечно»: «Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Ибий, навечно могилу северную» и т. д. Во-вторых, значение «вечность» невероятно в силу внешнего строения надписи, так как она написана так: (см. на следующей стр.).

Если бы д.т. было существительным «вечность», употребленным как наречие «навечно» и, ввиду крайней пространности прямого дополнения, перенесенным вперед него в начало речи, естественно было бы ожидать д.т в конце 3-й строки после имени Ибий. Так же это д.т оказывается во главе первой отвесной строки, занятой исключительно прямым дополнением — предметом дарственной. Потому д.т хочется отнести обязательно к последнему, а никак не к содержанию лежащих строк.

Если д.т здесь не «вечность», оно должно быть нашим д.т. Возможность истолковать это д.т как приложение к имени Ибий исключена. «Сыну (моему) старшему, заклинателю Ибий, д.т (моему) (т. е. собственному человеку моему)» — ничего похожего на такой оборот невозможно найти в староегипетских надписях. Звание д.т («собственный (человек)») никогда не стоит в виде приложения после имени, как в том легко

Год, месяц, число.

Дано обок свидетелей многих и т. д.

Друг единственный Вп сказал: Дал сыну старшему, заклинателю Ибий			Свидетели
д. т могилу северную с коморою северной, что от возглашения, которые в гробнице, что от д. т, что от того, что под богом	(Да) погребут его и т. д.	жена всякая и т. д.	

убедиться, пересмотрев собранные выше примеры. Затем остается в полной силе только что приводившийся довод от внешнего строения надписи. Приложение д.т мы ожидали бы в конце 4-й лежачей строки после имени, которому оно было бы придано, а не во главе обозначения предмета дарения, вверху отвесной строки, заполненной донизу одним этим обозначением.

Потому остается только принять мнение издателя, видящего в д.т прямое дополнение к «дал (я)». Тем самым, д.т оказывается здесь обозначением того, что отец предоставил сыну. Но, спрашивается, чем же именно? В прошлом уже не раз доводилось свидетельствовать несостоятельность распространенного понимания д.т как «имение», «заупокойное имение», «земельная собственность». Но, может быть, это толкование оправдывает себя теперь? «Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Ибий, имение (или заупокойное имение), могилу северную с коморою северною, что для возглашения, которые в гробнице, что от д.т (моей)» не дает, конечно, если только вдуматься, никакого приемлемого смысла. Высеченная в скале подземная могилка и надземная капличка для поминок внутри чужой гробницы и посреди пустыни могут быть названы имением, простым или заупокойным, или земельною собственностью разве только в шутку. Немного лучше звучит перевод «недвижимость», поскольку могила и каплица — бесспорно, неподвижные предметы. Но только та и другая — не более как частички чужой гробницы, вкрапленные в ее каменную толщу, и эта толща составляет самые их стены. Говорить при таких условиях о сыновней «недвижимости» у меня не хватило бы смелости. Наконец, из разобранных уже нами случаев употребления д.т, будь то в определениях или вне их, многие настолько явно противились переводу д.т каким-либо обозначением земельного порядка, что возможность такого перевода где бы то ни было, в частности в данном случае, представляется заранее почти или вовсе исключенной.

Совсем по-иному пойдет у нас дело, стоит нам лишь понять д.т как «собственность». Такого рода истолкование д.т многократно было нами испытано, неизменно себя оправдывало и превосходно стоит за себя и здесь. «Собственностью» можно перевести загадочное слово независимо от того, будем ли мы читать его, как оно написано (змея д + хлеб т + земля), или мысленно наращивать спереди воду н, как то, видимо, надобно делать при обозначении нашим словом людей (см. первую часть главы).

Во втором случае мы имели бы нй-д.т «тот, что от плоти», застывшее в неизменное по роду слитное выражение «собственное» — «собственность». Но и без наращения все получается как нельзя лучше, так как тогда то была бы «плоть» (д.т), употребленная в расширительном смысле: первейшая «собственность» — плоть, — распространенная в «собственность» вообще.

Истолкование д.т как собственности находит на этот раз поддержку или даже, пожалуй, прямое подтверждение со стороны самого вещественного предмета, так обозначенного. Словом д.т обозначены в надписи северные склеп и каплица внутри отцовской гробницы, и мы оказываемся в состоянии воочию ознакомиться с тем и другим и их местом и значением в усыпальнице в целом.

Гробница представляет собой в основании почти равносторонний прямоугольник (22 × 20 м), обращенный своими сторонами почти точно на север, юг, восток и запад. Это внушительное каменное сооружение, вышиною не менее чем в три средних мужских роста, отчасти иссеченное из скалы, отчасти сложенное из отесанного камня. Вход внутрь этой громадной каменной гряды — с востока из небольшого дворика. Следует скромная передняя, из которой дверь на юг ведет в тайник с каменными изваяниями, дверь на запад — следовательно, прямо против входа — в каплицу хозяина с двумя ложными дверями в глубине, дверь на север — в каплицу сына. Позади каплиц сквозь толщу гробницы глубоко в скалу уходят колодцы склепов, по одному колодцу за каждой каплицей.

Бросается в глаза странное несоответствие в размерах между каплицею отца и каплицею сына: последняя (9.12 м в длину, 1.98 м в ширину, 3.19 м в вышину) чуть ли не в два раза больше первой (5.10 м в длину, 2.28 м в ширину, 2.37 м в вышину). Но сыновья каплица превосходит отчую не только величиною: она и не в пример той лучше отделана. У отца привозным — из қаменоломен по ту сторону реки — белым известняком были облицованы только ложные двери, у сына — самые стены его объемистой каплицы. Кроме того, из белого же известняка был сложен и ее потолок; дверь в нее тоже, по меньшей мере частично, была облицована этим камнем. Даже там, где высекались изображения и надписи, как на притолоках и косяках двери в каплицу, отец довольствовался поверхностью скалы, из которой они были иссечены. Изображения на этих дверях чисто семейного порядка, и надписи не идут дальше титл и заупокойных пожеланий. Заупокойными пожеланиями на имя хозяина они ограничиваются и на притолоках его ложных дверей. Совсем иное дело — каплица сына. Наддверные надписи и изображения не представляют ничего примечательного, но внутри каплицы, помимо завещания и изображений завещателя, его сына и свидетелей с соответствующими приписками, на одной из стен изваяно четыре пояса производственных изображений — медники, лошильщики, столяры, ваятели, изготовители украшений, пивовары и хлебопеки — со множеством надписанных над ними деловых разговоров и кратких обозначений работников. Отделана в каплице изображениями и надписями только южная часть восточной стены. Остальные стены остались без них, не были отделаны, как не были, по-видимому, доделаны и ложные двери в двух углублениях по концам западной стены. Однако, как замечает издатель, белокаменная обшивка каплицы несомненно была рассчитана на такую отделку.

Чем объясняется поразительное несоответствие по размерам и отделке между двумя каплицами? Объяснение может быть только одно: отец уступил своему рано умершему сыну каплицу, которую приготовил для самого себя. И это не только единственное возможное объяснение, это

свидетельство самих надписей, явственно слышное, стоит лишь внимательно прислушаться. Отец был очень высокопоставленным лицом. Его звания указывают на личную близость к царю, которому он был не только «другом единственным» (высокий придворный чин), но и прямым помощником при облачении (как «энхабовец главный, таинник дома утра»), «руководителем дворца» и распорядителем по столовой части (как «настоятель выдачи во дворе жизни»).¹ Мало того, он состоял в родстве с самим царским домом, так как жена его с громким именем Мр-с(й)-снх — известны царицы с подобным именем — была «дочерью царя». И вот при подобных связях сын — и внутри своей богатой каплицы, в отчем завещании и в приписке к сопутствующему изображению, и на притолоке над дверью в нее — не может похвалиться ни одним сколько-нибудь звучным званием. «Заклинатель (хрй-хв.т), таинник (неизвестно чего), писец книги бога, состоящий в чести у владыки своего» — вот самое пышное титло, какое ему можно было придумать (EG II между 190 и 191). Что то были совсем заурядные звания, подчеркивается наглядно тем обстоятельством, что и другой сын хозяина гробницы был тоже «заклинателем, писцом книги бога» (EG II 186). Естественно поэтому предположить, что Ибий умер молодым, не успев дослужиться до больших чинов. Только что упомянутый другой сын хозяина титлом своим подтверждает то как нельзя лучше. Отождествлять этого сына с Ибий нет никаких оснований. В той же передней, где последний над дверью в свою каплицу на обоих притолоках назван «Ибий» (EG II 189 = LXXII = LXXIII), другой сын на косяке двери в отцовскую каплицу именуется Хв-р^с. «Ибий», и только «Ибий», дважды зовется сын внутри своей каплицы, как в полном своем титле, так и в правой надписи — в самом отцовском завещании. Поэтому совсем невероятно, чтобы «Ибий» было кличкой Хв-р^с. В том, что оба сына одинаково именуется «старшими», нет ничего, что говорило бы за их тождество. Ведь «старший», как известно, не значило тогда обязательно «первенец», но прилагалось к любому из здравствующих сыновей, который в данное время был старшим среди своих братьев. По смерти старшего сына Ибий старшим сыном становился Хв-р^с, и это снова свидетельствует, что Ибий умер молодым.

Но есть еще одно любопытное обстоятельство, бросающее яркий свет на судьбы каплицы, уступленной Ибий, и одновременно на его собственную судьбу. Снимки (EG II LXXIV—LXXVI) совершенно ясно показывают, что завещание и связанные с ним приписки к изображениям завещателя, его сына и свидетелей начертаны совсем иначе, нежели приписки к соседним производственным изображениям. В то время как приписки к производственным изображениям выполнены все выпуклыми письменами, требовавшими большого труда, так как надо было вокруг них осторожно снимать окружающую поверхность, завещание и связанные с ним надписи написаны знаками, просто врезанными в камень. Это тем примечательнее, что так написаны даже титла к изображениям хозяина и его сына. Даже разделительные черты у надписей и изображений выпуклые в производственной и врезанные в завещательной части. Далее, завещание и соединенные с ним изображения и надписи просто прилеплены сбоку и отчасти сверху к поясам производственных изображений, не имеющим к завещанию ни малейшего отношения. Положение представляется вполне ясным. Ко времени смерти Ибий каплица в гробнице его отца была вся уже изнутри облицована и при-

¹ О значении этих званий см.: A. H. Gardiner. The mansion of life and the master of the king's largess. The journal of Egyptian archaeology, volume 24, London, 1938, pp. 83—91.

готовлена для нанесения на стены ее изображений и надписей, но из тех и других до кончины Ибий успели выполнить только четыре пояса надписанных производственных изображений. Когда Ибий умер, отец предоставил для его поминок свою незаконченную каплицу и поместил об этом завещание и соответствующие надписанные изображения около готовых четырех поясов. Последние занимали только часть стены и достигали только половины ее в высоту. Своими добавлениями отец нарастил отделанную часть поверхности как в ширину, так и в высоту, и так получил цельный отделанный сверху до низу кусок стены — внешне представительное целое, хотя и бессвязное внутри. Добавления делались упрощенным способом, и надписи их были только врезаны, но не изваяны. Тогда же были надписаны над дверью в каплицу титул ее нового владельца и заупокойное пожелание на его имя.

Согласно завещанию, отец предоставил сыну северный склеп. И действительно, в склепе внизу колодца позади каплицы Ибий оказался каменный гроб с человеческими останками.

Поскольку завещание говорит о северном склепе и о северной каплице, южный склеп и южная каплица должны были уже существовать ко времени составления дарственной или, по меньшей мере, быть намечены к выполнению. Во всяком случае оба они или одна каплица не были готовы настолько, чтобы приютить в себе и прах и поминальную службу умершего сына. Южная каплица, впрочем, так никогда и не была закончена, если судить о том по ее голым стенам, лишенным не только белокаменной обшивки, но и каких-либо надписей и изображений. Глубокий колодец позади этой каплицы, ведущий к южному склепу, не был до конца обследован, и потому неизвестно, в каком состоянии был оставлен этот склеп.

После того как мы поучились у самих вещественных носителей обозначения д.т, перевод соответствующего места завещания напрашивается сам собой:

«Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Ибий, собственные (мой) (или собственность (мою)?): могилу северную с каплицею северной, что для возгласения, которые в гробнице собственной (моей), что от (места того), что под богом».

Отец дал сыну свои собственные или свои личные склеп и каплицу в собственной своей гробнице на кладбище, чтоб он был в них погребен и поминаем, и потому никто из родственников не смеет притязать на них.

Трудно решить, как лучше воспринять д.т: как «собственный (предмет)» («Собственный (мой предмет, именно) могила северная» и т. д.) или как «собственность» («собственность (моя, именно) могила северная с каплицею северной»). Если бы второе было правильным, данное место было бы особенно значительным, так как давало бы готовое слово для «собственности», производное от слова «плоть».

Глава I. ДОМ Д.Т В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

а. Родственники дома д.т

Если определение «что от д.т» или «(от) д.т» означало «собственный», а «дом д.т» или «дом, что от д.т» соответственно значило «дом собственный», естественнее было говорить «такие-то родственники, что от д.т», т. е. собственные, нежели «такие-то родственники, что от дома д.т», т. е. от дома собственного. Неудивительно поэтому, что определение «что от д.т» или «(от) д.т» часто прилагается к родственникам, определение же «что от дома д.т» бесконечно редко. Мне известен всего один пример — из гробницы Пийй-снх Среднего:

«Доставка зелени (и) мясной жертвы всяких (и) птиц твоих (читай вместо «твоих» — «всяких») братьями, что от дома твоего, что от д.т (т. е. братьями дома твоего собственного)» (RTM IV IX).

Другими примерами могут показаться две следующие надписи. Одна — в безымянной гробнице некоего придворного в Саккара: «Смотрение на доставляемое е[му] детьми его, братьями его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от [дома] д[.т] его, из городцев его Низовья (и) Верховья» (ASAE XLIII 513). Вторая — вероятно, сходная, хотя и сильно поврежденная, надпись в гробнице Йтти по прозвищу Шдв: «--- ему в праздник всякий добрый (и) повседневно [деть(?)ми] его, бра[т]ьями [ег]о, [раба]ми [двойника], что [от] дома, что от д.т его» (D XVII).

Может именно показаться, что определение «что от дома д.т его» или «что от дома, что от д.т его» относится не только к рабам двойника, но и к детям и братьям. Однако на самом деле оно приложено только к рабам двойника, хотя писец вряд ли возражал бы против распространения его по смыслу и на родственников, как то показывает надпись Пийй-снх Среднего. После «детей» и «братьев» стоит притяжательное местоимение «его», после же «рабов двойника» притяжательного местоимения нет, так как оно дано в определении «что от дома д.т его», относящемся потому именно к ним. Правильность такого разбора подтверждается надписью в гробнице Хв.н-вх: «Доставка приветственного дара детьми его, братьями его, властями (т. е. управителями) его, челядью его, что от дома д.т его, рабами двойника, что от дома д.т его» (ASAE XII 140 = ASAE III 256). Здесь не только повторено «что от дома д.т его» после тех обозначений, к которым оно относится (после челяди и рабов двойника), но и каждый род доставщиков отделен от другого — и тем самым от его определений — предлогом йн «со стороны», переданным в переводе творительными падежами вводимых им обозначений, так что дословно было бы: «Доставка приветственного

дара со стороны детей его, со стороны братьев его, со стороны владетелей его, со стороны челяди его, что от дома д.т его, со стороны рабов двойника, что от дома д.т его».

б. Служащие дома д.т

Насколько редко родные бывают не «собственными», а принадлежащими к «дому собственному», настолько часто, и притом вполне естественно, служащие дома или хозяйства вельможи ставятся в связь именно с «домом собственным».

Чаще всего это имеет место в случае заупокойных жрецов, упоминаниями которых по понятной причине пестрят гробничные надписи. Большинство примеров обходится без притяжательных местоимений («рабы двойника, что от дома д.т», т. е. дома собственного), причем изредка опускается прилагательное принадлежности («что от») или, наоборот, включается между последними двумя словами («дома, что от д.т) — гробницы Нфр-сшм-сш².т по прозвищу Хнв (DARMK I XLII = 198), Нфр-сшм-птх (RTS II LXXX, LXXXI), Хв.н-вх (ASAE III 257; то же, но ошибочно, ASAE XII 142), с²нх-м^с-р^с (MAE 281), С'бв верховного мастера (DARMK I XXI = 94), Мррй (ASAE XLIII 494), Ир.т.н.ф (RIEMRCB 9), Птх-хти градоначальника (TP XXXVI), возможно, Йхуй (MKCI XXXII). Но нередко к д.т добавляется притяжательное местоимение («рабы двойника, что от дома д.т его»), при этом дважды или трижды (у Йтти и Пийй-с²нх Среднего) включается еще второе «что от» между «домом» и д.т, — гробницы Хв.н-вх (ASAE XII 140 = ASAE III 256), Пийй-с²нх Среднего (RTM IV XII), безымянного придворного в Саккара (с разрушенным «дом», ASAE XLIII 513), Йтти по прозвищу Шдв (D XVI; наверно, также XVII, см. выше); в предпоследнем примере притяжательное местоимение употреблено и после определяемого слова: «рабы двойника его, что от дома д.т его». Во всех случаях, за исключением предпоследнего, речь идет определенно о доставке умершему жертвенных приношений его заупокойным жрецами. В предпоследнем примере, очень поврежденном, говорилось о «смотрении» князя на работы в винограднике, и «рабы двойника», возможно, тоже доставляли его плоды или изделия своему мертвому хозяину.

Из других служащих чаще всего именуются по дому д.т писцы. «Писцы дома д.т, записывающие приветственный дар» хозяину, изображены в числе четырех в гробнице правителя К²-гм.н.й (MG II V = 17 104). В гробнице правителя Мрр.в-к² четверо писцов, из которых каждый назван «писцом, что от дома д.т», ведут учет скота (MM I LI = L), подобно тому, как в гробнице верховного мастера С'бв представлена «запись откормленных быков писцом, что от [дома] д.т С'бв», тезкой хозяина (DARMK I XXI = 100 = RTS II CVI = MAE 384). В гробнице придворного Йхуй «писец, что от дома д.т Йшт-м³с^с» и «писец, что от дома д.т, Шпсс (?)» пишут при сведении счета с «владельцами дворов», один «писец, что от дома д.т», Смр, ведет запись зерну, а другой, Мтв, считает его; писец того же звания стоит посреди пивоваров и хлебопек (GAR LXXI = MKCI IX). Возможно, то же титло написано над поврежденным изображением склоненного мужчины в гробнице «сына царева от утробы его старшего Сум-к²-р^с» (EG IV 115). Ясно видно «писец, что от» и «дом д.т», но между ними издание помещает почему-то хлеб т. Читать «писец хлеба, что от дома д.т» нельзя ввиду местоположения знаков, да и такого звания как будто нет в Старом царстве. Потому, возможно, загадочный хлеб т — ошибка, и надпись нуждается в сверке. Пример, однако, любопытен, поскольку доказывает существование пис-

цов дома д.т и у таких лиц, как старший царевич. «Писец (рабочих) дружин, что (= который, а не которые, так как прилагательное принадлежности мужского рода) от дома д.т» записывает рыбу, предназначенную для работников хозяйства, в гробнице правителя К'-гм.н.й (MG I XIX = 20 58 = GAR XCVIII B). Обычный товарищ писцов, блюститель отчетных ведомостей присутствует с титулом «приставник книги дома д.т» при учете зерна в гробнице Схм-нх-птх (GAR LI = MAE 289).

Несколько раз «дом д.т» попадает и в титулах низших управителей вельможного хозяйства. В гробнице областного князя Вр-йр-н.й в связи с полевыми работами управители селений названы «властелями дома д.т» (RTSS XVI), что было весьма уместным, поскольку под начальством у князя состояли не только властели его собственного дома или хозяйства, но и управители населенных мест его области вообще. В гробнице Тий неоднократно встречается звание «руководитель дружины, что от дома д.т» («что от» относится к «руководителю», а не к «дружине», так как по-египетски мужского рода); при этом раз имеется в виду корабельная дружина (ТТ XLVII = GT LXXX), три раза — дружина рабочих, влекущих изваяние вельможи (GT LXII (= TT I LIV), LXIV (= TT I LIV), LXV = TT I LV). В той же гробнице трое начальников корабельных дружин названы просто «руководителями дома д.т» (ТТ I XLVII = GT LXXX). В гробнице областного князя Д^св скотовод, ведущий к князю быка, обозначен как «управитель соединения, что от дома д.т» (RTDG II IV; «что от» относится к «управителю», не к «соединению», так как согласовано в роде с «управителем»), — опять очень кстати, поскольку князю были подчинены не только скотоводы его собственного дома, но и государственные — областные. В гробнице правителя Мрр.в-к' в связи с судостроительными работами названы «старшины, что от деревообделочной мастерской, что от дома его, что от д.т» (MM II CXLIX = CL = GAR XXXVII); второе «что от» также относится к «старшинам», так как по-египетски мужского рода множественного числа. Ссылка на принадлежность судостроительной мастерской к собственному дому или хозяйству вельможи была, вероятно, вполне целесообразной, так как верховному сановнику царства могло быть подведомственно и государственное судостроение.

Возможно, к служащим надо отнести и «певца (или певцов?), что от дома д.т», упомянутого в гробнице Тий (GT LX = LIX), а также «проводятого (шмс), что от дома д.т» и «(того,) что с мерою, что от дома д.т», изображенных за учетом зерна в гробнице Йхуй (MKCI IX = GAR LXXI).

в. Работники дома д.т

Не менее понятно и частое употребление «дома д.т» как определения к обозначениям подневольных людей, занятых в частном хозяйстве вельможи.

В гробнице Хв.в-вх читаем: «Доставка приветствия (т. е. приветственных приношений) детьми его, братьями его, властелями (т. е. управителями) его, челядью (мр.т) его, что от дома д.т его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от дома д.т его» (ASAE XII 140 = ASAE III 256). «Челядь» имелась также в царском и храмовом хозяйствах. Надпись явно имеет в виду личную челядь вельможи, как показывает упоминание ее между ближайшими родственниками и управляющими и личными заупокойными жрецами вельможи. Обозначение «челядью его, что от дома собственного его» было потому здесь вполне на месте.

Можно привести и надпись в гробнице областного князя Пий-с-вх Среднего: «Приходит челядь (мр.т), что от дома, что от д.т, жертвоприноше-

ния (? ?) всякие, вещь всякая добрая» (RTM IV IX; конец надписи явно не в порядке).

Затруднение в отношении этой надписи состоит в том, что изображены под нею с дарами мужчины, из которых ни один, судя по приписанным им званиям, не может быть назван челядинцем. Однако эти звания были, возможно, приписаны позже изваяния изображений и приведенной надписи. Подобные надписания задним числом первоначально безымянных людских изображений — не редкость в гробницах и делались иногда совсем невпопад. Если отвлечься от приписок к отдельным изображениям и переводить мр.т и здесь как «челядь», определение «челяди» как той, «что от дома собственного», было бы особенно целесообразным в данной гробнице, так как областному князю могли быть подчинены и государственные мр.т.

Много чаще, чем редкое в гробницах мр.т, встречаются с определением «что от дома д.т» обозначения рабочих подразделений.

Особенно много примеров таких определений после слова йз.т «(рабочая) дружина». Обыкновенно это дружины, занятые на полевых работах. В одних гробницах при этом обходятся без притяжательных местоимений, имеющих в виду вельможу, в других такие местоимения употреблены. Простое «дружины дома д.т» или «дружины, что от дома д.т» дают гробницы Вр-йр-нй (RTSS XVI), Н(й)-с(в)-хв (DAA II CVI b, CVII), Н(й)-с^{нх}-пйпй (DAA II CXI h), Йй-н(й)-нфр.т (AGGAK V—VI=24). «Дружина (читай: дружины?) его, что от дома д.т» находим в гробнице Нфр (G VI между 72 и 73), а «дружины, что от дома его, что от д.т» — в гробнице Нфр-б².вл.тх (DAA II LVI); гробница Йй-мрйй дает подробное «дружины его, что от дома его, что от д.т» (DAA LI два раза), и упомянутый только что Нфр пишет: «дружина (читай: дружины?) его, что от дома его д.т» (G VI между 64 и 65 = 60 = 59). Поскольку «дружины» — йз.вт — могли быть и государственными, указание на принадлежность их собственному дому вельможи было вполне уместным, особенно в таких гробницах, как Вр-йр-нй, Н(й)-с(в)-хв и Н(й)-с^{нх}-пйпй, из которых первые два достоверно, а третий вероятно были областными князьями, располагавшими в той или иной мере и государственными рабочими руками в пределах своей области. У Вр-йр-нй и Н(й)-с(в)-хв необходимость такого различия наглядно показана на самих надписанных изображениях. Так, у первого мы читаем над жнецами во втором снизу поясе: «Жатва ячменя дружинам(и) дома д.(т)» и «Жатва ячменя дружиною малою(?)»; в нижнем поясе же: «Жатва полбы рабами царя» и «Жатва дружиною малою(?)». У второго над жнецами в одном и том же поясе надписано слева: «Жатва полбы дружинами дома д.т»; справа: «Жатва полбы рабами царя». Дружины собственного дома или личного хозяйства князя четко противопоставлены государственной рабочей силе, используемой им, в силу своего положения во главе области, в своих нуждах в страдную пору, когда не хватало собственных рабочих рук.

Но рабочие «дружины, что от дома д.т» или просто «дружины дома д.т» мы находим и за пределами земледельческих изображений. В гробницах Хтп-хр-²х.тй (MAE 343) и P^c-шпсс (DAA II LXIV bis два раза) такие дружины влекут изображение хозяина, а в гробнице Пхн-в(й)-к² они же упоминают в конце отбитой надписи, предварившей изображение вельможи, смотревшего на ловлю зверей в пустыне и деятельность своих птицеловов и рыбаков (DAA II XLVI).

Несколько более редкое в гробницах слово тз.т «соединение», обозначавшее, судя по его написанию и употреблению, более широкие и не только производственные объединения подвластного населения,

также охотно получает определение «что от дома д.т». В гробнице верховного сановника К'-гм.н(.й) мы читаем о доставке ему приношений по праздникам и ежедневно «наставниками рабов двойника (т. е. средней руки начальниками над заупокойными жрецами), надзирателями рабов двойника (т. е. низшими над ними начальниками), рабами двойника (т. е. рядовыми заупокойными жрецами), соединениями всеми, что от дома д.т» (MG II XXXII, то же с пропуском простых «рабов двойника» — XXI—XXII). Оба раза «что от дома д.т» относится непосредственно к «соединениям», так как, хотя последние написаны без своего женского окончания тз(.вт), прилагательное принадлежности «что от» согласовано в роде не с мужскими обозначениями жрецов, а с женским «соединения», не нй.в, а н(й.в)т. Указание на принадлежность данных «соединений» собственному дому правителя было прямою необходимостью, так как ему, как верховному сановнику государства, в той или иной степени были подначальны государственные рабочие и военные «соединения». Вполне оправданною была потому и придача соответствующего определения «соединению» (тз.т, здесь с выписанным женским окончанием) в другом месте гробницы, где говорилось о наблюдении сановником за «распределением рыбы соединениям, что от дома, что от д.т» (MG I XX—XXI = 20 66). До нас дошло служебное отношение в связи с вызовом одним из верховных сановников того же VI царского дома из каменоломен в столицу «соединения» для выдачи ему одежды перед правительственным зданием (ASAE XXV 242—255 = JEA XIII 75—78).

В гробнице областного князя южной окраины страны, города Йэб (греч. Елефантины), С'бнй, в рассказе о путешествии его в Эфиопию за останками скончавшегося там родителя, отбытия князя описано так: «--- соединение, что от дома д.т (моей), (и?) 100 ослов (были) со (мною) с [ума]щением, медом, одеждою» и т. д. (UAR 136); об увозе же тела почившего сказано: «... друга единственного (высокий придворный чин) этого на осле. Дал я быть подняту ему соединениями, что от дома, что от д.т (моей). Сотворил (я) ему ларь (т. е. гроб) ---» (UAR 136—137).

Указано, что князь обогатил соединениями собственного дома, было совершенно необходимо, так как в распоряжении князя могли быть государственные воинские «соединения». Вельможа Внй водил повторно в походы именно такие «соединения», набранные, в частности, и на юге, начиная с Йэба (UAR 101—105), и о «соединениях», составленных из представителей соседних племен, говорится в переписке самих князей Йэба, притом все того же времени — VI царского дома (НРКМВ III III = JEA XXVIII 17 = ХДИТ I II).

В конце своего рассказа С'бнй говорит о своем обратном пути из верхней Эфиопии на север: «Спустился я в В'в².т (т. е. северную Эфиопию) (в?) Вт(?)к. Отправил я честного мужа царева Йрй с присными (мр) 2, что от [дом]а, [что от] д.т (моей), как провозвестников (?) с ладаном --- слоновым длиною в 3 локтя зубом 1, чтобы дать знать (двору), что львиная длиною в 6 (или 7?) локтей шкура (?) 1, доставленная отцом (моим) этим, [с] приношениями всякими, [доставленными (мною)] из (чужеземных) нагорий этих» (UAR 137).

Трудно сказать, кто были двое «присных» — вольные служащие или подневольные слуги. В последнем случае мы правильно поступили бы, включив их в наш обзор на этом месте. Но, как бы то ни было, определение «что от дома собственного моего» было приложено к ним не зря, а чтобы отличить их как лично княжеских людей от первого посланца — царева честного мужа Йрй.

С большим основанием можно предполагать подневольное состояние в другом случае. В гробнице верховного сановника К'-гм.н(.й) читаем:

«[Смот]рение (на) приветствие (т. е. приветственные приношения), зелень (?) всякую, доставляемые из дворов его, из городцов его низовых (и) верховых наставниками рабов двойника (т. е. средней руки начальниками над заупокойными жрецами), надзирателями рабов двойника (т. е. низшими над ними начальниками), рабами двойника (т. е. рядовыми заупокойными жрецами), людьми всеми, что от дома д.т» (MG II 16 90).

Эта надпись почти дословно совпадает с началом двух других из той же гробницы, приведенных выше в связи с «соединениями»:

«--- город(?)[цов] его (?), что от дома, что от д.т, которые в [земле] Низовья (и) Верховье наставниками рабов двойника, надзирателями рабов двойника, рабами двойника, соединениями всеми, что от дома д.т» в такие-то праздники и «повседневно» такому-то (MG II XXXII—XXXIII);

«---, доставляемое из дворов его, [из городцов его, что от дома д.т, котор]ые в [земле] Низовья (и) Верховье, наставниками рабов двойника, надзирателями рабов двойника, соединениями всеми, что от дома д.т» в такие-то праздники и «повседневно» такому-то (MG II XX—XXIII).

Где в последних двух надписях стоит «соединения все, что от дома д.т», там в предыдущей названы «люди все, что от дома д.т», так что очень похоже, что эти «люди» (рмт) по сути дела тождественны с теми «соединениями» (тз.т). Указать, что правящие поминки «люди» принадлежат собственному дому, было существенно, потому что верховному сановнику были подчинены «люди все» по всей стране.

После обзора обозначений общего порядка перейдем теперь к обозначениям отдельных родов производителей, связанных с домом д.т.

«Ловля сетью птиц птицеловами, что от дома д.т» показана в гробнице Птх-хти правителя (SM I XI). О «птицах, доставляемых ему (т. е. хозяину) ловцами, что от дома д.т его» читаем в гробнице другого правителя Мрр.в-к³ (MM I XLI = GAR XCVI). «Удильщик, что от дома д.т» представлен в гробнице третьего правителя К³-гм-н.(й) (MG I IV = 19 I).

«Пастухи, что от дома, что от д.т его» упомянуты, по-видимому, в поврежденной надписи в гробнице областного князя Йтй по прозвищу Шдв перед изображением его, обозначающего скот (D XVIII).

«Резание упитанного быка резником, что от дома д.т» изображено одинаково в гробницах Тйй (GT LXXII) и Птх-шпсс (SVPTAE 167). Отрезает у туши ногу «резник, что от дома д.т» также в гробнице Тп-м-с³нх (MAE 194).

«Судостроение мастеров (хмв.т), что от дома д.т» — так написано изображение постройки корабля в гробнице областного князя Д^св (RTDG II X = RTRPAEA XX 172); «--- [(некое судно)] топорщиками (в данном случае — плотниками), что от дома д.т» уцелело от надписи над судостроительным изображением в гробнице Тйй (GT CXIX). «Топорщик (здесь — столяр), что от дома д.т», — гласит надпись над двумя мужчинами, лощиками ларь для жезла, в гробнице областного князя Йбй (RTDG I XIV). «Битье ларя лощиками лощильщиками, что от дома, что от д.т» изображено в гробнице Тйй (GT CXXXII), и там же показано «лощение ложа черного дерева лощильщиком, что от дома д.т» (GT XXXIII).

«Каменосечцы, что от Местожительства (фараона) (и) дома д.т, творящие жалуемое (господином)» представлены за обтесыванием камня в гробнице областного князя Йбй (RTDG I XVI).

Наконец, в той же гробнице показаны за своею работою «прачешники, что от дома д.т» (RTDG I VIII).

Значительная часть приведенных примеров приходится на гробницы областных князей и правителей (так называемых «везирей»). Здесь обо-

значение тех или иных работников как принадлежащих собственному дому владельца усыпальницы имело сугубый смысл, поскольку точно такие же производители, но только не собственные, могли состоять под начальством князей в их областях, а у верховных сановников даже по всей стране. В гробнице областного князя Ибй мы находим прямое противопоставление работников собственного дома таким же работникам «Местожительства» фараонова, работающим на того же князя вместе с первыми и, возможно, присланным из столицы, а не бывшим местными государственными ремесленниками. Подобное противопоставление мы встречаем у Ибй дважды.

Рядом изображены два ларя, над каждым работает по двое мужчин. Правое изображение надписано: «Битье лоцилами, ларь (?) мастерской (?); между обоими мужчинами стоит: «Топорщики (в данном случае — столары), что от Местожительства».

Над левым изображением надпись: «Битье лоцилами, ларь для жезла в доме ---»; между мужчинами же читаем: «Топорщик(и), что от дома д.т» (RTDG I XIV).

Представлено несколько каменотесов, сообща тешущих глыбы камня. Вверху надпись: «Каменосечцы, что от Местожительства (и) дома д.т, творящие жалуемое» (RTDG I XVI).

За недостатком места не могло быть указано, кто жалующий добротную работу мастеров. Но по соседству в том же поясе мы видим четырех писцов, являющихся «писцами, что от д.т его (т. е. князя)» (RTDG I XIII) и названных один «писцом управител(я?) дома, творящим приказ владыки своего», другой «писцом управител(я?) дома, творящим жалуемое владыкой его, находящимся в сердце [его], третий «[писцом] управител(я?) дома, находящимся в сердце владыки [своего]». И точно, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения, кто «владыка», последний писец повернул назад голову к сидящему позади князю (RTDG I XV—XVI). Возможно, впрочем, что надпись над каменотесами и не могла быть дописана по образцу писцовых, если было непозволительно наименовать князя владыкою «каменосечцев Местожительства».

г. Управа дома д.т

В качестве учреждения, ведавшего отчетностью вельможного хозяйства, в гробницах часто бывает изображена в составе нескольких должностных лиц, в том числе обязательно писцов, «управа (д'д'(.)т), что от дома д.т» или иногда — с пропуском прилагательного принадлежности — «управа дома д.т».

Как «управа дома д.т, считающая вещи в городцах его (т. е. вельможки)», шествует она для выполнения своих обязанностей (гробница Хтп-н(й)-птах, DAA II LXXI). Она сопровождает хозяина при «обозрении битья (т. е. выдергивания) льна, жатвы ячменя (и) полбы, уборки (т. е. увоза на ослах с поля), нагромождения на гумнах в городцах, что от дома д.т» (гробница Тий, GT CXXI); выступает как «управа, что от дома д.[т], которая мерит [(какое-то зерно)] --- . . . доставленное с Верховья, дворов его дома [д.т] --- . . .» (гробница P^c-шпсс, DAA II LXII); принимает зерно от управляющих, когда происходит «учитывание властей управою, что от дома д.т» (гробница К'-м-нфр.т, MAE 246); она же ведет учет скота — «счет управою, что от дома д.т» (гробница Тий, GT CXXIX); возможно, представляет соответствующую ведомость (гробница Спм-нфр IV, G XI 209); записывает птицу (гробница P^c-шпсс, DAA II LXI б); присутствует при смотре хозяином птицеводства (гробница Тий, TT I XXVII = XIX = GT XXIII); принимает отчет от управ-

ляющего пищевым производством (та же гробница, TT I LXVII = LXVI = GT LXXXV—LXXXVI); тут как тут при смотре вельможею своих ремесленников — медников, ваятелей, столяров, кожевников и т. д. (та же гробница, GT CXXXII); заседает и пишет подле хозяина даже в часы его досуга, когда вельможа под звуки игры и пенья тешится с супругою пашками (гробница К³-м-снх, G IV, между 36 и 37). В подавляющем большинстве случаев «управа» в гробницах снабжена определением по дому д.т. Поскольку в Старом царстве существовали и государственные судебные управы (д'д(').т), обозначение частных управ, судивших и рядивших — или, выражаясь более по-египетски, сводивших счет — в личном хозяйстве вельмож, как «управ, что от дома собственного» было весьма уместным.

д. Отдельные хозяйства дома д.т

В качестве местных хозяйственных единиц дома д.т, разбросанных по всей стране, гробничными надписями называются обыкновенно «городцы» (нв.т), много реже «дворы» (хв.т) и еще реже «дворы двойника» (хв.т-к'). Удобнее начать обзор с городцов, не только потому, что они чаще упоминаются и тем самым о них больше сведений, но и потому, что именно городцы и были основными хозяйственными единицами вельможных владений.

«Городцы, что от дома д.т» являются местом полевых работ.

В гробнице Йй-мрй.й перед хозяином, глядящим на них, написано:

1) «Смотрение на пахоту (землепашество в широком смысле, поскольку изображены жатва и уборка хлеба на гумно?) в его городцах, что от дома д.т» (DAA II LI).

В гробнице Тйй стоит:

2) «Смотрение на битье (т. е. дерганье) льна, жатву ячменя (и полбы, уборку (с помощью ослов, т. е. увоз с поля), громождение (в скирды) на гумнах в городцах, что от дома д.т» (GT CXXI).

В гробнице Хвв-вр над жнецами надпись:

3) «...жатва в городцах его, что от дома д.т» (DAA II XLIIIa = EG V 245).

Местом отбытия судна, идущего под парусом, следовательно вверх по течению, являются «городцы, что от дома д.т» в гробнице Тйй:

4) «Приход из земли Низовья из городцов, что от дома д.т, после того как посмотрел их друг единственный . . .Тйй» (GT LXXX).

Предметом хозяйственного надзора «городцы, что от дома д.т» предстают в гробнице Тсн, где на изображении выхода вельможи над сопровождающими его должностными лицами написано:

5) «Смотр городцов, что от дома д.т» (EG V между 268 и 269 = 266).

Эти должностные лица: «управитель дома», трое «писцов», «приставленник книги» (т. е. хранитель ведомостей) и «крепкий голосом» (т. е. выкликатель чисел при счете зерна), иными словами управа вельможного хозяйства в полном составе. Вельможа и его многолюдное сопровождение отправились в дальний путь под открытым небом, поскольку хозяин следует в крытых носилках, а провожатые несут всякие предметы, какие могут понадобиться в пути.

Иной смысл «смотрение городцов» имеет в гробнице Сн.нв-снх, так как относится там к обозрению вельможей доставляемых ими приношений:

6) «Смотрение городцов, что от дома д.т» (MAE 317).

Обыкновенно «городцы, что от дома д.т» упоминаются в гробнице в связи с доставкой ими или из них потребного для заупокойной жертвы вельможе:

7) «Доставка возгашения (заупокойной жертвы) городцами, что от дома д.т, которые в земле Низовья и Верховье, другу единственному (придворный чин) Тий» (гробница Тий, GT CXV);

8) «Смотрение на доставку возгашения (т. е. заупокойной жертвы) повседневно наставнику творящих волосы (т. е. ухаживающих за волосами) царя М²-нфр, доставляемого (имеется в виду возгашение) из городцов дома д.т» (гробница М²-нфр, DAA II LXVII = A1MB I 111);

9) «Смотрение на возгашение, доставляемое из дома царя (и) из городцов его дома д.т» (ASAE XVI 261);

10) «Управа, счита(ющая) возгашение, доставляемое из городцов его дома д.т» (ASAE XVI 266; отдельные надписания членов управы и общий к ним заголовок напечатаны в издании слитно; предложенное чтение основано на сопоставлении с DAA II LXXI и LXII).

Последние две надписи примечательны тем, что находятся в гробнице царевича X^c.ф-хвфв, будучи тем самым одним из свидетельств о применении понятия «дом д.т», т. е. собственное, частное хозяйство, и к владениям членов царского дома.

11) «[Смо]трение на жертву, доставляемую городцами его, что от дома д.т, для возгашения (т. е. заупокойной жертвы) повседневно» (гробница С⁶в, MAE 144).

12) «Смотрение на жертву, доставляемое из городцов, что от дома д.т, для возгашения» (гробница Xм-р^c, MAE 138).

13) «Учет поставок городцов, что от дома д.т, доставляемых землю Низовья для возгашения, сыном его старшим, возлюбленным его, судьей, управителем (области или царских угодий) Птх-хтп» (гробница правителя X.тй-хтп, MPAS II XV = XIII).

14) То же, с заменю «земли Низовья» «Верховьем» (там же, MPAS II XVI = XIV).

15) «Смотрение на приветствие (т. е. приветственную жертву, судя по сопроводительным знакам хлебов, сосуда, голов птичьих и бычьей), доставляемое из городцов его, что от дома д.т, что (т. е. городцы) от земли Низовья» (гробница К²-пв-р^c, MAE 275).

16) «Доставка приветствия (т. е. приветственной жертвы, судя опять по сопроводительным знакам хлебов и пива) городцами, что от дома д.т, что (т. е. городцы) от Верховья» (гробница Птх-хтп правителя, SM I IX = MAE 353; в последнем случае опущено «что от Верховья»).

17) Конец соответственной надписи касательно «[городцов], что от дома д.т, что от Низовья» (там же, SM I XVII 7; ср. выше — надписи 15 и 16).

Приветственные приношения в широком смысле имеются в виду в гробнице Пхн-в(й)-к², поскольку надпись стоит перед шествием представительниц городцов со всевозможными поставками:

18) «Доставка приветствия городц(а)ми его, что от д.т его (т. е. собственными его; об этом месте см. главу о простом д.т, раздел о селениях), которые в Низовье (и) Верховье, что (т. е. городцы) от дома д.т» (DAA II XLVI).

О «приветствии» в широком смысле шла речь, вероятно, и в гробнице Н(й)-к²-в-р²:

19) «Смотрение на [приветствие, доставляемое] из (? — в старинном здании вместо совы пчела!) городцов дома д.т» (DAA II XV).

Перед хозяйном гробницы, около которого начертана эта надпись, — ряд изображений: предъявление ведомостей, шествие должностных лиц, шествие представителей селений с их приношениями, пригон скота. Несмотря на свое поврежденное состояние, надпись имеет особое значение, так как, подобно надписям 9 и 10, свидетельствует о том, что

понятие «дома д.т» распространялось и на владение членов царской семьи — в данном случае самого «сына царева, от утробы его, старшего».

Чаще всего «приветствие», однако, обозначает одну живность, доставляемую хозяину городцами — опять таки, как видно по первому примеру, для заупокойной жертвы:

20) «Смотрение описи привет[ствия, до]ставляемого для возгласения (т. е. заупокойной жертвы) из городцов, что от дома д.т», — перед сановником, глядящим на доставку скота и птицы (гробница Йй-мрий, DAA II LIV).

21) «[См]отр[ение на] приветствие, доставл[енное] из городцов, что от дома д.т», — перед вельможею, которому доставляют скот и предъявляют на него ведомость (гробница Хвв-вр, EG V 248).

22) «Смотрение на приветствие, доставляемое из городцов, что от дома д.т, которые в земле Низовья (и) Верховье», — перед вельможею, глядящим на доставку скота (гробница Тий, GT CXXXVIII).

23) «Смотрение на приветствие, доставленное из городцов его, что от дома д.т Низовья (и) Верховья», — перед вельможею, глядящим на доставку скота и птицы (гробница P^c-шпсс, DAA II LXI b).

24) «Учет приветствия городцов его дома д.т» — около писца, участвующего приводимых животных (гробница Хтп-см².т, DAA II XXIII).

25) «Приветствие, доставляемое из городцов, что от дома д.т», — на изображении доставки скота, зверей и птицы (гробница Пхн-в(й)-к², DAA II XLV c).

26) «Доставка к смотру приветствия, доставленного из городцов, что от дома д.т», — над домашними птицами (гробница Тий, GT CXXXIX).

О «приветствии» скотом шла речь, наверное, и в гробнице K²-м-нфр.т.

27) «Смотрение на [приветствие---], доставляемое из городцов... (в старинном здании тн «эта» — может быть, ошибочно вместо т. ф. «его»), что от дома д.т в земле Низовья (и) Верховье (в) большом (количестве) весьма», — около вельможи, смотрящего на доставку скота (гробница K²-м-нфр.т, MAE 248).

В иных местах о животных говорится в самих надписях:

28) «Доставка приветствия, [с]кота пустыни всякого, доставленного из (в издании коршун² вместо совы м) городцов его, что от дома д.т его» (гробница ²х.тй-хтп, MAE 430).

29) «Смотрение на ---[антилоп (или коз?), упитанных быков, птицу, доставляемых из городцов, что от дома д.т» (гробница M'-нфр, DAA II LXIX = AИМВ I 108).

Вероятно, о доставке водяной птицы говорилось в гробнице ²х.тй-хтп-правителя:

30) «Смотрение на --- работу поля, доставляемое ловцами из городцов, что от дома, что от д.т», — перед вельможею, смотрящим на ловлю и доставку птицы и, возможно, кое-что еще, поскольку верх изображения погиб (MPAS II VI = IV).

Несколько раз «городцы» выступают в обществе других хозяйственных единиц: обыкновенно это «дворы», и только однажды к ним присоединяются «дворы двойника».

31) «Доставка кусков мяса (и) птиц наставниками рабов двойника (т. е. средней руки начальниками над заупокойными жрецами) (и) надзирателями рабов двойника (т. е. низшими их начальниками), доставляемого из дворов его, из городцов его, что от дома д.т в земле Низовья (и) Верховье» (гробница Нфр-см-см².т, DARMK I XLII).

32) «Доставка кусков мяса, птиц --- всяких --- дост(?) авляемых из дворов его, городцов его, что от дома, что от д.т, которые в земле Низовья (и) Верховье, наставниками рабов двойника, надзирателями рабов

двойника, рабами двойника, соединениями всеми, что от дома д.т» в такие-то праздники и повседневно верховному судье и правителю К'-гм.н(й) (гробница К'-гм.н(й), МГ II 19 177).

33) «[Смот]рение на приветствие, зелень всякую, доставляемую из дворов его, из городцов его, что от земли Низовья (и) Верховья, (и) дворов его двойника, что от того, что между двумя гранями (т. е. между западными и восточными горами и нагорьями?), что от дома д.т» (та же гробница, МГ II V; представляется, что заключительное «что от дома д.т» относится не только ко «дворам двойника», но также к просто «дворам» и «городцам»).

Есть, наконец, несколько надписей, где говорится об одних «дворах» и «дворах двойника», без упоминания «городцов»:

34) «Смотрение на упитанных быков, доставляемых из дворов его, что от дома [д.т]», — над изображением пригона скота к вельможе (гробница С'бв, DARMK I XXI = 101 = RTS II CVI = MAE 384);

35) «Смотрение на приветствие (т. е. приветственный дар), поставки дворов Низовья (и) Верховья дома д.т», — перед вельможею, глядящим на доставку скота, зверей и птицы (гробница Птх-хти градоначальника, TP XXXIII + XXXI).

36) «Смотр отборнейшего из быков хлевов дворов (и) дворов двойника, что от дома, что от д.т» — на изображении доставки вельможе живности (та же гробница, TP XXXI).

37) «Смотр упитанных быков, поставок для Тховтова праздника из дворов (и) дворов двойника, что от земли Низовья (и) Верховья, дома, что от д.т (т. е. что от дома д.т земли Низовья и Верховья)», — на том же изображении (та же гробница, TP XXXI).

38) «Смотр приветствия, птиц, поставок дворов (и) дворов двойника, что от земли Низовья (и) Верховья, дома, что от д.т (т. е. что от дома д.т земли Низовья и Верховья)», — на том же изображении, над птицами (та же гробница, TP XXXI).

39) «Смотр упитанных бык(ов) для Тховтова праздника, доставляем(ых) из дворов двойника, что от дома д.т в земле Низовья (и) Верховье», — перед вельможею (гробница х.тй-хти правителя, MPAS II XX).

Следует заметить, что из 38 примеров только один (28) ставит притяжательное местоимение «его» после «дома д.т», да и то снабдив им предварительно также «городцы»: «городцы его, что от дома д.т его». В большинстве случаев, именно в 23, притяжательное местоимение отсутствует вовсе: его нет ни после «дома д.т», ни после «городцов», «дворов» или «дворов двойника» (2, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 16, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 29, 30, 35, 36, 37, 38, 39). Тем не менее, свыше трети примеров снабжает притяжательным местоимением «его» «городцы», «дворы», «дворы двойника» (1, 3, 9, 10, 11, 15, 18, 23, 24, 28, 31, 32, 33, 34, ср. 27), причем в одном случае (1) местоименное «ф» оказывается не после знаков городцов, а перед ними, после некоего ит, как если бы то было независимое местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода итф, употребленное как притяжательное перед существительным — притом после предлога! Нехорошо то, что издание надписи очень давнее; если оно верно, остается только предположить ошибку писца, — скажем, повторное написание нв.вт «городцы»: раз звуковыми знаками «н» и «т», с придачею местоимения «ф», другой раз изобразительным способом — тремя городцами с добавлением звукового знака для окончания «т». Однако звуковое написание для «городцов» было бы настолько беспримерным, а повторение звукового знака для окончания «т», с придачею местоимения «ф» первому «т», — настолько чудо-

вищным, что трудно допустить такую ошибку писца. Возможно все же, что ошибочно издание.

Очень существенно для определения понятия дома д.т частое указание на расположение его городцов и дворов в обеих половинах страны (7, 13 + 14, 16 + 17, 18, 22, 23, 27, 31, 32, 33, 35, 37, 38, 39), так как тем самым ясно свидетельствуется, что дом д.т не есть отдельное имение, будь то заупокойное или обыкновенное, но хозяйство в целом, охватывающее всю совокупность владений данного лица, в каких бы частях страны они ни находились.

Ссылки на то, что городцы и дворы принадлежат к «дому собственному», были отнюдь не лишними, так как хозяева гробниц могли править как казенными, так и принадлежавшими другим лицам хозяйственными единицами. Наглядным пояснением потребности в таком различии может служить титул сановника начинающегося IV царского дома Мтн, — одно из многих в его гробнице, но в отличие от прочих содер-жащее наряду со званием Мтн как управителя («властеля») владений казенных «дворов больших» также звание его как управляющего городцами «дома собственного» (в данном случае, может стать, его личного дома, а не частного хозяйства какого-нибудь высокопоставленного лица):

«Властель городцов двора большого¹ Мсдв.т; управитель области Нэит (т. е. IV + V низовой области); властель городцов двора большого Схм.в; властель городцов Пр-вр-с²х, дома д.т; величайший из 10 (сановников) Верховья (управленческое звание); приставленник вещи царевой; властель городцов двора большого — области Пред(водительницы) Рыб (т. е. XVI низовой области) Шт.вй Мтн» (DAA II = A1BM I 82 = UAR 5).

Это титул одновременно выказывает противоположность «дома д.т» как частного хозяйства государственным «дворам большим». И сходное противопоставление мы имели уже в примере 9, где «дом собственный» — на этот раз личное хозяйство вельможи — противопоставлялся «дому цареву»:

«Смотр возглашения (т. е. заупокойной жертвы), доставляемой из дома царева (и) из городцов его дома д.т» (ASAE XVI 261).

Придача «городцам» определения «дома собственного» имела здесь особый смысл, поскольку умерший, царевич Х^c.ф-хвфв, сам был членом царского дома.

е. Хозяйственные заведения дома д.т

В гробнице царевича Р^c-хтп перед изображением привода к нему скота написано: «хлева дома, что от д.т» (M IX); в гробнице царевича Нфр-м^{2c}.т на изображении доставки ему птицы и скота стоит сходная же надпись: «хлева дома д.т» (M XXIV).

В гробнице правителя К²-гм.н(й) перед изображением его читаем: «--- птицы, хлева упитанных быков, хлева скота пустыни, (птичьи) клетки, (птичьи) пруды, что от дома д.т» (MG I XIV—XVI = 20 41 = GAR LXXXVII + LXXXIX).

В гробнице Тйй вельможа представлен наблюдающим за кормлением птиц — раз в водоеме, другой раз на птичьем дворе. Перед первым изображением вельможи надпись: «---птичьи пруды, что от дома д.т» (ТТ

¹ См.: Т. Н. Савельева. К вопросу о значении терминов пр, хв.т и хв.т в надписи Мечена (XXVII в. до н. э.). В сб.: Древний Египет, М., 1960, стр. 181—194.

XXVII = XIX = GT XXIII); перед вторым: «--- [птицы] в клетках, что от дома д.т» (ТТ XXXI = XIX = GT XXV).

Наконец, в гробнице упомянутого уже царевича Р^с-хти перед изображением хозяина, смотрящего на постройку судна, написано: «Смотрение на судостроение в деревообделочной мастерской (вхр.т) дома д.т» (М XI).

Примеры из гробниц обоих царевичей заслуживают особого внимания, поскольку опять доказывают распространение понятия «дом собственный» или частный на личное достояние членов царского дома.

Во всех приведенных надписях ссылка на принадлежность тех или иных заведений «дому собственному» была особенно уместна. В случае царевичей такую ссылкой ясно отграничивалось их личное имущество от отчего или дедовского, т. е. царского, государственного. Правитель возглавлял управление страной, в том числе и хозяйственное, и указание, что речь идет о собственных, а не государственных хлевах и птичниках, было совсем не лишним. Также и у Тий определение птичников как принадлежащих к его «дому собственному» было как нельзя более кстати: этот вельможа был как раз «распорядителем (птичьего) пруда» фараона (ТТ XXXVI = GT XXVII, ТТ LVIII, GT CV, CVI, CIX, CXXI, CXXVIII = CXXXI, CXXXVI два раза, CXL четыре раза), и даже оба его старших сына последовательно занимали эту должность (первый сын: ТТ XVII = GT XVII, ТТ XXVII = GT XXIII, ТТ XLIV = GT LVII, ТТ XLV; второй сын: ТТ LX = GT XCIV = С).

ж. Скот дома д.т

В гробнице Тнтий над стадом коров и телят читаем: «(При)гон скота (внд.т), что от дома д.т» (DAA II XXXI а).

В гробнице Вхм-к² находим надпись: «Смотр мелкого скота (сопроводительный знак — баран), что от дома д.т, сотворение того, что должно быть сотворено (йрв)» (MU 37).

В обеих гробницах скот дома д.т упомянут в связи со скотоводческой отчетностью — «сотворением йрв». Поскольку последнее имело место как раз и при податной отчетности в государственном скотоводстве, ссылка на то, что в данном случае речь шла о скоте не государственном, а «дома собственного», была далеко не лишней.

з. Зерно дома д.т

В гробнице Спд-хти изображение жатвы надписано так: «Жатва ячменя (и) полбы, что от дома д.т» (MAE 212).

Над изображением же укладки хлеба в скирды читаем: «Нагромождение (в скирды) снопов ячменя (и) полбы, что от дома д.т» (там же; «что от» относится к хлебу, не к «снопам», так как последние женского рода, а прилагательное принадлежности между «ячменем, полбой» и «домом д.т» — мужского; между «снопами» и ячменем, полбой» оно, наоборот, согласовано со «снопами» — в переводе оно передано только родительным падежом «ячменя, полбы»).

На одном из памятников Кахирского музея имеется надпись: «Запись мерения ячменя (и) полбы, что от дома д.т в ---» (SVPTAE 229).

Если бы «дом д.т» обозначал заупокойное имение или заупокойное хозяйство, переведенные две надписи означали бы: «Жатва ячменя и полбы заупокойного имения/хозяйства» и «Нагромождение (в скирды) снопов ячменя и полбы заупокойного имения/хозяйства». Передача

тех же предложений как «Жатва ячменя и полбы дома собственного» и «Нагромождение (в скирды) снопов ячменя и полбы дома собственного» глаже и дает более яркий смысл.

и. Казна дома д.т

В гробнице царевича Р^с-хти каждый из косяков ложной двери поделен на две неравные части: более короткую верхнюю и более длинную нижнюю; делит их на каждом косяке поперечная надпись: «Казна дома д.т» (М XIII). Верхние части поделены в свою очередь на три пояса. На левом косяке каждый пояс поделен на пять отвесных клеточек, на правом косяке так разделены только два первых пояса, третий же оставлен без делений. Нижние части на обоих косяках состоят одинаково из двух поясов с тремя длинными отвесными клеточками в каждом. Что представляла собою «казна дома д.т», показывают обозначения, вписанные в отдельные подразделения.

Слева сверху в первом поясе перечислены четыре вида сосудов из меди и медная же жаровня; во втором поясе — носилки, деревянное переносное ложе, умывальница для ног, «змеиная» игра и столик (?); в третьем поясе — деревянные седалище, ларь, короб для письменных принадлежностей, игральная доска и еще какой-то предмет. Оба нижних пояса заполнены именами высококачественных умящений.

Названиями таких же умящений заняты и пять клеточек первого из верхних поясов справа. Во втором поясе названы какой-то предмет из светлого золота, ожерелья из белого золота и золотые — светлого золота — умывальный прибор, жезлы и некий сосуд. В не разделенном на клеточки третьем поясе читаем: «зеленое (глазное) притирание» (из толченого малахита), «золото белое» (судя по сопроводительным знакам — трем крупинкам над чашею или корзинкой — в виде необработанной руды), «светлое золото» (надо думать, в таком же состоянии). Из нижних поясов первый содержит обозначения каких-то двух родов посуды и затем упоминает сосуды из ценного камня (высококачественного белого известняка?); второй пояс называет сосуд из лазоревого камня, посуду из дикаря-камня (гранита) и сосуды и столик из алавастра.

Если при подобном составе «казна дома д.т» может быть хорошо передана как «казна дома собственного», то того же никак нельзя сказать о передачах «казна имения» или «казна земельного владения», будь то заупокойного или обыкновенного. Ко всем этим драгоценным маслам и притираниям, золотой, медной, каменной утвари, предметам обстановки и золотой руде, почитавшимся нужными умершему и в гробнице, определения землевладельческого порядка не подходят.

Хозяин гробницы был «сыном царевым от утробы его», следовательно членом царского дома. Что все перечисленные вещи были не царские, не погребальный царский дар, а собственное имущество, было существенно отметить. Приложение выражения «казна дома собственного» к личным ценностям царского родича заслуживает быть отмеченным.

к. Имущество и ведомость дома д.т

Если в предыдущих разделах мы толковали об отдельных видах имущества, живого или мертвого, принадлежавшего «дому собственному», то теперь нам надлежит остановиться на оборотах, касающихся всего его имущества в целом.

В гробнице Хтп-см²-т около писца — сына вельможи, — учитывающего поставки его владений, читаем: «Учет имущества (йш.т) всякого, что от дома д.т» (DAA II XXIII).

В гробнице Снб над изображением домоправителя, в сопровождении двух писцов предъявляющего господину хозяйственную ведомость, написано: «Подача писания, что от дома д.т» (G V 89).

Такое надписание было вполне целесообразным, так как сановник — придворный карлик — управлял царскими ткацкими мастерскими и изображение могло быть понято как вручение ему служебной ведомости, а не описи его «дома собственного».

Следующий пример по своему внутреннему строению отличен от всех рассмотренных прежде, хотя с внешней стороны «дом д.т» и в нем является определением. В отличие от тех примеров, отнесение предшествующего существительного к «дому д.т» выражает здесь не принадлежность первого ко второму, а действие первого по отношению ко второму — своего рода genitivus objectivus в противоположность обычному сочетанию. Пример взят из гробницы областного князя Йбй. Перед сидящим князем разворачиваются четыре пояса изображений. Нижние два — игрецы на арфах и прачешники — не имеют отношения к верхним, но эти последние тесно связаны между собою. В одном из них — самом верхнем — представлено трое пишущих писцов и над ними написано: «Сотворение приказаания исчисления дома д.т» и «Пис(цы), что в чести у владыки своего» (RTDG I VIII).

Позади писцов и спиною к ним стоит мужчина, опершись на трость, в «остроконечном» переднике чиновных людей, — очевидно, домоправитель, — и перед ним на коленях другой мужчина, от которого домоправитель требует: «Скажи мне да[ваем]ое тобою!». Далее изображена «доставка распорядителей соединений для счета большого». С «доставки распорядителей соединений для счета» начинается и следующий пояс — второй сверху, — но затем в нем показана палочная расправа с теми, кто не смог отчитаться в доверенном ему имуществе. «Распорядители соединений» на гробничных изображениях всегда скотоводы, и одежда некоторых из них на данном изображении — выступающий, но скошенный на конце передник — одежда, как известно, часто встречающаяся именно у старших пастухов; потому изображенное «исчисление дома д.т.» касается несомненно поголовья стад.

Областному князю, ведавшему и казенным скотом своей области, во избежание недоразумений было необходимо указать, что в данном случае дело касалось «дома собственного». Что этот «дом» мыслился как личное хозяйство князя вообще, а не как одно его заупокойное имение, доказывают присказки, которыми сопровождается избивание одного из виновных: «Нена[истинный] влады[е] сво[ему]! (Предмет) ненавист(и) для госпожи своей! Ненавидимый обоими домами владыки своего!» (RTDG I VIII).

«Оба дома» — надо думать, «дома» Низовья и Верховья, т. е. личные хозяйства вельможи в северной и южной частях страны — в Нижнем и Верхнем Египте. Виновный объявляется «ненавистным» не только хозяйственному управлению князя, но и ему самому и даже его супруге, причем говорится это сряду, одним духом, так что трудно себе представить, чтобы имелось в виду потусторонняя ненависть покойных князя и княгини и посюсторонняя — его живых управляющих заупокойным хозяйством. Изображение и надпись были внушены бытом «дома собственного» живого князя.

Здесь можно было бы привести еще надпись в гробнице К²-п(й)-п(й)-св.т: «Доставка молодой белой (антилопы) как приветствия (т. е. при-

ветственного дара), что от дома д.т» (G II 149+169). Но последние слова, написанные чернилами, почти вовсе выцвели, а сочетание «приветствия» с «домом д.т» настолько необычно, что вызывает сомнение. Не было ли тут «приветствия городцов, что от дома д.т» (ср. DAA II XXIII)?

Есть еще одна поврежденная надпись из гробницы Мтй, начало которой можно понять так: «--- творил он (т. е. мастер) работу в ней (т. е. в гробнице сановника) медью подручною (т. е. медными орудиями?), что от дома д.т (моей)» (ZASA LXXXIII I=15). Понять иначе, в том смысле, что было заплачено «медью, что под рукою (моею, т. е. мне принадлежащею), что от дома д.т (моей)», потому трудно, что получились бы два заявления сряду о принадлежности меди работодателю. Похвальба же, что заказчик облагодетельствовал работников, предоставив им свои медные орудия, дорогая и быстро снашивавшиеся, была бы вполне в духе гробничных надписей. О плате же речь шла потом.

Глава -2. САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ «ДОМ Д.Т»

а. Применительно к людям

В надписях изредка встречается своеобразное и на первый взгляд дикое употребление «дома д.т» как звания в начале титла.

На маленькой ложной двери жреца-заклинателя Н(й)-с(в)-йр читаем на притолоке: «Возглашение (т. е. заупокойная жертва) что от дома д.т заклнителя Н(й)-с(в)-йр» (DARMK I XVI=61);

На левом косяке же находим: «Кто в чести у бога большого, владыки неба, дом д.т, заклнатель Н(й)-с(в)-йр» (там же).

Что в надписи на притолоке «дом д.т» относится не к «возглашению» — «заупокойная жертва дома собственного», — а к титлу, доказывається как надписью на косяке, так и припискою к изображению умершего за транзой: «Возглашение, что от того, кто в чести Н(й)-с(в)-йр» (там же).

За «возглашением» — то же прилагательное принадлежности «что от» в женском роде (нй).т) и затем титло умершего.

Другой пример — из гробницы областного князя Мрй.й-р^с-нфр по прозванию К'р. Перед сидящим князем изображены друг над другом четверо его детей.

Около первого сына, несущего гуся: «Сын его старший, властель двора, кто у главы царевой дома большого (т. е. дворца) Идй» (ASAE XVII 135).

Около второго, несущего бычью ногу: «Сын его, дом д.т заклнатель К'р» (там же).

Около третьего, подобного второму: «Кто у главы царевой дома большого, сын его Хр-хти» (там же).

Около дочери: «дочь Твй» (там же).

На скалах подле Эль-Каба дважды читается титло: «Дом д.т заклнатель, писец череды --- наставник дома великого Йний» (DAA II CXVII h, k).

Один раз встречается титло: «Дом д.т заклнатель, наставник дома великого Йний» (DAA II CXVII u).

Не подлежит сомнению, что ни заклнатель Н(й)-с(в)-йр, ни другой заклнатель, сын областного князя К'р, ни эль-кабский заклнатель

Иный не были и не могли быть «домами д.т». Но тогда как понять столь странное звание в составе их титла? Первое, что приходит на ум, — это то, что «дом д.т» здесь, быть может, вовсе не звание, а только определение к званию, написанное по каким-то соображениям перед определяемым; иными словами — не надо ли читать во всех трех надписях не «дом д.т заклинатель имярек», а «заклинатель дома д.т имярек»?

В прежнем изложении перед нами прошло великое множество примеров, в которых д.т служило определением ко всевозможным званиям, но никогда и нигде, ни единого разу мы не видали, чтобы такое частно-правовое понятие, как дом д.т, было удостоено перемещения в письме вперед управляющего им слова (звание). А тут только стоило заговорить о «заклинателе дома д.т» — и надписи, ничего общего, кроме времени возникновения (исход Старого царства), между собою не имеющие, две с кладбища Мэнфе, одна из далекого Этбо (нынешнее Эдфу) и целых три из Эль-Каба, точно по сговору, переставляют зачем-то управляющее и управляемое слово. Ясно, что такое объяснение не годится. На примере родственного простого д.т мы также видели, что как определение оно писалось всегда после звания, которому служило определением, и только выступающая само как звание; выписывалось в начале титла, — и это на одних и тех же памятниках, одновременно и рядом (см. раздел о самостоятельном употреблении простого д.т применительно к людям).

По последнему употреблению простого д.т нетрудно догадаться о смысле «дома д.т» в титлах трех заклинателей. Примерами, где простое «д.т» выступало в качестве звания в начале титла, выше был заполнен целый раздел (только что названный). С другой стороны, путем простого сличения легко убедиться, что «дом д.т» и «д.т» в качестве определений часто употребляются в однородных выражениях одно вместо другого¹ (сличить соответствующие подразделы в главах о «д.т» и «доме д.т» в определениях), и это неудивительно, поскольку по смыслу «тот-то или то-то дома собственного» и «тот-то или то-то собственное» зачастую совпадали. Представляется несомненным, что и в занимающих нас сейчас шести надписях «дом д.т» заступает место простого д.т, в качестве звания в начале титла столь превосходно засвидетельствованного.

Но значит ли это, что «дом д.т», вопреки здравому смыслу, все-таки оказывается званием трех заклинателей, хотя «домами» ни д.т, ни иными они никак быть не могли? Ничуть. Дело обстоит бы так печально только в том случае, если бы не в одном письме, но и в действительности «дом д.т» открывал титла заклинателей, однако этого как раз и не было: звание «дом д.т» было «домом д.т» только по написанию.

В разделе о самостоятельном простом д.т в приложении к людям было показано, что д.т как звание во главе титла было д.т лишь по видимости. Как ни часто бывало оно так написано, нашлись совершенно бесспорные примеры, доказывавшие, что это звание на самом деле звучало нй-д.т, т. е. «кто от плоти» — «собственный». Если в этих примерах начальное н(й) было вписано перед д.т, то в трех примерах (№№ 3, 5 и 8) его можно с некоторою вероятностью усмотреть в воде н, заменявшей, как то нередко бывало у д.т, знак земли и стоявшей на последнем месте под змеею д и хлебом т или между ними. В трех из

¹ Ср.: В. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire. Annales du Service des antiquités de l'Égypte, tome 42, Le Caire, 1943, p. 45.

изучаемых нами сейчас надписей, дважды у Н(й)-с(в)-йр и раз у Йний, сочетание «дом д.т» написано именно по такому способу: пр «дом» и затем змея д, хлеб т и под обоими не земля, а волнистая вода н. Стоит при этом, может быть, отметить самостоятельное положение воды н под предшествующими ему двумя знаками, встречающееся, впрочем, изредка и в других надписях: вода не заходит, как обычно, под змею, находится не на уровне кончика змеиного хвоста, а значительно ниже всего сочетания д+т и сообразно с этим не укорочена, а имеет ту же длину, что и змея. Таким образом, даже в самих занимающих нас надписях можно найти некоторое, хотя и ненадежное, основание для чтения их «домов д.т» как н(й) пр д.т или (нй) пр д.т «кто от дома д.т». Но как бы ни обстояло дело с правописанием, сходство между данными «домами д.т» и соответствующим употреблением во главе титла д.т = нй-д.т настолько велико, что мы вынуждены предположить чтение с начальным н(й) и для них, тем более что иначе эти «дома д.т» в начале титла становятся прямою бессмыслицей.

Нельзя, далее, не заметить, что титла Н(й)-с(в)-йр, Қ'р и Йний сродни титлам, начинающимся с д.т/нй-д.т, не только по своему строению, но и часто также по содержанию. Н(й)-с(в)-йр, Қ'р и Йний были жрецами-заклинателями (хрй-хбв.т). Значительная часть известных д.т/нй-д.т были также жрецами или начальниками жрецов. Так, № 1 был «д.т ее, наставник рабов бога» и т. д. имярек, № 3 — «д.т его, распорядитель рабов двойника» имярек, № 18 — «н-д.т его, распорядитель рабов двойника» имярек, № 18 — «н-д.т его, наставник рабов двойника» имярек, №№ 6 и 9 были каждый «д.т, раб двойника» имярек, № 8 был «д.т, раб двойника, творец ногтей» имярек, № 13 — «д.т, распорядитель полотна, раб двойника» имярек. Ср. также № 5 и № 17. Как было показано в своем месте, все эти лица были личными заупокойными жрецами высокопоставленных особ, некоторые при этом были «собственными» служащими своих господ не только по жреческой части, но также в быту (№ 8 ухаживал за ногтями, № 13 заведовал бельем). Такими же собственными домашними жрецами¹ были и три заклинателя. На гробничных изображениях мы на каждом шагу сталкиваемся с «заклинателями», читающими заклинания на имя умершего, правящими для него поминальную службу. «Сын его, (кто от) дома д.т (т. е. служащий дома собственного, именно) заклинатель Қ'р» был личным жрецом своего родителя, одноименного с ним областного князя; «кто от дома д.т (т. е. служащий дома собственного, именно) заклинатель Н(й)-с(в)-йр» состоял жрецом у кого-нибудь из столичных вельмож, у кого в точности — неизвестно, так как неизвестно, рядом с кем из них был похоронен Н(й)-с(в)-йр (от его гробницы известна одна только ложная дверь). Если в случае княжича всякому было ясно, что «дом собственный» имел в виду его отчий дом, то в случае Н(й)-с(в)-йр его титло могло бы быть понятно также и безотносительно определенного имени из среды придворной знати, просто как «служащий частного дома — заклинатель такой-то». Заклинатель Йний упомянут вместе с придворным Н(й)-снх-хр и его сыновьями, так что был, очевидно, служащим его «дома собственного».

6. О жилом доме

В гробнице снх-м^c-хр имеется исключительно редкое в Старом царстве изображение плача по умершем на похоронах.

¹ Ср.: Н. Junker. Giza I. Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse, Denkschriften, 69. Band, 1. Abhandlung, Wien—Leipzig, 1929, S. 244.

Надпись сверху гласит: «Выход из дома, что от д.т, на запад добрый (т. е. на расположенное в западной пустыне кладбище)» (RTS II LXXII).

Отбытие из своего дома на кладбище — вот простой и естественный смысл надписания.² Видеть здесь отбытие из какого-то особого похоронного помещения нет ни малейшего повода. Да и само изображение говорит против этого. Дом показан в виде чертежа, вроде письменного знака для «дома», и рыдающие женщины толкуются не только перед ним, но и в нем самом, хотя гроб с усопшим уже вынесен из него. Такая подача была бы вполне понятной, если изображенный дом — собственный дом умершего, жилище его семьи (часть домочадцев уже вышла, часть задержалась), и вовсе невразумительной, если представлен какой-то неведомый похоронный покой, поскольку пребывание в нем по выносу покойника не имело никакого оправдания. Надпись, таким образом, только и значит: «Выход из дома собственного на запад добрый».

Думается, что об обыкновенном доме речь идет и в гробнице правителя Сндм-йб по прозванию Йнтй, сколь похоронно ни звучало бы окружение данного места. Вельможа говорит о погребении им своего родителя:

«И истребовал (я) у владыки (моего) (т. е. царя), (да) достав[ят] ему гроб из (каменоломен) Р'-в (по-гречески Троя, ныне Тура, на восточном берегу супротив Мэнфе) в гробницу его эту, сотворенную (мною) ему в 1 год (и) 3 месяца, тем временем, как он (находился) в чистильне (в^с.т) (положенного) срока (т. е. в заведении, в котором в течение определенного срока обрабатывали труп для сообщения ему нетленности) (и затем) в доме д.т своей (т. е. в доме собственном своем), который в (городе при пирамиде) „Добр Йзэй“ (т. е. в столице этого царя около его пирамиды, остатки которой недавно были отождествлены)» (UAR I 65 = DAA II LXXVI с).

Не только каменный гроб, но и сама гробница были сооружены отцу вельможи помертно. Правда, гробница была построена очень быстро, тем не менее год с четвертью труп должен был ждать погребения и где-то должен был быть временно пристроен. Пока длилась его обработка в «чистильне», она служила ему убежищем. Но там он мог пробыть лишь ограниченное время, после чего труп пришлось взять обратно домой, в «дом собственный его», и хранить его дома до того, как можно будет перевести его в спешно заканчиваемую гробницу. При радушном отношении египтян к своим покойникам в таком возвращении мертвеца домой не было, конечно, ничего странного. Некоторое недоумение может вызвать обозначение дома — «дом д.т его, который в „Добр Йзэй“ (с сопроводительным знаком пирамиды)», — так как может показаться, что речь идет о каком-то собственном доме умершего около самой пирамиды. Конечно, там могли быть жилища для заупокойного жречества (ср. главу о д.т в определениях, раздел о постройках), но Сндм-йб был верховным сановником государства, и его «дом собственный» мы, естественно, должны искать не на кладбище, а в столице. Таковую, однако, и был в данное царствование расположенный вблизи пирамиды и одноименный с нею город. В современных надписях мы соответственно находим «Добр Йзэй» не только как имя пирамиды, но и как имя города: «Распорядитель города (с сопроводительным знаком пирамиды) „Добр Йзэй“» (титло градоначальника времени VI царского дома, RTRPAEA XXXII 41).

² Ср.: B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire. Annales du Service des antiquités de l'Égypte, tome 42, Le Caire, 1943, p. 45, n. 4.

в. О доме в широком смысле — хозяйстве

В одном из жизнеописаний, помещенных в гробнице царского зодчего Мр.й-р^c-мр-птх^cнх, именно том, что повествует о его молодости, читаем: «Если был (я) позади (т. е. сопровождал) брата (моего) распорядителя работ ---, [бы]л (я) (с?) писанием (или (я) писал?) (и?) был (я) с писчей дочечкой его (т. е. носил его письменный прибор, на котором развондильсь сухие чернила).

«И назначили его наставником (т. е. средней руки начальником) строителей, (и) был (я) с тростью его (т. е. носил за ним его трость).

«И назначили его распорядителем (т. е. старшим начальником) строителей, (и) был (я) третьим (т. е. ближайшим помощником) его.

«И назначили его топорщиком царевым — строителем, (и я) властвовал [для] него (над) городцом (т. е. управлял принадлежавшей брату деревней?); творил (я) для него вещь всякую (т. е. все) в нем (т. е. городе) гораздо.

«И назначили его другом единственным (царя), топорщиком царевым — строителем в обоих домах (т. е. в обоих половинах царства), (и я) учитывал для него им[уще]ство (й[ш].т) его всякое; больше (было) вещей (т. е. добра) в доме его против дома сановника всякого.

«И назначили его распорядителем (государственных) работ, (и я) повторял речь его всякую (т. е. передавал все его распоряжения) по (ним) (по способу), за коей жаловал он.

«А учитывал (я) для него вещи (т. е. добро) в доме, что от д.т его, сроком до 20 лет. Никогда не бил (я) человека всякого там до (того, что) являлся он навшим от пальцев (моих); никогда не порабощал (я) людей всяких там. (Что) до людей всяких там, с коими (я) сноился там, я умиротворял их — никогда не спал (я), дуясь там на людей всяких (т. е. я никогда не ложился спать в споре с кем-либо там). Я давал ... одежду, хлеб (и) пиво н[а]г[у]мо (и) голодному там» (UAR I 216—217).

Не может быть никакого сомнения в том, что хозяйство старшего брата, «дом собственный его», учет которому вел младший брат в дни молодости своей, в течение целых 20 лет, было не заупокойным, а самым обыкновенным, житейским.¹ Сказать, что то был «дом собственный», т. е. личное, частное хозяйство брата, было более чем уместно, потому что младший помогал старшему не только по дому, но также по службе.

То же словоупотребление находим и в жизнеописании областного князя Мр.й-р^cнфр по прозванию К'р. Князь говорит о себе:

«Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, найденному (мною) в области этой. Давал (я) крянки молока. Отмеривал (я) ячмень верховой из дома д.т (моей) голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного (мною) в области этой (с) зерновоу ссудоу от другого за ним, я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома д.т (моей). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не было сына, в одежде (т. е. саване) из имущества д.т (моей) (т. е. из имущества собственного моего)» (UAR I 254—255 = ASAE XVII 136).

Речь идет о том, что делал князь при жизни, и ясно, что он кормил и выручал неимущих подвластной области не из своего заупокойного имения.² Он кормил и выручал их, по его заверению, из «дома собственного» своего, т. е. из своего хозяйства, на свои средства. Назвать в этой связи «дом собственный» было совершенно необходимо,

¹ Там же.

² Там же.

потому что иначе всякий мог бы подумать, что он благодетельствовал не за свой личный счет, а за казенный, за счет области, которою правил. Подумать же это было тем проще, что князь, «отмеривавший» всякому голодному земляку «ячмень верховый» и «возмещавший» за неплатных должников зерновые ссуды заимодавцам, был не только главою области и ее хозяйства, но также особливо «распорядителем ячменя верхового» (UAR I 254 = ASAE XVII 136). Указанием на то, что благодеяния оказывались за счет «дома собственного», своего частного хозяйства, опасность подобных недоразумений была предотвращена.

Последующие надписи не столь определены в своих показаниях, но ничто не мешает видеть в их «домах д.т» прежде всего частное хозяйство, хотя бы оно и обслуживало в данных случаях номинальную службу умершему.

В гробнице царевича X^c.ф.зв.ф-в(й) перед изображением его уцелело три пояса с доставщиками и дарами ему: плащами, ценными умощениями, ладаном, высококачественными тканями. Перед царевичем помещалась надпись, повествовавшая, наверно, об обозрении им доставленного ему из «дома царева» или царского «Местожительства» вкупе с доставленным из «дома собственного» его. Сохранился только конец: «--- в[месте] с доставленным из дома д.т» (ASAE XVI 262). Что содержание надписи было таково, как предположено, тому порукою двойственное происхождение масел и тканей, доставляемых умершим вельможам, — из дворца и из собственного дома, — как то явствует из надписей в других гробницах, а также состав и строение надписи, начертанной подле родственного изображения в той же гробнице царевича X^c.ф.зв.ф-в(й): «Смотрение на возгласение (т. е. заупокойную жертву), доставляемую из дома царева (и) из городцов его дома д.т» (ASAE XVI 261). Если же содержание надписи восстановлено правильно, наименование в ней дома «собственным» было определено желательным для отличения его от «дома царева» или «Местожительства» царя, как другого места происхождения доставляемых благ. Быть может, оно было тем желательнее, что умерший сам был членом царского дома. Последнее обстоятельство следует отметить и потому, что им снова подтверждается, что даже члены царского рода различали «дом собственный» и «дом царев» — и притом в таком движимом имуществе, как масла и одежда.

Другой пример доставок «из дома собственного» содержит гробница Шм-нфр. Здесь перед семью мужчинами, несущими сосуды, сумки, птицу, папирос и т. д. и ведущих скот (бычка, антилопу и газель), написано: «Доставка вещей, доставляемых из дома д.т» (ASAE I 158). Поскольку в поставки включены скот, птица и болотные растения, «дом собственный» обозначает здесь дом явно не в узком, а в широком смысле («хозяйство»).

Если бы кухни староегипетских вельмож составляли часть жилого дома, а не особые хозяйственные заведения, следующие два примера можно было бы отнести к предыдущему разделу. Так же их «дом д.т» лучше включить в настоящий раздел. И это будет тем правильнее, что навряд ли после смерти могла быть речь о собственном жилом доме умершего, помимо гробницы, откуда заупокойные жрецы приносили бы ему еду. При истолковании же «дома собственного» в смысле собственного хозяйства содержание надписи вполне подойдет к посмертным обстоятельствам — «дом д.т» будет иметь в виду личное посмертное хозяйство вельможи, выделенные на помин души владения. Обе обсуждаемые надписи были совершенно одинакового состава, только у одной первое слово повреждено сильнее, чем у другой; обе находятся в гробнице Тйй.

«--- трапеза, сотворяемая в доме д.т, доставляемая рабами двойника для возглашения (т. е. для заупокойной жертвы) другу единственному (царя) Тий» (GT XCIV—XCV; меньшей сохранности — LXXXVIII—XLXXIX).

Каждая из надписей стоит перед изображением вельможи, смотрящего на доставку ему бесконечных количеств всевозможных яств и напитков (GT XCVI—CIV и CX—CXIII).

г. О гробнице

Если «дом д.т» как обозначение частного хозяйства был расширением основного значения — собственный или личный жилой дом, — то наименование «домом д.т» также гробницы было использованием самого основного значения, и притом не в иносказательном смысле, а в самом непосредственном, применительно к посмертным условиям. Для египтянина гробница была настоящим домом, где обитал умерший, и последний в надписях на ней не скупился на заверения, что она есть его законная собственность, сполна оплаченная и сооруженная из собственных средств. Жилой дом со смертью его владельца переставал быть для него таковым, и его «домом собственным» становилась гробница; и то и другое было одинаково «домом собственным», только в разные поры существования; происходил лишь переезд из одной постройки в другую.

Примеры такого словоупотребления — «дом д.т» в смысле гробницы — для Старого царства немногочисленны, но все зато определены и недвусмысленны.

В гробнице Птх-хтп градоначальника чета заупокойных пожеланий повторена дважды на косяках двух разных лжедверей. Те же заклинания начертаны в гробнице правителя Нфр-смм-р^г. Привожу сохранившиеся полностью с указанием различий поврежденных.

Левые косяки: «Спуск в дом свой, что от д.т (разночтение: дом свой д.т) в мире добре весьма, (да) будет бытие его в чести у Анупа, предстоятеля кладбища (разночтение: предстоятеля запада, владыки земли святой), после возглашения для него (т. е. принесения ему заупокойной жертвы) наверху склепа (кпр.т), после переплывания озера (т. е. обряда плаванья на судне во время похорон), после прославления его (с помощью волшебных изречений) заклинателем, ради бытия его в чести большой весьма у царя (и) Усире (т. е. египетского бога мертвых, греч. Осириса; разночтение: у бога большого)» (TP XXXIX + MPAS I 42 = UAR 189; поврежденные списки: UAR 199, RTS II XI).

Правые косяки: «Пересечение небесного океана (т. е. обрядовое плавание во время похорон) в мире добре весьма; выход на главу горы кладбища; схватывание руки его отцами его (и) двойниками его (двойников у человека, считалось, могло быть несколько) во главе владык бытия в чести; возглашение для него (т. е. принесение заупокойной жертвы ему) наверху склепа (кпр.т) в доме его, что от д.т, когда он состарился добре весьма у Усире» (TP XXXIX = UAR 189; поврежденные списки: UAR 199—200, RTS II XI).

«Дом, что от д.т», куда умерший «спускается» (х²й) по совершении похоронных обрядов и где наверху (хр-ти) кпр.т совершается заупокойное «возглашение», упоминаемое в связи с тем же кпр.т как составная часть похорон, может быть только гробницей. Пожелание, составленное почти в тех же выражениях, но с заменой «дома, что д.т» уже прямым обозначением гробницы — йз, мы находим в гробнице Тп-м^снх:

«(Да) будет умиротворен (и) даст царь, (да) спустится он в гробницу свою эту, состаревшись добре весьма, у бога большого, друг единственный (царя) Тп-м-снх»;

«Отправление в мире в гробницу свою, что от (места), что под богом (т. е. на царском кладбище у подножия царской пирамиды), состаревшись добре весьма, как почтенный, (следует титло) Тп-м-снх»;

«Установление (трупа) над (или на) қрр.т (с сопроводительным знаком гроба), возглашение для него, взятие руки его двойниками его (и) отцами его (следует титло) Тп-м-снх»;

«Выход на главу горы, что от (места), что под богом (т. е. на нагорье, где расположено царское кладбище), после переплыwania озера, прославление (с помощью волшебных изречений) заклинателем; сотворится ему вещь (т. е. приготовление трупа для нетленного бытия) умащателем у Ануа (следует титло) Тп-м-снх»;

«Препровождение в гробницу свою, что от запада (т. е. кладбища), после плавания (на веслах) его на судне... снабженный согласно писанию мастерства заклинателя (следует титло) Тп-м-снх» (UAR 190—191 = MAE 195 = INCE 91).

Другим, хотя и не столь ярким примером наименования «домом собственным» могилы является надпись в гробнице Йнпв-хтп:

«Это сын его, наставник Твй, (есть) сотворивший ему это (т. е. гробницу), когда он пошел на кладбище, (в) дом д.т, Йнпв-хтп» (G IX 160).

Предполагать пропуск предлога «м» («из») перед «домом д.т» нет никаких оснований, к тому же при «м» можно было бы ожидать скорее «когда он пошел из дома собственного (т. е. жилого своего дома) на кладбище», чем «когда он пошел на кладбище из дома собственного», как получилось бы при таком предположении.

Часть IV
ВЫВОДЫ

Глава 1. Д.Т — НЕ ЗАУПОКОЙНОЕ ИМЕНИЕ

Один за другим были рассмотрены многочисленные случаи употребления д.т в староегипетских надписях, и ни один из них не оказался в противоречии с предложенным пониманием слова. Более того, многие из них отчасти или полностью подтвердили такое понимание. Самые наглядные подтверждения надо будет теперь припомнить и обозреть вместе, чтоб стало вполне ясно, что надписи не только не противоречат предложенному толкованию д.т, но прямо его требуют.

Первою нашею задачею будет показать, что, вопреки распространенному мнению, д.т не значило заупокойное имение или владения, выделенные на помин души. Это было замечено Б. Грдзелофом;¹ примеры, на которых он основывается, отмечены ниже ссылками на него.

На каменных входах в жилища служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн, расположенные подле него в пустыне, высечены были изображения и титла жильцов, и под каждым написанным изображением хозяина жилья стояло: «жилище (рв.т), что от д.т его» (UAR 272—273 = PO 22). Ясно, что д.т, по которому обозначено было казенное жилище живого лица, не могло быть его заупокойным именем. (Подробнее см. ч. II, гл. 1, конец подраздела «ж»).

В своем гробничном жизнеописании областной князь Мрий-р^c-нфр по прозванию К'р хвалился, каким добродетельным он был при жизни, как он кормил голодных и выручал должников «из дома д.т» своего² и хоронил не имевших сына в пеленах «из имущества д.т» своего (UAR I 254—255 = ASAE XVII 136). То и другое князь делал, конечно, не на средства своего заупокойного хозяйства. (Подробнее см. ч. III, гл. 2, подраздел «в»).

Другой областной князь, Йбй, в поврежденной надписи своей гробницы говорил, что помогал при жизни бедному, приходил на помощь обществу «зерном (?), упряжками, челядью, что от д.т» своей (RTDG I XXIII = UAR 144). Заупокойное имение здесь явно также не при чем. (Подробнее см. ч. II, гл. 1, подразделы «в» и «г»).

Царский зодчий Мрий-р^c-мр-птх^c-нх рассказывает о своей молодости, как он помогал старшему брату не только по службе, но и по его личному хозяйству: управлял для него «городцом», вел учет имуществу в «доме» — «учитывал для него вещи в доме, что от д.т его», — как подытоживает надпись, «сроком до 20 лет»³ (UAR I 216—217). О заупокойном имении опять не может быть речи.

---

¹ B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire. Annales du Service des antiquités de l'Égypte, tome 42, Le Caire, 1943, p. 45.

² Приведено Б. Грдзелофом (стр. 45, примеч. 4).

³ Приведено там же.

Перечисленные случаи не касались посмертного бытия заказчика надписи или его родных. Последующие примеры говорят о похоронных делах, но тем не менее тоже исключают мысль о заупокойном имении.

Областной князь южной окраины, города Йэб, по имени С'бнй повествует в своей гробнице, как ездил в Эфиопию за телом умершего там отца. При этом мы узнаем, что князь отбыл с «соединением, что от дома д.т (моей)» (UAR 136), велел вести труп почившего «соединением, что от дома, что от д.т (моей)» (UAR 136—137) и на обратном пути выслал вперед ко двору оповестить о добытых в Эфиопии ценностях вместе с «мужем честным царевым» двух «присных (мр), что от [дом]а, [что от] д.т (моей)» (UAR 137). Конечно, князь ехал за трупом и возвращался с трупом, но отсюда никак не следовало, чтобы сопровождали князя сплошь люди из заупокойного имения. Напротив, было бы вовсе странно, если бы князь пограничной области, отправляясь в далекий и опасный поход за границу, в самое сердце Эфиопии, набрал себе в спутники людей из заупокойного имения и вестниками ко двору послал опять не кого иного, как двух «присных» оттуда же! К тому же, никак не уразуметь, чьим было это заупокойное имение: если отцовским, то почему об этом не упомянуто ни в одном из трех мест, а если молодого князя, то не удивительно ли, что, даже не похоронивши отца, он уже имел собственное заупокойное имение? Заупокойное истолкование никак не подходит к «дому д.т» и в этой надписи.

На изображении плача по умершем в гробнице $\text{C}_{\text{нх}}\text{-M}_{\text{C}}\text{-Xp}$ имеется надпись: «Выход из дома, что от д.т на запад добрый (т. е. на кладбище в западной пустыне)» (RTS II LXXII).¹ Усматривать тут отбытие на кладбище не из «дома собственного», а из какого-то неведомого похоронного покоя нет никакого повода, более того, само изображение противится такому объяснению. Дом на изображении дан в виде чертежа, наподобие письменного знака для слова «дом», и рыдающие женщины показаны не только снаружи перед домом, но и внутри его, наполняют его, хотя гроба с умершим в нем уже нет. Подобная подача вполне понятна, если изображенное здание — собственный дом почившего, жилище его семьи: часть домочадцев уже вышла, часть задержалась дома. Но изображение непоятно, если представлен некий похоронный покой, так как пребывание в нем по выносе мертвеца было бы лишено смысла.

Можно было бы продолжать приводить доказательства — порознь их можно найти разбросанными по предыдущим обзорам, — но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что д.т и «заупокойное имение» — не одно и то же. Если же к этому добавить, что ни один из примеров, приводившихся в предыдущих сводках, не требовал истолкования д.т в смысле «заупокойного имения», вывод для подобного толкования из всего сказанного получается уничтожающий.

Глава 2. Д.Т — ВОООЩЕ НЕ ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Вторую нашу задачу будет показать, что д.т не тождественно и с «земельной собственностью» вообще.

В первом разделе доводилось уже вспоминать о надписях на входах в жилища служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн. Теперь придется снова припомнить эти надписи, только в несколько иной связи.

¹ Приведено там же.

Хозяева жилищ называют и изображают себя и своих близких на косяках дверей, и под надписанным изображением каждого из хозяев неизменно стоит «жилице (рв.т), что от д.т его» (UAR 272—274 = PO 22). При этом на одной и той же двери упоминаются два жилища — двух разных хозяев: одно на левом, другое на правом косяке, по бокам входа, ведшего в это двойное жилье. Следовательно, жилища здесь были не обособленными домами, построенными для себя и по собственному усмотрению, а местами совместного обитания, однообразно выстроенными из расчета на две семьи каждое. Здесь нельзя говорить о собственных домах, можно говорить лишь о собственных, т. е. личных жилищах внутри казенного общежития, на них разбитого. Поэтому и д.т не может означать здесь «земельная собственность». (Подробнее см. ч. II, гл. 1, конец подраздела «ж»).

В указе одного из последних царей Старого царства на имя правителя Шм^тй, увековеченном на стене храма Мина в Кебто, говорится об обеспечении поминальной службы по сановнике в личных его поминальных каплицах внутри городского храма. Эти каплицы именуются «двором двойника, что от д.т твоей», «двором двойника верхним, что от д.т твоей» (UAR 302—303); «д.т» никак не могло означать здесь «земельная собственность», потому что, в самом деле, что могло значить «двор двойника, что от земельной собственности твоей» применительно к каплицам на храмовой земле внутри городского храма? (Подробнее см. ч. II, гл. 1, начало подраздела «ж»).

В своей гробнице придворный Вп-н-нфр.т. отвел один из склепов и одну из каплиц своему сыну и высек на стене каплицы соответствующую дарственную. Умершему сыну отец представляет «д.т: могилу северную с каморю северною, что для возглашения (т. е. для заупокойного жертвоприношения)» (EG II между 190 и 191). Склеп и каплица дожили до наших дней, и в них мы имеем двух осязаемых представителей д.т. Последнее в приложении к ним явно не значило «земельная собственность»: назвать так подземный колодец с могилкой на конце и надземную капличку, внутри чужой гробницы и посреди пустыни, можно было разве только в шутку. Склеп и каплицы были не более как частями отчей усыпальницы, вкрапленными в ее каменную толщу, и эта толща составляла самые их стены.

Выше (ч. II, гл. 1, подраздел «ж») немало страниц было занято примерами, показывавшими, как охотно словом д.т определили слово йз «гробница»: «гробница д.т ее (т. е. умершей, гробница Н(й)-м^с.т-р^с и Нфр.с-рс, EG II 205, LXXVIII 2 и 3), «гробница, что от д.т (моей)» (гробницы: Рмнв-к^с, EG II 173 = LXI 2; Н(й)-м^с.т-р^с, EG II между 220 и 221; Хтп-н(й)-птх, DAA II LXXII b = UAR 187; Вп-м-нфр.т, EG II между 190 и 191; вероятно, также два раза у Тий, TT I X = GT IX), «гробница д.т (моей)» (гробницы: Н(й)-м^с.т-р^с, EG II 213 = LXXXI 1; Мрр.в-к^с, MM II CCXII A = CCXIII B = UAR 88; Пн-мр.в ASAE XLII 39 = 42—44; безымянная гробница около пирамиды Шеф-рэ (Хефрена) четыре раза, DARMK I 113 = XXVIII = UAR 12—15 = IHCE I = TIA V 1210—1212 = RTRPAEA XXIX 77, 82, 86, 89), «гробница д.т» (гробница К^с(й)-хр-птх, G IX 78). Повсюду здесь д.т также не могло значить «земельная собственность», так как могила на царском кладбище за тридевять земель от имений умершего, посреди сыпучих песков пустыни, очень мало походила на земельную собственность.

В припоминавшемся уже выше (в первом разделе) гробничном жизнеописании областной князь Мрй.р^с-нфр по прозванию К^р хвалится не только тем, что кормил голодных зерном «из дома д.т» своей, уплачивал за должников зерновые ссуды «из дома д.т» своей, но и тем, что

погребал не имевших сына в пеленах «из имущества (йш.т) д.т своей» (UAR 254—255 = ASAE XVII 136). Различие, которое здесь делается между «домом д.т» и просто «д.т», показательно. Выдавать зерно было естественно из «дома», из хозяйства; запасы зерна должны были иметься там у князя постоянно и в большом количестве, были неотъемлемой составной частью хозяйства. Иное дело — «одеяние» для погребения. Нельзя же было, в самом деле, сказать: я погребал всякого жителя области, у которого не было сына, в саване из моего дома или хозяйства. Княжий дом и его хозяйство не были заведением похоронных дел. Сказать же «в одеянии, приготовленном из моего добра», т. е. моих запасов ткани, было вполне правильно. Д.т здесь противопоставлено дому д.т и, конечно, не имеет никакого земельного смысла: «из имущества земельной собственности моей» звучало бы применительно к гробовым пеленам по меньшей мере странно.

Во всех этих примерах д.т определенно не могло означать «земельная собственность», но и среди великого множества остальных, прошедших перед нами в предыдущих обзорах, не было ни одного, который требовал бы такого значения. Явно несовместимый с некоторыми примерами и не имеющий почвы в других перевод д.т как «земельная собственность» не может быть принят.

Глава 3. Д.Т ПРОТИВОПОЛОЖНО ГОСУДАРСТВЕННОМУ

Что д.т как личное противостоит государственному, неоднократно доводилось отмечать в предшествующих обзорах. Для полной ясности хорошо будет теперь выбрать и представить вместе наиболее наглядные примеры.

Особенно отчетливо противоположение выступает по отношению к хнв «Местожительству (царя)».

В гробнице областного князя Ибй хозяин представлен смотрящим на всевозможные ремесленные работы — каменотесные, плотнические (судоостроительные), столярные, обработку меди, золота, самоцветов, изготовление каменной посуды, низание ожерелий, ваяние — и на учет производства писцами. Надпись над князем, поясняящая изображение в целом, гласит: «Смотрение на работу всякую в помещении мастеров в руках мастеров всяких, что изнутри (и) извне, счет рук мастеров всяких писцами, что от д.т его, сотворение замысла работы всякой» (RTDG I XIII).

Над частными изображениями находим, между прочим, следующие надписания.

Между двумя мужчинами, лошачниками ларь, написано: «Тонорщики (в данном случае — столяры), что от Местожительства» (RTDG I XIV).

Между двумя другими мужчинами, занятыми тем же делом, непосредственными соседями двух первых, стоит: «Тонорщики, что от дома д.т» (там же).

Над каменотесами, совместно обтесывающими глыбу камня, находится надпись: «Каменосеяцы, что от Местожительства (и) дома д.т, творящие жалуемое (т. е. благоугодное хозяину)» (RTDG I XVI).

В общем надписании выражение, переданное мною словами «что изнутри (и) извне», по-египетски читается н.т хнв рв.т, дословно: «что от внутреннего (и) внешнего». Поскольку в частных пояснениях первым членом противоположения является созвучное слово — хнв, — переданное мною как «Местоительство», естественно возникает вопрос, не одно ли и то же слово употреблено в обоих случаях, в частных надписаниях и в обобщающем их общем?

Конечно, хнв «местожительство» — производное от хнв «внутреннее», поскольку «местожительство» есть «внутреннее», а не «наружное» по отношению к дому или поселению, однако словоупотребление уже Старого царства таково, что хнв «местожительство» имеет свое собственное, особое значение. Определение «что изнутри (и) извне» не есть принадлежность одной данной надписи, но вполне обычный и широко распространенный оборот. Гробница Ибй, где эта надпись находится, была создана в последние десятилетия VI царского дома и расположена далеко от столицы, в Среднем Египте; от начала того же дома дошла печать некого «таинника (т. е. посвященного в труднодоступные для других дела) царя в месте его всяком, что изнутри (и) извне» (RTRPAEA XXXII 41); один из частных служащих вельможи Р^с-вр, современника середины V царского дома, Мр-св-снх, в гробнице своей подле Мэнфе называет себя «распорядителем имущества его (т. е. вельможи) всякого, что изнутри (и) что извне» (EG I 109 = LXVIII 3). Значение «местожительство» как будто не подходит к хнв определения «что от внутреннего (и) внешнего» по той простой причине, что противопоставление здесь чисто пространственного порядка: «внутреннее» — «внешнее», а не «местожительство» — «внешнее». «Что от внутреннего (и) внешнего» придается как определение словам самого разнородного содержания — «ремесленникам», «местам», «имуществу», — и во всех перечисленных случаях определение следует за обобщающим «всякий»: «ремесленники всякие (или все)», «место его всякое», «имущество его всякое». Потому нельзя ли себе представить, что и выражение «что изнутри (и) извне» служит простому обобщению, является усиленным подтверждением предшествующего обобщающего «всякий», именно в приложении его к пространству? Словарь для хнв рв.т из гробницы Ибй предлагает с вопросительным знаком перевод «здешние и сторонние»,¹ следовательно, не находит здесь никакого «местожительства». «Ремесленники всякие внутренние (и) внешние», «место его всякое внутреннее (и) внешнее», «имущество его всякое внутреннее (и) внешнее» звучит как будто не так уж плохо и могло бы значить «ремесленники всякие отовсюду», «место его всякое повсюду», «имущество его всякое повсюду». «Что изнутри (и) извне» окажется равноценным «всюду», «повсеместно». Правда, при таком понимании «внутреннее — внешнее» в обобщающей надписи не будет совпадать с «внутренним (= Местожительство) — домом д.т» в частных надписаниях; иными словами, то и другое не будет разным выражением одной и той же противоположности. Но скажут, быть может, что это только хорошо, так как вторые члены этих противопоставлений — «внешнее» и «дом д.т» — слова совсем не похожие друг на друга.

Но есть одно обстоятельство, которое в корне подрывает доверие к такого рода рассуждению. Ибй был отцом и предшественником в управлении XII верховую областью некого Д^{св} по прозванию Шм³й (ср. RTDG I V и RTDG II X), и гробница Ибй была расположена рядом с гробницею Д^{св}, общею у него с одноименным же сыном и преемником. И вот в гробнице князя Д^{св} по прозванию Шм³й тоже, оказывается, есть изображение хозяина, наблюдающего за ремесленными работами, притом явственно перекликающееся с изображением в отчей гробнице. Ваятель, высекающий изваяние, и живописец, расписывающий другое, двое лощильщиков, лощащих кровать, столяры, отделяющие носилки и столбик, просто списаны с изображений у Ибй (RTDG II X—RTDG I XIV). Отклонения, если они есть, ничтожны. Все кораблестроители

¹ А. Егман, Н. Грапов. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, 2. Band. Leipzig, 1928, S. 404.

Д^{св} заимствованы у Йбй (RTDG II X—RTDG I XVI), плавильщики меди только уменьшены в числе (RTDG II X—RTDG I XIV). Несколько изменено положение рук у золотых дел мастеров и у лоцильщиков, лоцашщих ларец одинакового в обоих случаях вида (RTDG II X—RTDG I XIV). Налицо и шкаф, только столяр перед ним у Д^{св} разрушен (RTDG II X—RTDG I XIV), и с легкими изменениями столы, устланный ожерельями и уставленный посудой (RTDG II X—RTDG I XIII). Должностное лицо с выступающим передником, стоящее посреди ремесленников, повторено и у Д^{св}, только изображены разные люди (RTDG II X—RTDG I XIV). Даже там, где сын существенно отклоняется от родителя, зависимость сразу заметна. Золотой жезл в гробнице Д^{св} вынут из рук мастера и представлен самостоятельно, большого размера, подле лоцильщиков, лоцашщих для него ларец (RTDG II X—RTDG I XIV), но зато мастер был вооружен теслом и в том же положении усажены посреди кораблестроителей, якобы обтесывая весло, но последнее, вопреки надписи, похоже не на себя, а как две капли воды на золотой жезл и держится мастером совершенно, как он (RTDG II X—RTDG I XIV). Не забыт даже писец, сидящий перед князем и поворачивающий точно так же к нему голову, только писцовая дощечка изменила свое положение (RTDG II X—RTDG I XV). Если бы изображение в гробнице Д^{св} сохранилось лучше, сходство могло бы быть прослежено еще дальше. Но и так ясно, что изображения в гробнице сына сплошь заимствованы или переделаны из отцовских. Несколько самостоятельнее Д^{св} в части надписаний, но и тут большинство повторяет отцовские полности или отчасти: «Обтесывание топориком столб(ика)» (RTDG II X—RTDG I XIV); «Лощение кровати из (дерева) седм» у Д^{св} (RTDG II X) — «Лощение кровати мастерами» у Йбй (RTDG I XIV); «Лощение ларя, что для бога чистого (?)» у Д^{св} (RTDG II X) — «Битье лоцилами, ларь, что для [бога] чистого (?)» у Йбй (RTDG I XIV); «[Обтесывание] носилок черного дерева» у сына (RTDG II X) — «Обтесывание носилок топорщиком» у отца (RTDG I XIV).

Таким образом, ремесленные изображения и их надписания у Д^{св} — не более как сокращенное и переработанное издание соответствующих изображений и надписаний в гробнице Йбй. В последней наше внимание задержалось на общем надписании всего изображения в целом, помещенном над головою наблюдающего князя. Как выглядит соответственное надписание в гробнице сына, сохранило ли новое издание старое заглавие или тоже его немного видоизменило, а если видоизменило, то как оно пересказало занимающее нас место? К сожалению, концы всех пяти строк над головою Д^{св} пропали, но и уцелевшие две трети надписи дают много для нашего исследования.

Над головою Д^{св} (RTDG II X):
«Смотрение на работу [(пробел в два-три длинных знака)], что от хнв (и) дома д.[т] князем» таким-то (следует пространное титло).

Над головою Йбй (RTDG I XIII):
«Смотрение на работу всякую в помещении мастеров, в руках обеих мастеров всяких, что от хнв (и) внешнего, счет рук обеих мастеров всяких писцами, что от д.т его, сотворение замысла работы всякой» (следует титло князя).

Итак, отчее «внутреннее» — «внешнее» пересказано сыном как «внутреннее» — «дом д.т». Теперь выясняется и то, что слова в общем надписании у Йбй «мастера всякие, что от внутреннего (и) внешнего» были действительным, а не кажущимся обобщением обозначений отдельных ремесленников в частных приписках: «топорщики, что от внутреннего»

и «топорщики, что от дома д.т», «каменосечцы, что от внутреннего (и) дома д.т». Перед лицом двухкратного соответствия «внутреннего»—«внешнего» «внутреннему»—«дому д.т» должно смолкнуть всякое сомнение в одинаковом во всех случаях смысле «внутреннего» и равнозначности в каком-то отношении «внешнего» и «дома д.т». Но что значат тогда все эти выражения?

Начнем с «внутреннего». Ясно, что ни у Йбй, ни у Д^{св} оно не употреблено в пространственном смысле, потому что как пространственное понятие оно не могло бы быть противопоставлено «дому д.т», обозначением пространственного порядка ктюдъ не являющемуся. «Внутреннее» могло значить здесь только «местожительство», но спрашивается, чье? Частным «местожительством» оно не могло быть по той причине, что как таковое его нельзя было бы противопоставить «дому д.т», который сам прежде всего обозначал частный дом (см. ч. III, гл. 2, подразделы «б» и «в»; ср. также р.в.т н. т. д.т «жилище, что от д.т», см. ч. II, гл. 1, конец подраздела «ж»). Быть местожительством князя как правителя области наше «внутреннее» вряд ли могло уже потому, что подобное словоупотребление в Старом царстве не известно. «Местожиительство» в устах областных князей того времени относится всегда к царскому местопребыванию, никогда не имеет в виду правительственного средоточия области (ср., например, UAR 137, 138, 254, 255, 259, 264, 267). Это особенно бросается в глаза, когда речь идет о самой области в ее отношении к «местожительству».

Областной князь южноегипетского Этбо (ныне Эдфу) Мрй.й-р^{нфр} по прозванию К^р говорит в своей гробнице: «Дал (я) стать откормленным быкам области этой лицом (т. е. показными представителями?) быков в хлевах (?) впереди Верховья в целокупности его. Не (есть) найденное (мною) это в руке главы, бывшего в области этой прежде, потому что бдителен был (я), потому что благодетелен был (я), (когда) управлял вещами для Местожительства» (UAR 254 = ASAE XVII 136).

Сходным образом выражается в поврежденной гробничной надписи областной князь Шмина (ныне Ахмим) Ййй по прозванию Мрй.й: «--- область эта в счете вещей для Местожительства» (UAR 264).

Если так говорили сами князья, то в устах царя такая речь была подавно уместна. В указе, освобождавшем одну из храмовых усадеб в области города Кебто (ныне Куфт) от повинностей и податей в пользу казны, царь Нефр-ке-рэ Пйопе (II) говорит:

«Не дает величество (мое) [взирать] --- начисляемое [в пользу] Местожительства в области этой» (следует перечень того, от чего усадьба освобождалась) (UAR 289).

Что под «местожительством» Йбй и Д^{св} разумели не свое княжеское местопребывание, а царское, доказывается также смыслом выражения «что от внутреннего (и) внешнего» в других надписях. Если служащий вельможи Р^{св}-вр Мр-св-^{снх} называет себя «распорядителем имущества его всякого, что от внутреннего (и) что от внешнего» (EG I 109 = LXVIII 3), то «внутреннее» здесь никак не обозначает областной столицы, так как Р^{св}-вр был не областным князем, а одним из влиятельнейших сановников из ближайшего окружения фараона. Напротив, «распорядитель имущества его всякого, что от Местожительства (царского) (и) что извне» дает вполне приемлемый смысл: Мр-св-^{снх} хвалится, что управлял всем имуществом богатого царедворца, как в самом царском «Местожительстве», так и вне столицы. Так же и на печатке «тайника» царя в месте всяком, что от внутреннего (и) внешнего» (RTRPAEA XXXII 41) «внутреннее» может быть только царским «Местожительством».

Обе последних надписи помогут нам уточнить и значение «внешнего». Выражение «место всякое, что от Местожительства» или, выражаясь более по-русски, «место всякое Местожительства» нередко встречается в староегипетских надписях и обозначает те царские учреждения, где изготовлялись или хранились всевозможные блага.

Так, царевич К⁷-м-тнн.т говорит: «Дало величество его установленну быть для меня возглашению (т. е. заупокойной жертве) из мест всех Местожительства» (UAR 184 = ES (II) 86 = LXI 5).

Какого это рода «места», мы ближе узнаем из гробницы столичного верховного жреца С'бв: «(Да) умиротворится (и) даст царь, (да) умиротворится (и) даст Ануп (излюбленное божество мертвых Старого царства), чтобы выходило для него (т. е. умершего) возглашение (т. е. заупокойная жертва) из обеих житниц, из обоих домов белых (т. е. хранилища ценных благ), из обеих камор украшений царя, из дома доставки, из дома избобилия, из места всякого Местожительства, из коего исходит возглашение» (UAR 177 = MAE 414 = IHCE XCIII).

Неудивительно, что правитель («везир») К⁷-гм.н.(й) с особой нежностью отзывается в своей гробнице об этих источниках благ, прилагая к «местам» самое лестное определение. Над шествием из двенадцати мужчин, несущих умершему ценные умащения, стоит: «Доставка пред(почтительнейшего из) умащений, исходящего из Местожительства как жертва, данная царем, из места всякого благого (мнх.т) Местожительства для вратарника-судьи (т. е. верховного судьи, некогда судившего у правительственных врат), правителя К⁷-гм.н.(й)» (MG II XLI = 20—21 221).

Вне связи с поминками в надписи жизнеописательного порядка в составе титула наши «места» упоминаются в гробнице правителя (верховного сановника) Сндм-йб по прозванию Йн.тй:

«--- распорядитель обоих домов белых (т. е. хранилища ценных благ), [распорядитель] каморы [украшений] царя, распорядитель дома оружия (т. е. оружейного хранилища), распорядитель места всякого Местожительства, распорядитель домов Верховья» (UAR 59 = DAA II LXXVI).

«Оба дома белых» и «камора украшений царя» известны нам из предыдущих надписей; «дом оружия» был тоже одним из источников благ для умершего (UAR 138). Таким образом, перечень званий, предваряющих звание «распорядителя места всякого Местожительства» и этим званием как бы подытоженных, касается того же рода учреждений, что и те примеры, — хранилищ и источников вещественных благ.

Естественно будет предположить, что звание «таинник царев в месте всяком, что от Местожительства (и) внешнего» имеет в виду те же столичные учреждения и еще некие иные — сходные с теми, но вне «Местожительства», притом, разумеется, царские, а не частные, так как сановник ведает их «тайны», как «таинник царя».

Следовательно, как у Мр-св-снх, так и здесь противоположность между «Местожительством» и «внешним» — пространственного порядка, «внешнее» равноценно «внестолличному».

Если это значение ввести в надпись Йбй, то его «ремесленники всякие, что от Местожительства (и) извне» окажутся «ремесленниками столичными и внестолличными». Но тогда спрашивается, где они работали, в столице или в среднем Египте, где княжил Йбй и где находилась его гробница? Работали они вместе, в одном и том же «помещении мастеров», и учитывали их одинаково личные писцы князя («писцы, что от д.т его»). Йбй мог иногда подолгу жить в столице; некоторые звания его указывают на действительную и тесную связь его с нею и со двором: «распорядитель обеих житниц» (RTDG I III, XVIII),

«распорядитель обоих птичьих прудов» (RTDG I III, XII), «распорядитель обоих домов белых (т. е. хранилища ценных благ)»; такие звания, как «надзиратель рабов бога (т. е. жрецов) (пирамиды) «Сток (и) жив Нефр-ке-рэ» (RTDG I IV, XVII, XVIII), или разные придворные саны могли быть доходными или почетными, но вряд ли требовали долговременного присутствия в столице. Можно поэтому представить себе, что у князя в столице была мастерская, в которой совместно работали как мастера, предоставленные ему двором, так и привезенные князем извне — с родины его в среднем Египте. Но какие бы столичные должности князь ни занимал, он был прежде всего правителем своей области — и в ней, а не в столице, создал он себе усыпальницу, свое жилище на веки вечные. Поэтому правоподобнее было бы предположение, что мастерская была не в столице, а в области, которою правил князь, и что здесь вместе с местными работниками — для столицы «внешними» — трудились присланные из нее.

Однако есть еще третья возможность понять положение, которая лучше всего отвечает наличным данным. Место из общего надписания у Ибй

пересказано у $\underline{D}^c$ в словах

«что от Местожительства (и) дома $\underline{D}^t$ »

и у самого Ибй служит обобщением для противопоставлений частных надписаний:

«что от Местожительства» — «что от дома $\underline{D}^t$ » и

«что от Местожительства (и) дома $\underline{D}^t$ ».

Так как противоположность между «Местожительством» и «домом $\underline{D}^t$ » явно не пространственного порядка — работники Местожительства противопоставлены работникам самого князя, — сама собою напрашивается мысль, что и противоположность между «Местожительством» и «внешним» в данном случае не столько пространственная, сколько общественная: одни работники принадлежат Местожительству, другие тому, что вне его, одни государственные, другие постороннего, частного лица. При таком понимании совсем не обязательно, чтобы мастера Местожительства проживали при дворе и оттуда направлялись к князю. Они могли проживать у него в области, но числиться за Местожительством, за правительством, за государством. Сильным доводом в пользу последнего толкования может служить наличие подобной же двойственности в составе сельскохозяйственных и перевозочных работников князей, о чем сказано будет непосредственно ниже. Особенно же веским доводом является то обстоятельство, что деление работников на два противоположных друг другу раздела, как в ремесле, так и в земледелии и при перевозке, мы находим только в гробницах областных князей, к услугам которых были не только их собственные работники, но и рабочие силы области, государственная, «местожительственная» рабочая сила.

Таким образом, за третье толкование говорит все, за исключением только того, что при нем мы несколько отступаем от чисто пространственного понимания противоположности между «Местожительством» и «внешним», являющегося как будто единственно приемлемым для двух других староегипетских примеров определения «что от Местожительства (и) внешнего», полнее — «что от Местожительства (и) что от внешнего» (на печатке и у Мр-св- $\underline{C}^n$ х). Первое и второе толкования не отклоняются от пространственного понимания, подсказываемого двумя другими примерами нашего определения, но этого одного недостаточно, чтобы склонить чашу весов на сторону первого или второго предположения.

К тому же третье толкование отнюдь не отказывается от пространственного восприятия противопоставления полностью, только расширяет его привнесением общезначимого содержания. Но к какому бы из трех толкований мы ни склонялись, противопоставление у Ибй и Д^св «дома д.т» «Местожительству» как частного государственному остается бесспорным, только при третьем предположении, которое, думается, и есть правильное, противоположение это становится особенно выпуклым.

Противоположности между «домом д.т» и «Местожительством» отвечает другая — между «домом д.т» и «царем» или «домом царя».

В гробнице царевича Х^с.ф-хв.ф-в(й) читаем: «Смотрение на возгласение (т. е. заупокойную жертву), доставляемое из дома царя (и) из городцов его (т. е. царевича) дома д.т» (ASAE XVI 261).

Здесь «дом царя» противопоставит «городцам дома д.т», т. е. хозяевам «дома собственного» царевича.

Как было сказано, противопоставление друг другу двух разных по своей принадлежности родов работников наблюдается также на сельскохозяйственных изображениях, притом в гробницах князей, правивших областями в том же среднем Египте, где княжили Ибй и Д^св. В гробнице князя Вр-йр-нй изображение жнецов в одном поясе надписано слева «Жатва ячменя дружинам(и) дома д.(т)», справа — «Жатва ячменя дружиною малою (?)»; в другом же поясе — «Жатва полбы рабами царя» и «Жатва дружиною малою (?)» (RTSS XVI). В гробнице князя Н(й)-с(в)-хв над жнецами в одном и том же поясе написано слева «Жатва полбы дружинами дома д.т», справа — «Жатва полбы рабами царя» (DAA II CVII). Здесь, конечно, никак уж нельзя предположить, что сельскохозяйственные «рабы царя» были присланы князьям из столицы. «Рабы царя» появляются в староегипетских гробницах только на изображениях жатвы. В страдную пору в личном хозяйстве князя, должно быть, недоставало рабочих рук, обойтись одними «дружинами дома собственного» было трудно, и князь привлекал на подмогу им рабочую силу области, которую правил, — государственных земледельцев или «рабов царя». Можно спорить о том, из кого состояли «дружины малые (?)», сопущствующие в гробнице Вр-йр-нй как «дружинам дома д.т», так и «рабам царя», но не подлежит, на мой взгляд, сомнению, что «дружины дома д.т» и «рабы царя» противопоставили друг другу как две рабочие силы разного происхождения. У Н(й)-с(в)-хв они просто противопоставлены друг другу, у Вр-йр-нй противоположность оттенена еще тем, что как тому, так и другому роду жнецов придано по одинаковой «дружине малой (?)». Мне представляется, что противоположность частной рабочей силы и государственной и тем самым «дома собственного» царю или государству выражена здесь со всею желательной определенностью.

Прямое подтверждение сделанным умозаключениям дает гробница областного князя Д^св по прованию Шм'й. Над изображением мужчин, влекущих сани с надгробной сенью, надписано: «Препровождение надгробной сени соединениями, что от д.т его (т. е. князя) (и) области под рукою его» (RTDG II VII).

Следовательно, мертвого князя обслуживают — везут в гробницу тяжелый деревянный чехол для гроба — два рода объединенных в отряды людей: соединения самого князя и соединения областные, лично ему не принадлежавшие, но состоявшие под его властью, как правителя области. Соединения «его собственные» здесь прямо противопоставлены соединениям области, которая только в управлении у князя — лишь «под рукою его».

Гробница Д^{св}, общая у него с одноименным сыном и преемником, — та самая гробница, которая вместе с соседней, отца и предшественника Йбй, содержит недвусмысленные противопоставления работающих на князя мастеров «Местожительства» его собственным работникам. Гробницы Йбй, Д^{св}, Вр-йр-нй и Н(й)-с(в)-хв расположены все в среднем Египте, следовательно неподалеку друг от друга, и принадлежат одной и той же поре — позднему Старому царству. Это делает их показания как бы естественными дополнениями друг к другу. Но достойно особого внимания то, что все четыре гробницы принадлежат правителям трех разных областей — Горы змеи (Йбй, Д^{св}), Зайца (Вр-йр-нй) и Антилопы (Н(й)-с(в)-хв) — и что из всего необозримого множества староегипетских гробниц только в этих четырех, следовательно, только в гробницах областных князей, мы находим деление работников на собственных, с одной стороны, и государственных — «местожительственных», царских, областных, — с другой. Не следует ли отсюда почти с очевидностью, что двойственный состав рабочей силы у областных князей был обусловлен двойственностью их общественного положения — одновременно как частных землевладельцев и как правителей своей области? К услугам князей стояла и их собственная и областная рабочая сила, и потому только в княжеских гробницах мы встречаем противопоставление государственных работников собственным.

Что противоположность между государственными и собственными работниками сводилась для областных князей по существу дела к противоположности областных, т. е. местных государственных работников личным, особенно наглядно видно в гробнице Д^{св} с ее противопоставлением одновременно работников «Местожительства» работникам дома собственного и «соединений д.т» соединениям области. Поскольку оба эти противопоставления сделаны в одной и той же гробнице, не связать их одно с другим было бы поистине трудно.

Только под углом зрения двойственности в хозяйственном положении областных князей могут быть поняты и некоторые другие их надписи, которые, не облекая в слова противопоставления государственного дому д.т или д.т, тем не менее явно такое противопоставление подразумевают.

Областной князь города Этбо (ныне Эдфу) Мрй.й-р^с-нфр по прозвищу К^р так описывает свою жизнь в гробнице подле родного города:

«Был (я) юношей, повязавшим повязку (в знак совершеннолетия) во время (царя) Атоте. Доставили (меня) (царю) Пйопе, чтобы быть образовану (?) (мне) среди детей глав (областных). Поставлен был (я) другом единственным (придворный чин), распорядителем хнй.в-ш дома большого (т. е. дворца) при (царе) Пйопе. Дало затем величество (царя) Ме-не-рэ подняться (мне) (по реке) в (область) Носилки Хора (т. е. II верховую область) другом единственным, главою области, распорядителем ячменя верхового, распорядителем рабов бога (т. е. местных жрецов), потому что горазд был (я), честен был (я) для сердца величества (его). (Когда) пришел (я?) к (?) (себе?), поставлен был (?) (я?) во владыку (?) впереди глав всех Верховья в целокупности его. Я (был) судьбою Верховья в целокупности его.

«Дал (я) быть откормленным быкам области этой лицом (т. е. показными представителями ?) быков в хлевах (??) впереди Верховья в целокупности его. Не (есть) найденное (мною) это в руке главы, бывшего в области этой прежде, потому что бдителен был (я), потому что благодетелен был (я), (когда) управляя вещами для Местожительства.

«Я был таинником (т. е. посвященным в тайны) речи всякой, доставлявшейся из двери... (т. е. пограничной крепости) (и) (чужеземных) нагорий южных (т. е. из Эфиопии).

«Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, (тому), кого находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома д.т (моей) голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного мною в области этой (с) зерновую ссудую от другого за ним, я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома д.т (моей). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не было сына своего, в одежде (т. е. пеленах) из имущества д.т (моей).

«Умиротворял (я) (чужеземные) нагорья (т. е. страны) все для Местожительства, так что благодетелен был (я) (и) бдителен был (я) по отношению к ним (?)» (UAR 253—255=ASAE XVII 136).

В приведенном жизнеописании князь говорит прежде всего о своей государственной деятельности. В середине и в конце он употребляет слово «Местожителство», в частности в первом случае говорит о своих заслугах перед «Местожителством» по части развития скотоводства области, но «дом д.т» и «д.т» названы здесь не в связи с «Местожителством». Если бы посреди рассказа о государственной деятельности князь похвалился благодеяниями, оказанными им неимущему населению подведомственной области, всякий был бы в праве подумать, что князь благодетельствовал как правитель области, как государственное лицо — за счет государства. Подумать же это было тем проще, что князь, «отмеривавший» всякому голодному бедняку «ячмень верховый» и «возмещавший» за неоплатных должников зерновые ссуды заимодавцам, не только возглавлял область и ее хозяйство, но состоял как раз еще «распорядителем ячменя верхового», как сам о том сообщал тут же, в начале жизнеописания. Правитель, кормящий и выручающий бедных сограждан, заслуживал, конечно, похвалы, но насколько похвальнее была его благотворительность, если осуществлялась не из государственных средств, состоявших в его распоряжении, а за свой собственный счет. Указанием на «дом собственный» и «имущество собственное» как источник благодеяний князь устранял всякое недоразумение и мог требовать себе высших похвал. Но вместе с тем делается ясным, что «дом собственный» и «имущество собственное» названы здесь в противовес государственному достоянию, как противоположная ему личная собственность.

Глава 4. СУЩЕСТВО ПОНЯТИЯ Д.Т

Сколько и каких употреблений д.т ни доводилось нам видеть, они неизменно и как будто вполне удовлетворительно объяснялись при предположении, что наше д.т — не что иное, как слово «плоть/самость», употребленное для обозначения тех или иных существ или предметов как принадлежащих к «плоти» кого-либо, как собственных кого-либо. Так как примеров рассмотрено было очень много, полное отсутствие среди них противоречащих этому предположению и простота объяснения всех при отпадении от него являются сами по себе сильным доводом в пользу его правильности. Нельзя как будто придумать иное объяснение, которое бы удовлетворило всем случаям, что снова подтверждает правильность этого предположения.

Но предполагаемое значение не только оказывается приложимым или даже единственно приложимым ко всем разобранным случаям: оно подсказывается самими надписями. Если д.т — ни заупокойное

имение, ни даже земельная собственность вообще, но тем не менее служит обозначением для чего-то собственного, притом частного или личного, в противоположность государственному, предполагаемое значение уже почти выражено перечисленными отрицательными и положительными определениями. Но его можно найти непосредственно и сполна выраженным самими надписями, прямо, так сказать, вычитать из них в готовом виде.

Разбирая словоупотребление пирамид (ч. I, гл. 2), мы могли убедиться, что выражение «что от плоти (д.т)» такого-то там означает «что самого» такого-то, «собственное» такого-то, и притом не только применительно к частям тела, — в чем не было бы ничего удивительного, так как собственные очи, грудь или сердце кого-либо действительно «очи имярек, что от плоти его» (AP I 38), «головка (т. е. сосок) груди имярек, что от плоти его» (AP I 21), «сердце твое, что от плоти твоей» (AP I 2 два раза), — но и применительно к существам и предметам, частями плоти отнюдь не являющимся:

«Принимает его Хор (или «Принимает Хор Нефр-ке-рэ — жив он вечно!») на два пальца своих, очищает он Унноса этого в пруде шакала, отрешает он (от нечистоты) двойника Унноса этого в пруде того, что от Тэ (т. е. на стыке неба и преисподней на востоке), обмещает он мясо двойника Унноса этого, что от плоти его (т. е. что самого его, иными словами — собственного)...

«(Когда) светлеют обе земли (т. е. Египет), открывает он лицо богов (т. е. открывает их идола), доставляет он двойника (по-египетски «двойник» и «пища» одинаково к') Унноса этого (или «Нефр-ке-рэ»), что от плоти его, во двор большой» (пирамиды царей Унноса и Нефр-ке-рэ Пйопе (II), AP I 193—194).

«Рэ! (Когда) утреннеешь ты в небе, утреннеешь ты для Унноса, владыки вещи всякой. (Как) то, что от плоти твоей, вещь всякая, (так) то, что от двойника Унноса, вещь всякая, (так) то, что от плоти его, вещь всякая» (пирамида Унноса, AP I 24).

Или более по-русски: «Рэ! (Когда) ты поднимаешься рано на небе, ты поднимаешься рано для Унноса, владеющего всем. (Как) собственным твоим является все, (так) принадлежащим двойнику Унноса является все, (так) собственным его (т. е. Унноса) является все».

Последний пример особенно поучителен. Прежде всего он показывает, что выражение «что от плоти» употребительно только с последующим притяжательным местоимением, но не определением-существительным: «что от плоти твоей», «что от плоти его», но «что от двойника Унноса», не «что от плоти двойника Унноса». И действительно, сколько примеров с д.т мы ни рассматривали, мы ни разу не видели, чтобы за д.т следовало определение-существительное: налицо было или притяжательное местоимение или вообще не было никакого определения. Далее, из данного примера следует, что выражение «что от плоти» + притяжательное местоимение по значению своему равно выражению «что от» + имя существительное, иначе — что назначение первого выражения такое же, что и второго, и так как последнее выражает только принадлежность и ничего более, то и первое — «что от плоти» + притяжательное местоимение — служит той же цели.

Отделить такие обороты пирамидных надписей, как только что приведенные, от однородных выражений в частных гробницах, определяющих, как и пирамидные, принадлежность умершему тех или иных существ или предметов, никак невозможно. Пирамидное словоупотребление то же, что и словоупотребление частных надписей, и подсказывает нам прямо то самое значение для д.т, к которому косвенно

подводят эти надписи, если частичные их отрицательные и положительные показания соединить и сопоставить.

Есть, впрочем, и частные надписи, которые так же непосредственно раскрывают содержание д.т, как и пирамиды, стоит только хорошенько в них вникнуть. Я и имею в виду прежде всего «завещание» Вп-м-нфр.т в пользу своего рано умершего сына Ибий, которое сановник начертал внутри своей гробницы на стене северной поминальной каплицы, предназначавшейся первоначально для самого Вп-м-нфр.т, но затем уступленной им вместе с северным склепом своему сыну. Подробно это «завещание» обсуждалось нами выше (ч. I, гл. 2, подраздел «б»), там же переведена и надпись в целом. Напомню только место ее, непосредственно касающееся д.т:

«Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Ибий, д.т (мою): могилу северную с каморою северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которые в гробнице, что от д.т (моей), что (на царском) кладбище» (EG II между 190 и 191).

Здесь д.т названы склеп и поминальная каплица, и поскольку он и она сохранились, мы можем в этом случае прямо-таки прощупать д.т руками. Гробница была расположена посреди пустыни; в ней было два склепа и две поминальных каплицы; каменная толща ее составляла самые их стены, так что обособленно от этой толщи северные склеп и каплица не существовали, — существовали лишь как пустоты внутри ее. Потому д.т, которым они объявлены в надписи, не могло быть ни заупокойным именем, ни земельной собственностью, ни даже недвижимостью вообще. Отец говорит просто-напросто, что отдал сыну собственные свои склеп с каморою для поминок, т. е. лично для него предназначавшиеся северные склеп и каплицу, в гробнице собственной своей на кладбище. Иными словами, д.т здесь — та же самая «плоть», что и в пирамидных надписях, отнесение к которой выражает принадлежность, и эта принадлежность, поскольку речь идет о северных склепе и каплице, есть принадлежность не владения, а назначения. Конечно, владение подразумевается, так как вся гробница в целом принадлежит Вп-м-нфр.т, но выражено первым д.т не оно.

Ту же принадлежность по назначению или пользованию выражает недвусмысленно д.т и в надписях на входах в жилища служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн. Хозяева жилищ изображают и называют себя и своих близких на косяках дверей, и под надписанным изображением каждого из хозяев неизменно стоит: «жилице (рв.т), что от д.т его» (UAR 272—274 = PO 22). При этом на одной и той же двери упоминаются два жилища двух разных хозяев — одно на левом, другое на правом косяке, по бокам входа, ведущего в такое двойное жилище. Это значит, что жилища здесь были не обособленными домами, построенными для себя самими обитателями, а местами совместного проживания, однообразно выстроенными для служащих владыками заупокойного храма из расчета на две семьи каждое. Здесь нельзя говорить о собственных домах, можно говорить лишь о собственных, т. е. личных, жилищах внутри казенного общежития, на них разбитого. Иначе, д.т тут явно не означает ни земельной собственности, ни недвижимости вообще, а является «плотью», отнесением к которой выражена принадлежность жилища, в порядке пользования, лично ее обладателю. (Подробнее см. ч. II, гл. 1, конец подраздела «ж»).

На грани между принадлежностью в смысле пользования или назначения и принадлежностью в смысле владения стоит словоупотребление одного из царских указов конца Старого царства на имя пра-

вителя Шм²й. В указе этом, начертанном на стене храма Мина в Кебто, говорится об обеспечении поминальной службы по сановнику в личных его поминальных каплицах внутри городского храма. Эти каплицы именуется «двором двойника, что от д.т твоей», «двором двойника верхним, что от д.т твоей» (UAR 302—303). «Д.т» никак не могло означать здесь «земельная собственность» или «недвижимость», потому что не могла быть «двором двойника, что от земельной собственности (или «недвижимости») твоей», расположенная на храмовой земле внутри городского храма поминальная каплица частного лица. Д.т было «плотью», и отнесение к «плоти» сановника его поминальной каплицы выражало посвящение ее лично ему, заупокойной службе лично по нем.

Таким образом, мы и в случае д.т частных надписей находим такие ее употребления, которые не служат непосредственно для выражения отношений собственности, а ограничиваются указанием принадлежности более общего порядка, в смысле назначения, пользования, посвящения, т. е. указанием связи лично с тем или иным человеком.

Очень важно, что один из оборотов пирамидных надписей в точности повторяется в частных гробницах, причем эти случаи неотделимы от остальных употреблений нашего д.т.

В пирамиде Унноса сказано:

«Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе Уннос. Возвел ты его, окружил ты его объятиями твоими. *Сын твой* это, что от д.т твоей, навечно» (AP I 89—90).

«Атум, возвел ты Унноса этого, окружил ты его объятиями твоими. *Сын твой* это, что от д.т твоей, навечно» (AP I 122).

В гробнице Х^с.ф-р^с-с^{нх} позади хозяина изображен «брат его, что от д.т его, друг дома большого (т. е. дворца; некий придворный чин) Йтй» (DAA II IX).

В гробнице 2х-мрв.т-нй-св.т перед ним представлен «брат его, что от д.т его, распорядитель дома...к²» (GAR LXIX).

Строение, состав и порядок слов в подчеркнутых выражениях в пирамиде и гробницах одинаковые: степень родства с притяжательным местоимением, затем прилагательное принадлежности («что от»), наконец д.т с притяжательным местоимением. Правписание д.т во всех четырех случаях одинаково обходится без знака земли: пирамида и Х^с.ф-р^с-с^{нх} пишут только змею и хлеб, 2х-мрв.т-нй-св.т ограничивается даже одною змеею.

Разумеется, в этих примерах нет речи о праве собственности, хотя, с другой стороны, их «что от плоти» навряд ли следует понимать слишком дословно. Пирамидное «сын твой это, что от плоти твоей, навечно», понятое в прямом смысле, как утверждение о кровном родстве, не дает приемлемого смысла. Если сын родной, то не может перестать быть им, и непонятно, зачем понадобилось «навечно»? Последнее же явно употреблено не зря, так как заканчивает оба пирамидных примера. Очевидно, смысл пирамидных заявлений тот, что умерший царь будет у солнца за собственного его сына навеки. Что это именно так, показывают слова, предпосланные каждому из утверждений о сыновстве. В обоих случаях говорится, что солнце возводит к себе умершего царя и заключает его в свои объятия, т. е. приближает его к себе.

Итак, мы видели, что в пирамидах с помощью слова д.т выражались не только принадлежность телесная и по родству, но и принадлежность в силу владения. Мы видели также, что надписи частных лиц пользовались д.т для обозначения принадлежности по праву собствен-

ности — примеров того было приведено великое множество — и вместе с тем употребляли то же слово, когда хотели выразить принадлежность в силу родства, личной связи, предназначения, пользования, посвящения. Этим окончательно выясняется коренное тождество д.т пирамид и д.т частных надписей, и то, что в основе общественно осмысленного д.т лежит значение «плоть».

Но если в основе этого д.т действительно лежало значение «плоть» и это д.т в староегипетскую пору в самом деле нигде и никогда не значило «заупокойное имяние», «земельная собственность», то почему же в большинстве случаев занимающее нас староегипетское д.т написано с определителем земли?

Первое, что приходит на ум, — это возможность смешения двух знаков, замена знаком земли — длинной узкой полоски наносной почвы — знака волнистой воды н. Такое объяснение подсказывают сами староегипетские памятники, так как на них очень часто — по меньшей мере раз сорок — за д.т следует не знак земли, а знак воды. Если бы дело было действительно в смешении этих двух знаков, мы имели бы случай, сходный с полным написанием слова н(й)-св.т «царь», где сперва пишется тростинка св.т, затем знаком хлеба повторно выписывается окончание «т», а под хлебом пишется волнистая вода н. Вместо того, чтобы стоять в начале, она из соображений красоты подписывается под знак хлеба. В нашем случае волнистая вода была бы подписана под змею д и хлебом т и передавала бы предшествующее в произношении слову д.т прилагательное принадлежности нй «что от». В н(й)-св.т «царь» мы имели бы «(тот,) что от тростинки», в н(й)-д.т — «что от плоти». Смешение знаков земли и воды в правописании д.т уже давно было объяснено совпадением начертаний обоих знаков в скорописи, примененной в тех прописях, по которым были начертаны надписи на памятниках.

Однако как хорошо ни подсказано самими памятниками такое объяснение и как бы ни соответствовало оно правописанию слова «царь», оно вряд ли может быть правильным. Во-первых, написаниям д+т+н не раз предпослано прилагательное принадлежности «что от» как в мужском роде в единственном (н(й) — TP XXXIX два раза, UAR 136) и множественном числе (н(й).в — UAR 229), так и в женском роде в обоих числах (н(й).т, н(й).в.т — PO 22 = UAR 273, RTDG II VII, DAA II XLVI). Прилагательное принадлежности нй «что от» в единственном и множественном числах и в мужском и женском родах много раз предпослано также написанию д+т+земля (я насчитал свыше 25 таких случаев). Вторых — и это особенно существенно, — количество написаний д+т+н, как ни значительно само по себе, по сравнению с количеством написаний д+т+земля настолько скромно, что никак не может считаться основным: написаний д+т+н мне известно около 40, написаний д+т+земля — примерно 170.

Тем не менее эти сорок написаний с заменой изобразительного знака, определителя земли, буквенным знаком — водою н — не лишены значения. Они показывают, что многие грамотеи того времени не отдавали себе отчета в том, что собственно представляла длинная лежащая черта, сопровождавшая в скорописи общественно осмысленное д.т, иными словами, не ощущали в нем ничего «земельного», не ожидали за ним определителя земли.

О том же говорит очень частое написание нашего д.т одними только буквами, змею д и хлебом т, без каких бы то ни было дополнительных знаков, будь то земли или воды. Мне известно до 70 таких написаний — и это помимо пирамид. Можно ли себе представить столь частое опущение определителя у действительно «земельного» обозначе-

ния, написанного буквенными знаками, скажем, у слова ḫ.t «пашня»?

Но что еще может означать странный знак земли после общественно осмысленного д.т ? Странный определитель земли разделяют с нашим д.т некоторые другие староегипетские обозначения явно не «земельного» порядка. Для наших целей особенно полезно староегипетское правописание выражения вп.т-рп.т «открытие года», т. е. «день Нового года». Как в случае нашего д.т , написание с узкой лежачей полоской может и тут считаться основным правописанием. Полоска у вп.т-рп.т бывает нередко совсем такую же, как у д.т , зато чаще, чем у него, она бывает укорочена, выглядит как знак стоячей черточкой, положенной на бок. Однако узкая полоска у вп.т-рп.т именно и есть знак такой черточки, единица — определитель первого дня года. И действительно, вп.т-рп.т бывает изредка написано в Старом царстве со стоячей черточкой вместо лежачей (например, CE XCIV ; $\text{DARMK I XVII} = 64$; в обоих случаях написано одинаково: черенок пальмового листа, рога, солнце, отвесная черточка). Но не то же ли самое мы видим у нашего д.т ? Мне известно четыре случая, когда оно написано в гробницах змеею д , хлебом т и стоячей черточкой ($\text{MM II CXLIX} = \text{CL} = \text{GAR XXXVII}$; $\text{RTDG I VII} = \text{UAR 144}$; RTM IV IX два раза); в пирамидах такое написание встречается значительно чаще (см. начало работы).

Предположение, что земля после общественно осмысленного д.т не изобразительный знак, а знак отвлеченный — стоячая черточка, положенная на бок и вследствие того удлиненная, объясняет все, разрешает все затруднения. Если «земля» не «изображала» содержания слова, не была связана с его смыслом изобразительно, была всего лишь данью правилам правописания, то ее можно было безболезненно опустить, ее легко было неправильно воспринять в скорописи, передать в надписи сходным по скорописному начертанию знаком волнистой воды. Одно уже то, что таким предположением разрешаются все вопросы, говорит в его пользу, но оно может быть подкреплено и более прямым способом.

В гробнице Нфр-сшм-птḫ в Саккара времени VI царского дома читается дважды над сходными изображениями одна и та же надпись, раз справа налево, другой раз слева направо: «Доставка животных пустыни рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от дома д.т » (RTS LXXX, LXXXI). И вот оба раза сочетание «дом д.т » написано так: дом пр , земля, змея д , хлеб т . Что земля, подписанная под знак дома, никак не замена воды н , видно по тому, что в обеих надписях, — кстати, выполненных изящно и тщательно, — всего-навсего за несколько знаков до земли звук «н» написан волнистой водой. Это значит, что «земля» может быть только положенной на бок черточкой, которая должна была указывать, что знак дома надо читать как то слово, которое он изображал, т. е. пр «дом». Написание выражения «дом д.т » со стоячей черточкой после слова «дом» — закономерное староегипетское правописание. На полтораста написаний этого выражения с черточкой после слова «дом» я не насчитал и двух десятков написаний без нее. Не приходится сомневаться в том, что знак земли под домом в обеих надписях Нфр-сшм-птḫ — положенная на бок черточка. То же, что она оба раза положена на бок и выглядит как знак земли, трудно не поставить в связь с привычным написанием выражения «дом д.т » со знаком земли под д.т . Заметим при этом, что в обеих надписях само д.т написано одними буквами: змеею д и хлебом т , без знака земли, как если бы этот знак передвинулся из-под д.т вперед, под предшествующий знак дома пр .

Но если знак земли после общественно осмысленного д.т — не более как черточка, положенная на бок и потому обыкновенно несколько удлинённая, то что же она может означать в данном случае? Неужели такая черточка, стоячая или лежащая, могла указывать на то, что знак змеи надо читать как слово, которое он изображает, т. е. как слово д.т «змея»? Изредка как будто наше д.т бывает написано даже одною змеею без хлеба т с придачею или без придачи знака земли, подобно тому как и в пирамидах д.т «плоть» несколько раз написано одною змеею с придачею стоячей черточки.

Не так давно Р. Антес напечатал статью, в которой пирамидное слово д.т, значащее по словарю «плоть», истолковал как обозначение «змеи», «змеиною тела».¹ Однако понимание, предложенное в этой статье, трудно предпочесть значению, данному в словаре. Последнее естественным образом укладывается в соответствующие места пирамидных надписей и, если отвлечься от трудно объяснимых из самих себя концовок д.т д.т, обыкновенно прямо-таки вытекает из написанного, напрашивается само собою. Предполагаемая же «змеиность» привносится в «тело» по более или менее отвлеченным соображениям; «плоти» всюду достаточно быть «плотью», а не «змеиным телом». А что могло бы значить баснословное «змеиное тело» в вельможеских гробницах на положении общественно осмысленного понятия — нельзя себе и представить, хотя оторвать словоупотребление гробниц от словоупотребления пирамид невозможно.

Но тогда при чем же все-таки черточка? Можно не соглашаться с объяснением пирамидного слова как «змеиное тело», но за ученым остается большая заслуга сближения словарных д.т «змея» и д.т «плоть». Для того чтобы вполне оценить это сближение для наших целей, надо только перевернуть порядок сближения и не д.т «плоть» подводить под д.т «змея», а наоборот — д.т «змея» подводить под д.т «плоть».

Черточка как в пирамидах, так и в гробницах указывала, что читать надо то слово, которое изображено знаком, т. е. слово, обозначающее змею. Но что такое змея, как не голое «туловище» без конечностей, почему слову «туловище» было не стать одним из обозначений змеи? И в письме изобразить слово «туловище» лучше, чем знаком змеи, природного голого «туловища», было не так уж просто.

Еще в начале, обозревая словоупотребление пирамид, мы видели, что подчас лучшей передачей пирамидного д.т было именно слово «туловище». И туловище — основа тела, ово само, без придатков — как нельзя лучше выражало понятие самости. Что относится к туловищу такого-то, что относится к самости такого-то, то относится к нему самому. Относиться к нему самому могут близкие, приближенные, служители, слуги, работники, но в равной мере также животные, земли, строения, вещи, собственность в употребительном смысле слова. А то, что принадлежит самому лицу, противостоит как частное тому, что принадлежит государству. Почувствовать все это в какой-то мере по-русски можно, если сопоставить старинное слово «собь» с производными от него словами — старинным «собиный» и более современным «собственный».

---

¹ R. Anthes. Der Gebrauch des Wortes dt «Schlange», «Schlangenleib» in den Pyramidentexten. В сб.: Древний мир, М., 1962, стр. 32—49.

ОБОЗНАЧЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ

Из цифр, следующих за сокращенным названием книги или журнала, где издан памятник, первая цифра (всегда римская), не отделенная запятой от последующих, означает часть, том, выпуск издания, далее римскими цифрами даны номера таблиц, арабскими — страницы. Курсивные цифры или буквы — обозначения отдельных воспроизведений на таблице или странице.

При передаче источников в круглые скобки заключены слова или части слов, никогда не имевшиеся в источнике и вставленные для ясности. В прямые скобки заключены слова или части слов, восстановленные в разрушенных местах источника. Многоточием отмечены места, сохранившиеся в источнике, но опущенные при передаче, тремя черточками — места, ныне в источнике разрушенные и при передаче не восстановленные.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ХДИТ — И. М. Лурье. Хрестоматия древнеегипетских иератических текстов, выпуск 1. Л., 1948 (Ленинградский Государственный орден Ленина Университет).
- A — W. M. Flinders Petrie. Atribis. British school of archaeology in Egypt and Egyptian research account, 14th year, 1908. London, 1908.
- AGGAK — A. Wiedemann, B. Pörtner. Aegyptische Grabreliefs aus der grossherzoglichen Altertümer-Sammlung zu Karlsruhe. Strassburg i. E., 1906.
- AIMB — H. Schäfer. Aegyptische Inschriften aus den königlichen Museen zu Berlin, 1. — 2. Heft. Leipzig, 1901, 1903.
- AP — Kurt Sethe. Die altaegyptischen Pyramidentexte, 1. — 2. Band. Leipzig, 1908, 1910.
- ASAE — Annales du Service des antiquités de l'Égypte. Le Caire.
- CFSDMRC — Jean Capart. Chambre funéraire de la Sixième dynastie aux Musées royaux du cinquantenaire. Bruxelles, 1906.
- CMIEA — J. de Morgan, U. Bouriant, G. Legrain, G. Jéquier, A. Barsanti. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Première série: Haute Égypte. Tome I. Vienne, 1894.
- D — W. M. Flinders Petrie. Deshasheh 1897. 15th memoir of the Egypt exploration fund. London, 1898.
- DAA — Richard Lepsius. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien, 2. Abteilung: Denkmäler des Alten Reiches. Berlin, [середина прошлого века].
- DAAE — Richard Lepsius. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Ergänzungsband. Herausgegeben von Eduard Naville unter Mitwirkung von Ludwig Borchardt bearbeitet von Kurt Sethe. Leipzig, 1913.
- DAAT — Richard Lepsius. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Text. Herausgegeben von Eduard Naville unter Mitwirkung von Ludwig Borchardt bearbeitet von Kurt Sethe. I. Band. Leipzig, 1897.
- DARMK — Ludwig Borchardt. Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo. Teil I. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Berlin, 1937.
- DRAEE — Raymond Weil. Les décrets royaux de l'Ancien empire égyptien. Paris, 1912.
- EG — Selim Hassan. Excavations at Giza. [Vol. 1]. 1929—1930. Oxford, 1932; [Vol. 2]. 1930—1931. Cairo, 1936; Vol. 4. 1932—1933. Cairo, 1943; Vol. 5. 1933—1934. Cairo, 1944.
- ES — J. E. Quibell. Excavations at Saqqara 1907—1908. (Service des antiquités de l'Égypte). Le Caire, 1909.
- EUIEA — Enciclopedia universal ilustrada Europeo-Americana. Madrid-Barcelona.
- G — Hermann Junker. Giza III. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Wien—Leipzig, 1938; Giza IV. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften, 71. Band, 1. Abhandlung. Wien, 1940; Giza V. Там же, 71. Band, 2. Abhandlung. Wien—Leipzig, 1941; Giza VI. Там же, 72. Band, 1. Abhandlung. Wien—Leipzig, 1943; Giza VIII. Там же, 73. Band, 1. Abhandlung. Wien, 1947; Giza IX. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften, 73. Band, 2. Abhandlung. Wien, 1950.
- GAR — Heinrich Schäfer. Gräber des Alten Reiches = W. Wreszinski, Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte, Teil 3. Leipzig, [1930-е годы].
- GKS — Ludwig Borchardt. Das Grabdenkmal des Königs Šaḥu-re^c. Band 2: Die Wandbilder. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesell-

- schaft in Abusir 1902—1908. Text. Abbildungsblätter. 26. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Leipzig, 1913.
- GT — Georg Steindorff. Das Grab des Ti. Veröffentlichungen der Ernst von Sieglin Expedition in Ägypten, 2. Band. Leipzig, 1913.
- HGN — George Andrew Reisner. A history of the Giza necropolis, volume I. Cambridge (Mass.), 1942.
- HPKMB — Hieratische Papyrus aus den königlichen Museen zu Berlin. 3. Band. Leipzig, 1911.
- IHCE — Emmanuel de Rougé. Inscriptions hiéroglyphiques copiées en Égypte. Études égyptologiques, 9 livraison. Paris, 1877.
- JEA — The journal of Egyptian archaeology. London.
- M — W. M. Flinders Petrie. Medum. London, 1892.
- MAE — A. Mariette. Les mastabas de l'ancien empire. Fragment du dernier ouvrage de A. Mariette publié d'après le manuscrit de l'auteur par G. Maspero. Paris, 1889.
- MG — Friedrich Wilhelm von Bissing. Die Mastaba des Gem-ni-kai, Band 1. Berlin, 1905; Band 2. Leipzig, 1911.
- MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientforschung).
- MKCI — T. G. H. James. The mastaba of Khentika called Ikhekhi. Archaeological survey of Egypt, 30 memoir, London, 1953.
- MM — Prentice Duell. . . The mastaba of Mereruka. Part 1—2. The University of Chicago Oriental institute publications, volume 31, 39, Chicago, 1938.
- MMOA — Mélanges Maspero I: Orient Ancien, 2-d fascicule. Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, tome 66, Le Caire, 1935—1938.
- MPAS — N. de G. Davies. The mastaba of Ptahhetep and Akhetetep at Saqqarah. Part 1—2. Archaeological survey of Egypt, 8th, 9th memoir. London, 1900, 1901.
- MU — Hans Kayser. Die Mastaba des Uhemka. Ein Grab in der Wüste. Hannover, 1964.
- NAWG — Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philol.-hist. Klasse.
- PO — Gustave Jéquier. La pyramide d'Oudjebten. Fouilles à Saqqarah (Service des antiquités de l'Égypte). Le Caire, 1928.
- RIEMRCB — Louis Speleers. Recueil des inscriptions égyptiennes des Musées royaux du cinquantenaire à Bruxelles. Bruxelles, 1923.
- RME — Jean Capart. Recueil de monuments égyptiens. (1-e série). Bruxelles, 1905.
- RTDG — N. de G. Davies. The rock tombs of Deir el Gebrâwi, part 1—2. Archaeological survey of Egypt, 11th—12th memoir, London, 1902.
- RTRPAEA — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Paris.
- RTM — Aylward M. Blackman. The rock tombs of Meir, parts 4, 5. Archaeological survey of Egypt, 25th, 28th memoirs, London, 1924, 1953.
- RTS — Jean Capart. Une rue de tombeaux à Saqqarah. Bruxelles, 1907.
- RTSS — N. de G. Davies. The rock tombs of Sheikh Saïd. Archaeological survey of Egypt, 10th memoir, London, 1901.
- SM — Margaret A. Murray. Saqqara mastabas, part 1. Egyptian research account, 10th year 1904, London, 1905.
- SPE — Abd el-Mohsen Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt. Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte, cahier N° 18, Le Caire, 1952.
- SSKPMK — Ludwig Borchardt. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten im Museum von Kairo, Teil I. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, vol. 53, Berlin, 1911.
- SVPTEAE — Pierre Montet. Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'ancien empire. Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg, fascicule 24, Strasbourg, 1925.
- TIA — Heinrich Brugsch. Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. Altaegyptische Inschriften gesammelt, verglichen, übertragen, erklärt und autographiert von Heinrich Brugsch. 5. Abtheilung: Historisch-biographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler in hieroglyphischer, hieratischer und demotischer Schrift gesammelt, besprochen und autographiert von Heinrich Brugsch. Leipzig, 1891.

- TP — R. F. E. Paget and A. A. Pirie. The tomb of Ptahhetep. Egyptian research account 1896, 2. London, 1898.
- TPC — Cecil M. Firth and Battiscombe Gunn. Teti pyramid cemeteries. Excavations at Saqqara. Volume 1. Text; Volume 2. Plates. Le Caire, 1926.
- TPCP — Gustave Jéquier. Tombeaux de particuliers contemporains de Pepi II. Fouilles à Saqqarah (Service des antiquités de l'Égypte). Le Caire, 1929.
- TT — Lucienne Épron, François Daumas, Georges Goyon. Le tombeau de Ti, fascicule 1. Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, tome 65, Le Caire, 1939.
- UAR — Kurt Sethe. Urkunden des Alten Reichs. Heft 1—4. Urkunden des aegyptischen Altertums in Verbindung mit Kurt Sethe und Heinrich Schäfer herausgegeben von Georg Steindorff, I. Abteilung. Leipzig, 1932—1933.
- VZGPG — Hermann Junker. Vorbericht über die zweite Grabung bei den Pyramiden von Gizeh vom 16. Dezember 1912 bis 24. März 1913. (Aus dem Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der kais. Akademie der Wissenschaften vom 11. Juni [Jahrgang 1913, Nr. XIV] separat abgedruckt). Wien, 1913.
- ZASA — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterumskunde. Leipzig.
-
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
<i>ЧАСТЬ I. Предварительные замечания.</i>	5
Глава 1. Положение вопроса	5
Глава 2. Словоупотребление пирамид	7
Глава 3. Внешнее сходство и различие между д.т пирамид и прочих надписей	12
<i>ЧАСТЬ II. Простое д.т</i>	17
Глава 1. Д.т в определениях	17
а. Определения к обозначениям родства	17
б. Определения к обозначениям служащих	38
в. Определения к обозначениям подневольных людей	40
г. Определения к обозначениям скота	43
д. Определения к обозначениям земли	44
е. Определения к обозначениям селений	44
ж. Определения к обозначениям построек	48
з. Определения к обозначению имущества вообще	56
и. Сомнительное определение к обозначению заупокойной жертвы	57
Глава 2. Д.т самостоятельное	57
а. Д.т применительно к людям	57
б. Д.т о вещах	75
<i>ЧАСТЬ III. Дом д.т</i>	81
Глава 1. Дом д.т в определениях	81
а. Родственники дома д.т	81
б. Служащие дома д.т	82
в. Работники дома д.т	83
г. Управа дома д.т	87
д. Отдельные хозяйства дома д.т	88
е. Хозяйственные заведения дома д.т	92
ж. Скот дома д.т	93
з. Зерно дома д.т	93
и. Казна дома д.т	94
к. Имущество и ведомость дома д.т	94
Глава 2. Самостоятельное «дом д.т»	96
а. Применительно к людям	96
б. О жилом доме	98
в. О доме в широком смысле — хозяйстве	100
г. О гробнице	102

	Стр.
<i>ЧАСТЬ IV. Выводы . . . . .</i>	104
Глава 1. Д.т — не заупокойное имение	104
Глава 2. Д.т — вообще не земельная собственность	105
Глава 3. Д.т противоположно государственному	107
Глава 4. Существо понятия д.т	115
Обозначения, принятые в книге	122
Список сокращений	123

Юрий Яковлевич Перепелкин

**ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕГИПТЯН
СТАРОГО ЦАРСТВА**

Палестинский сборник. Вып. 16

Утверждено к печати

Российским Палестинским обществом Академии наук СССР

Редактор издательства *В. М. Панеях*

Технический редактор *А. В. Смирнова*

Корректоры *Р. Г. Гершинская и А. И. Кац*

Сдано в набор 24/V 1966 г. Подписано к печати 5/X 1966 г. РИСО АН СССР № 211—122В. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Печ. л. 8 = 11.2 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10.59. Изд № 2863. Тип. зак. № 982. М-51879. Тираж 1100.

Цена 64 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
13	3 и 9 сверху	Уср-ке-рэ	Атоте
15	24 »	д.т его»	д.т»
18	1—2 »	нять примеров	два примера
19	4 »	SMI	SM I
19	5 »	SIX	G IX
24	24 »	Зт ^р в	З ^р ТВ
30	16 »	ММII	ММ II
35	24 »	Зтв	З ^р ТВ
49	6 снизу	II(й)-м ^р с.т-	II(й)-м ^р с.т-р ^с
72	11 сверху	Фараону	Фараоне
84	25 »	Нфр-б ^р .вп.тх	Нфр-б ^р .в-птх
97	6 снизу	вписано	выписано
106	26 сверху	представляет	предоставляет
123	<i>В списке сокращений пропущено СЕ</i>		СЕ — Maria Mogensen. La Glyptothèque Ny Carlsberg. La collec- tion égyptienne. Co- penhague, 1930.

64 коп.